

О Ъ Е Я Д З Җ К Җ Н И

В Е С Е Л Җ Л Я
К Н И Т Җ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

ОБЕИД ЗАКАНИ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВЕСЕЛАЯ КНИГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА 1965

*Перевод с персидского,
предисловие и примечания*
Н. К О Н Д Ы Р Е В О Й

Стихи переведены
Г. А Л Е К С Е Е В Ы М

Под редакцией
Ю. Б О Р Щ Е В С К О Г О

Художник
И. О Ф Ф Е Н Г Е Н Д Е Н

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читателю, который впервые откроет небольшой томик с жизнерадостным названием «Веселая книга» и перелистает его страницы, едва ли придет в голову, что автора этих остроумных и язвительных, насмешливых и забавных историй, анекдотов, сентенций уже почти шесть веков нет в живых. Ведь написанные им строки удивительно живы и даже современны! Однако Обейд Закани, перу которого принадлежат публикуемые в этом сборнике произведения, действительно жил в XIII—XIV веках на западе Ирана.

Мы располагаем очень скудными данными о жизни Закани, знаменитого персидского сатирика, впрочем, так же как и о жизни большинства его собратьев по перу, современников и предшественников. Шесть веков — немалое расстояние, а в средневековом Иране редко писали автобиографии. Можно, правда, обратиться к различным литературным *тазкире*. (Тазкире в персидской литературе — сборник, похожий на антологию, где образцы творчества различных авторов сопровождаются сведениями о их жизни, во многих случаях легендарными). Но сведения о Закани, приводимые в *Тазкире ош-шоара* Доулат-шаха, сводятся к двум-трем литературным анекдотам, не внушающим большого доверия, а другие тазкире попросту повторяют Доулат-шаха (средневековые авторы очень любили цитировать друг друга), не затрудняя себя сочинением новых подробностей. Единственная возможность как-то реконструировать превратности жизненного пути Закани — это обратиться к его творчеству, отыскать там слова, фразы, эпизоды, которые дополнили бы бесконечно скудные сообщения хроник и тазкире. Ведь надо полагать, что сведения самого автора будут сравнительно достоверными.

ствие от подобных подношений — не даром они не спешили осыпать дождем милостей Обейда.

Первую книгу Обейд задумал поднести Ала ад-Дину, везиру Абу Саида, последнего представителя Ильханов. Однако везир не прицал труда Закани. Закани бедствует:

У меня есть долги, а больше нет ничего.
Расходы мои обширны, а золота вовсе нет.
Ты говоришь, мир создан для радостей,
надо наслаждаться ими —
Мне об этих делах ничего не известно...²

Тема долгов надолго занимает прочное место в его творчестве. Все тазкире приводят знаменитые стихи Закани, где он, пародируя лирические стихотворения того времени, вместо возлюбленной воспекает долги. Но поэт еще молод, полон сил, весел, он не прочь посмеяться над своими бедами. Опять прибегая к изящной пародии, он создает «газель о деньгах»:

О грош, пыль лика рудников!
О ты, без которого сама жизнь запретна!
О покой души и сила сердца,
Цена веселья и исполнения желаний!
Доколе Обейд будет жить без тебя,
Обрекать тело на слабость и бессилие? ³

Но, конечно, главное занятие Закани не эти шуточные стихи. Он пишет новую книгу. Это опять сочинение на темы морали — «Этика аристократии» назовет его автор, — но оно совсем не похоже на первое. Талант Закани уже вполне сложился, его беспощадное перо набрасывает ряд метких портретов знати, смелых сатирических зарисовок быта и нравов господствующих классов эпохи. «Этика аристократии» блестяще пародирует ученые трактаты средневековых мудрецов. Но в отличие от сочинений философов того времени, неизменно пользовавшихся арабским языком, этой латынью Востока, Закани пишет по-персидски — ведь он создает книгу для всех, а не для горстки «ученых мужей».

К 1340 году книга закончена. Она получилась очень резкой. Не послужит ли она причиной новых бед ее создателя? Закани,

² Там же, стр. 76.

³ Там же, стр. 80.

видимо, терзают сомнения. Может быть, в это время появляются среди его стихов горькие строчки:

Боюсь, что понапрасну стану я притчей во языцех,
Будут показывать на меня пальцем близкие и
далекие...

Это мой беспокойный ум причиняет беду мне!
От излишнего ума я когда-нибудь с ума сойду⁴.

В 40-х годах XIV века Закани приезжает в Шираз. Здесь, в Ширазе, одном из крупнейших центров литературной и культурной жизни того времени, Закани проводит 12 лет. Видимо, это были неплохие годы. Закани нашел в Ширазе новых друзей — передовых людей той эпохи, выдающихся поэтов и ученых, — и искренне полюбил город — один из прекраснейших городов Ирана. Он пишет:

Ветерок из садов Мосалла и воды Рокнабада
Уносят из памяти чужеземца родной край.
О благословенная земля, прекрасная страна!
Да будут вовеки благополучны ее высокие
пределы!⁵

За годы жизни в Ширазе Закани создает «Книгу влюбленных» — лирическую поэму, выдержанную в слегка ироническом тоне, — и ряд других произведений. Он подносит несколько од правящему в Ширазе Абу Исхаку, но, кажется, сам не придает им значения. Сомнительно, пользовался ли он покровительством Абу Исхака. Однако с падением последнего Закани покидает Шираз и делает это, по его же словам, только в силу необходимости, с большой неохотой:

Я покинул пределы Ширази, жизнь моя в опасности.
Ах, как болит мое сердце из-за этого вынужденного
отъезда!

Я иду и бью себя по голове от горя, а противоречия
раздирают мою душу —

К чему приведет это путешествие, что ожидает меня?⁶

⁴ Там же, стр. 86.

⁵ Там же, стр. 55. Мосалла — загородные сады в Ширазе, Рокнабад — небольшая река, протекающая через город.

⁶ Там же, стр. 70.

Закани вновь скитается из города в город. Некоторое время он проводит при дворе султана Овейса в Тебризе, потом возвращается в Шираз, оттуда едет в Керман. Удача не балует его, а он уже стар и устал. Но он не хочет отступить от своих взглядов:

Я не завидую никакому хану, никакому хакану,
Никакому султану, никакому эмиру,
Не заглядываюсь на положение советника
или казначея,
Не завидую обширным богатствам,
Не беспокоюсь ни на грош об аде,
Не завидую раю и райским кушам,
Не отдаю сердца садам или цветникам,
Не завидую дворцам и айванам.
Колесо судьбы унесло мою юность,—
Тем, кому оно принесет жизнь, я завидую⁷.

Произведения Закани приобрели к тому времени широкую популярность. Он повсюду известен и знаменит, но слава не приносит ему покоя и достатка. Он бродит по пыльным дорогам с посохом в руке, в бедной одежде, неузнанный, и только нужда и долги неотступно идут за ним следом:

Люди в веселье и радости, а я — в невзгодах долгов.
Все заняты делами, заботами, а я — занимаюсь долгами.
Долг перед богом лежит на мне и долг перед людьми,—
Исполнять ли мне обязанности или платить долги?⁸

* * *

Сердце пресытилось ударами судьбы,
Оплеухами и произволом со стороны ничтожных людей.
Доколе мне, как флейте, стонать от каждого дуновения,
Доколе, как чаше, то и дело захлебываться в крови?⁹

Умирает он глубоким стариком между 1366 и 1370 годами. После него остается сын Исхак, унаследовавший от отца не-

---

⁷ Там же, стр. 67.

⁸ Там же, стр. 79.

⁹ Там же, стр. 76.

сколько книг (одна из них — собственноручно переписанный Закани экземпляр сочинения по астрологии — сохранилась). Кажется, этим и ограничивалось все наследство.

Прошло около 600 лет. Цветущие деревья в Нишапуре тихо осыпают лепестками могилу Хайяма, в Ширазе туристы осматривают гробницу Саади, но где — в Кермане, Исфагане, в Казвине или в безвестной деревушке — ветер заносит песком прах Обейда Закани? Никто не знает. Только рассказы его — веселые и злые, насмешливые и остроумные, передаются из поколения в поколение, превратившись в народное достояние, в фольклор. Оправдались слова самого Закани:

Как изгладится из памяти людей имя Обейда?
Ведь его прекрасные слова — памятник ему¹⁰.

* * *

Из произведений Обейда Закани до нас дошло небольшое число газелей (лирических стихотворений) и рубай (четверостиший), несколько од, две сказки в стихах — «Мыши и кот» и «Каменотес», лирическая поэма «Книга влюбленных» и несколько прозаических сочинений.

Обейд Закани был талантливым лириком. Его стихи просты, благозвучны и красивы. Но в полной мере талант Закани раскрывается все-таки в его прозаических произведениях. В них Закани создает великолепные образцы сатиры — пожалуй, одни из первых в истории персидской литературы. (Речь идет о настоящей сатире, т. е. об осмеянии типичных явлений общественной жизни; издавна широко распространенный в персидской литературе пасквиль — личные выпады против той или иной персоны — в счет не идет).

Однако положение первооткрывателя не мешает Закани очень умело, с большим блеском использовать возможности сатиры. Он мастерски сочетает пародию с гротеском, шарж с буффонадой, добиваясь остро сатирического эффекта. В «Этике аристократии», которой открывается наш сборник, автор одновременно пародирует ученые трактаты средневековых мудрецов и дает беспощадную сатирическую характеристику правящей

---

¹⁰ Там же, стр. 5.

верхушке, «благородным и ученым мужам» своего времени, их морали и образу жизни.

Этико-дидактическая литература пользовалась большой популярностью в средневековом Иране и была представлена произведениями различных жанров и широкого диапазона: от чисто философских трактатов до сборников притч и анекдотов, которые были призваны иллюстрировать те или иные положения общего характера. К числу наиболее известных в средние века философских произведений, содержащих учение о морали и нравственности и излагавших аргументированную систему норм поведения людей и их обязанностей по отношению друг к другу и обществу, относится так называемая «Насирова этика» (*Ахлак-е Насири*), составленная крупнейшим иранским ученым Насир ад-Дином Туси (ум. в 1274 г.). *Ахлак-е Насири* послужила отправной точкой для сатиры Закани. В предисловии к своей «Этике» Обейд Закани честно предупреждает читателей, что он воспользуется лишь немногим из того, чему посвящены длинные философские трактаты. И действительно, Закани избирает объектом своей сатиры только так называемое «учение о добродетелях», рассматривая его в «историческом плане». На первый взгляд может показаться, что автор свято верит в непогрешимость суждений «мудрецов прошлого», которым он противопоставляет разложившееся общество современников, лишенное каких бы то ни было моральных устоев. Но если вчитаться внимательно, то станет очевидно, что Закани «посмеивается в бороду» — он любил это выражение — над многими догмами средневековых схоластов, которые не могли не казаться смешными человеку его ума и темперамента.

Щедрой рукой Закани разбрасывает по всему полотну произведения юморески-анекдоты, насмешливые, злые и все-таки веселые. В «Этике аристократии» Закани показал себя блестящим стилистом, виртуозно пародирующим освященную традицией схоластическую терминологию.

Трактат «Сто советов» построен как пародия на традиционные персидские *панд-наме* («книги советов»). Здесь Закани с неистощимой изобретательностью высмеивает и постные, лицемерные советы прописей, и тех, кто их дает, — представителей духовенства, официальной учености, законности и благочестия.

Замечательным образцом сатиры Закани являются его «Определения» — сатирическая энциклопедия окружавшей поэта жизни. Позднее в литературах разных народов появлялись про-

изведения, напоминавшие «Определения» Закани — вспомним хотя бы «Карманное богословие» П. Гольбаха, «Словарь прописных истин» Г. Флобера или «Словарь сатаны» А. Бирса, — но сочинение Закани бесспорно является первым в этом жанре.

Великолепно владея словом, Закани широко использует возможности языка, в частности, обыгрывает употребление арабизмов, которое считалось непременной принадлежностью «высокого штиля». К простым персидским словам (часто даже к просторечиям) Закани добавляет арабский артикль «ал», достигая этим того же комического эффекта, который получается, скажем, от добавления к русским словам латинского окончания «ус».

Веселая сказка Закани «Мыши и кот» (*Муш о горбе*) до сих пор пользуется широкой популярностью в Иране. Как писал выдающийся русский иранист В. А. Жуковский, «редко можно встретить ребенка, женщину, мужчину, которые не помнили бы из нее стихов. Можно не знать многого и очень важного, но не знать «Муш о горбе» — стыдно и непозволительно!»¹¹.

В произведениях Закани всегда очень четко обозначен объект его сатиры: это духовенство, знать и богачи, правящая верхушка. Закани обличает не абстрактное зло и пороки, а зло, причиняемое аристократией и духовенством, пороки, присущие вельможам и их прихлебателям. Будучи направленной против определенных общественных слоев, сатира Закани поднимается до уровня социального протеста. Именно поэтому она казалась опасной представителям феодально-аристократической культуры в последующие века, именно поэтому старались они всячески снизить значение произведений Закани, изобразить его самого всего лишь забиякой и балагуром, который «ради красного словца не пожалеет ни мать, ни отца». Отголосок этих утверждений проник и в востоковедную науку, где Закани долго считался не слишком-то почтенным автором, явно не заслуживающим серьезного внимания. Произведения Закани почти не переводились на другие языки, да и у себя на родине поэт долгое время пребывал в забвении. Плохую услугу оказала Закани и еще одна особенность его произведений: они не только остры и метки, но часто весьма непристойны. Непристойность эта вполне

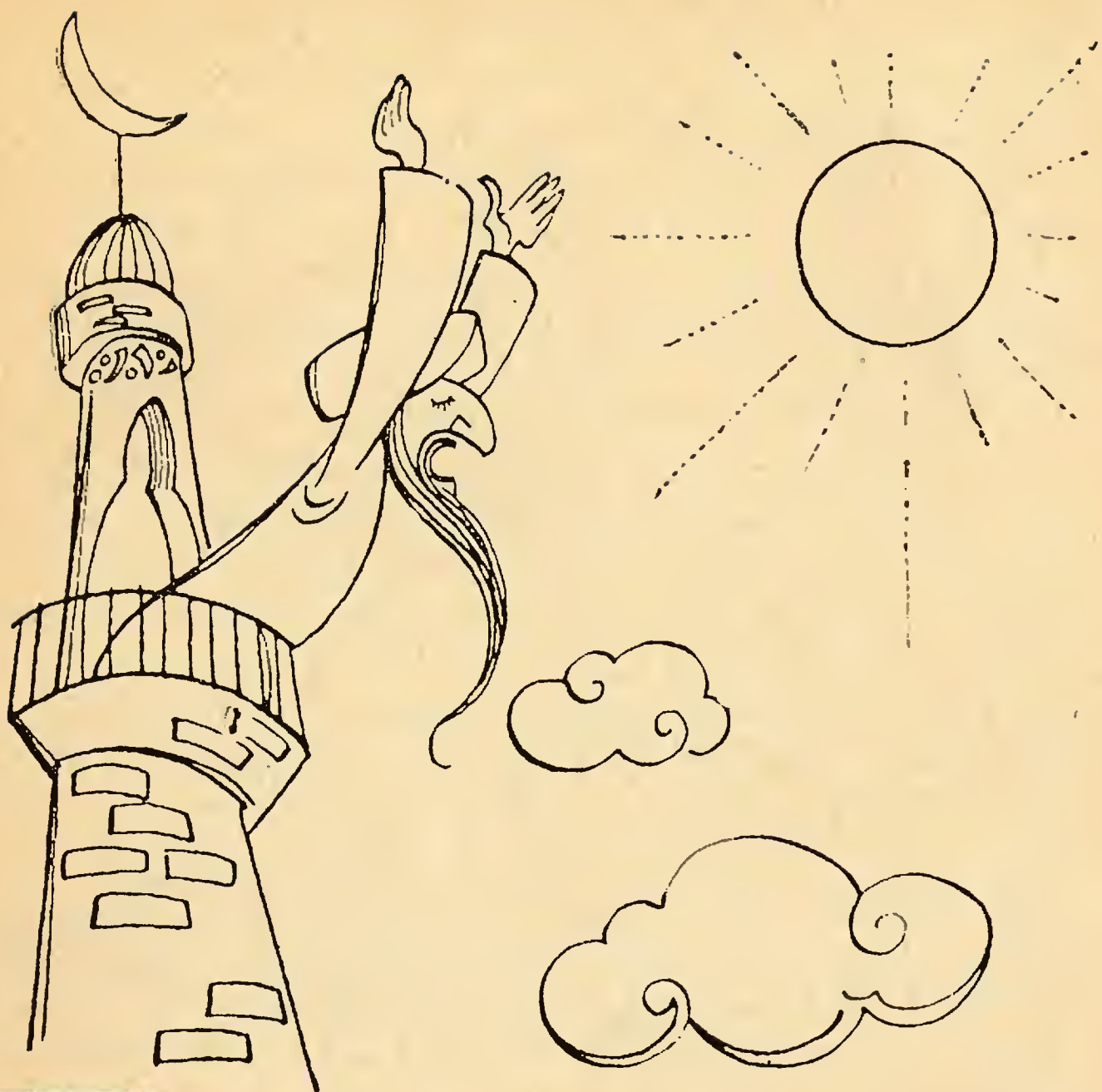
¹¹ «Отчет о пребывании в Персии» В. А. Жуковского (см. Ю. Е. Борщевский, *К характеристике рукописного наследия В. А. Жуковского*, — «Очерки по истории русского востоковедения», V, М., 1960, стр. 41).

объяснима и даже закономерна. Соленая шутка, крепкое слово всегда были присущи фольклору (возьмем для примера хотя бы русские народные сказки или арабские сказки из «Книги 1001 ночи»). Закани, видимо, вполне сознательно вводит «сильные» выражения и смелые ситуации в свои сочинения — это подчеркивает их связь с живым народным творчеством и противопоставляет его произведения благопристойным и приличным творениям представителей аристократической литературы. Непристойность вообще была довольно распространенным явлением в классической (античной) и средневековой литературе. В западной литературе мы найдем ее и в произведениях мастеров итальянского Возрождения, и у Рабле, и у Свифта, и у Шекспира. Не следует забывать также, что самые нормы пристойности претерпели за шесть веков некоторые изменения и то, что представлялось нашим предкам вполне обычной темой для беседы, может порой шокировать какого-нибудь стыдливого читателя.

Когда-то великий французский сатирик Франсуа Рабле сказал: «Человеку свойственно смеяться». Для Закани, как и для Рабле, смех — это утверждение силы человека, это разящее оружие в борьбе с царством тьмы и зла. Прекрасный пример тому — эта книга.

Н. К О Н Д Ы Р Е В А

Этика аристократии

Б

езграничная и бесконечная благодарность трону создателя всего сущего за то, что он нарядил человека в убранство разума, дабы при помощи разума одарить его усердием в достижении достойных одобрения нравов и похвальных качеств. И бесчисленные благословения озаряющему мир благоуханному господину вселенной Мухаммаду Избраннику* — величайшие ему приветствия! — за то, что он украсил образ людской и отшлифовал призму нравов людей, ведь «если бы не было тебя, я не создал бы мир». И сказано: «Ты — сама нрав-

ственность и бытие». А также мир и приветствия его потомкам и сподвижникам, «каждого из которых надлежит почитать и брать с них пример».

Далее. Для мысли совершенных разумом мужей, для которых мы и ведем нашу речь, не останется сокрытым, что телу каждого человеческого существа творцом вверена благородная жемчужина, называемая духом. Она ниспослана из мира высшего (скажи «душа — творение создателя моего»), и ею владеет господь.

Сущность человека заключается в этой жемчужине, и она — постоянная и самосушая, охраняемая и защищаемая от гибели, способная к развитию и совершенствованию. Так же как тело воспринимает чувственные наслаждения, радуется им и обращается к миру низменному, так и дух от постижения величия, которое является пределом пределов, — величия достоинства, — от познания истины и добра обретает свою долю и обращается к миру свяшенному.

И так же как тело из-за постоянных болезней теряет свой прежний вид, так и у духа есть свои свойства и качества, и если нападёт на него самая страшная из присущих ему болезней — страсть к чинам и высокому положению, к чувственным наслаждениям и удовольствиям низменного мира, — он теряет свою сущность, состоящую в созерцании всевышнего, в познании мудрости и постижении добра.

Так поэт сказал об этом:

Тебя извлекли из двух миров,
Взрастили с помощью многих посредников, —
Первую свою мысль считай последней.
Не играй собственной сущностью!

И как врачи направляют усилия на устранение болезней тела и на сохранение здоровья, так же и пророки обращают свои старания на искоренение недостатков и болезней духа, чтобы из губительной бездны, из водоворота невежества и пороков увлечь его к берегам спасения и совершенства. Если поразмыслить хорошенько, то разумному мужу станет ясно, что цель миссии последователей веры пророка состоит в улучшении нравов и очищении

природы рабов божьих. И на этот счет в изречениях поэта было так сказано:

Придет ли пророк или нет — будь добронравен,
Ведь праведники не попадут в ад.

Сам его святейшество пророк сбросил покрывало с лица невесты этой мысли, и совершенство этих скрижалей засияло на престоле разъяснений: «Конечная цель — совершенство нравов».

А законы этой отрасли знания, которую называют наукой этики и практической философией, и способы совершенствования нравов посредством добрых дел и праведного образа жизни ученые прошлого сформулировали в пространных сочинениях, большую часть коих скудный разум сего бедняка постичь не в состоянии. И с благословенных времен пречистого Адама и по сей день благороднейшие из рода человеческого прилагают превеликие труды и усилия, чтобы обрести четыре добродетели, коими являются мудрость, отвага, благочестие и справедливость и которые они считают основой счастья в этом мире и блаженства в мире ином, ибо сказано:

Какой бы ты ни был веры — твори добро и одаряй [им],
Ибо неверие и добродетель лучше, чем ислам и злонравие.

Теперь, в наше время, являющееся сливками со всех времен и венцом всех веков, нравы великих мужей стали изысканнее и появились обладающие высокими помыслами крупнейшие мыслители, которые сосредоточили свои чистые и целительные размышления на всех делах этой и будущей жизни, и древние законы и обычаи открылись их ясным взорам как презренные и ни на чем не основанные. И кроме того, с течением лет и ходом времени большинство сих обычаев устарело, и восстановление их в достойных умах и светлых головах этой публики стало затруднительным. И поэтому мужественно поставили наши мудрецы ногу усилий на голову этих этических норм и правил и для своей нынешней и загробной жизни избрали тот образ действий, который распространен среди вельмож и знати, — наш трактат ограничивается кратким

изложением лишь части его — и утвердили дела житейские и религиозные на этой основе.

Врата смысла теперь отверсты, а цепь речений длинна: приступим же к цели.

Некоторое время назад в душе сего ничтожного — Обейда Закани — возникло сильное желание составить компендиум, основанный на неких этических положениях древних, которые нынешние люди называют «упраздненными», и кое-каких установлениях и этических принципах великих людей нашего времени, которые известны как «действующие», чтобы такой сборник принес пользу изучающим эту науку и неопитам на этом пути. И вот наконец в этом 740 году хиджры* он второпях настрочил этот трактатик, названный «Этикой аристократии», и разделил его на семь глав, а каждая глава содержит две доктрины: одна — упраздненное учение, на котором основывали жизнь древние, а другая — действующее учение, которое ныне изобрели наши великие мужи и положили в основу своей настоящей и будущей жизни. И хотя пределы этого сочинения граничат с острословием, все же

Тот, кто из города друзей,
Поймет, откуда наш товар.

Создавая этот трактат, ничтожный автор уповал на то, что

Быть может, добрый человек когда-нибудь и где-нибудь
Помолится за этого бедняка.

Глава первая О МУДРОСТИ

Упраздненное учение

Философы так определили существо мудрости: мудрость заключается в стремлении к совершенствованию двух способностей человеческой души — способности к познанию и способности к практической деятельности. Первая проявляется в познании истинной сущности вещей, а вторая — в приобретении таких духовных качеств,

с помощью которых душа получает возможность совершать добродетельные поступки и воздерживаться от недостойных деяний; это и называется характером. Другими словами, в разумной душе сосредоточены две способности, и ее совершенство зависит от совершенствования способностей этих — умозрительной и практической. Умозрительная способность стремится к приобретению знаний и постижению наук и благодаря этому стремлению достигает пропикновения в подлинную сущность вещей. После этого душа обретает блаженство в познании подлинного предмета искомой истины и всеобщей цели, которая есть конечный итог всего сущего (да возвысится Он и да святится!). Ведомая этим знанием, душа достигает мира единения — нет, даже степени полного слияния. И сердце человека обретает спокойствие и уверенность, ибо сказано: «Ведь поминанием Аллаха успокаиваются сердца» *, и лик его помыслов и зеркало души его очищается от праха сомнений и ржавчины колебаний, точно как сказал об этом поэт:

Всюду, куда приходит уверенность,
Рассеивается сомнение.

А практическая способность упорядочивает и уравнивает свои силы и поступки таким образом, чтобы они соответствовали друг другу и были соразмерны, и благодаря этому равновесию нрав человеческий становится приятнее очам всевышнего. И когда такое знание и такие деяния в ком-либо сочетаются воедино в описанной степени, то такого человека можно назвать человеком совершенным и пameстником бога *, и степень его — самая высшая из степеней людских, ибо господь всевышний сказал: «Те же, которые уверовали, и творили благое, и выстаивали молитву, и давали очищение, — им их награда у Господа их» *. И духу такого человека после разлуки с телом будет уготовано пребывание в раю и вечное блаженство и благодать господня.

В этом — счастье. Кому оно достанется?

Таково учение древних и мудрецов.

Действующее учение

Когда великие вельможные мужи и тонкие знатоки, чьими благородными личностями нынче украшен лик земли, поразмыслили о совершенствовании человеческой души, уготованной ей судьбе и ее будущем существовании в загробном мире, когда они вникли в обычаи и суждения великих людей прошлого, то они полностью отвергли все эти воззрения. Они утверждают: «Нам открылось, что душа разумная не имеет никакого значения, и существование ее зависит от существования тела, и гибель ее связана с гибелью тела». И еще они говорят:

«Утверждения пророков, что у души есть совершенства и пороки и что после отделения от тела она будет существовать как самостоятельная субстанция, — абсурд, а воскресение из мертвых — дело пустое. Жизнь представляет собой равновесие составов тела: когда тело разлагается, человек навсегда превращается в ничто, в пустое место. То, что рассказывают о прелестях рая и карах ада, можно получить и в этом мире, как сказал поэт:

Тому, кому дано, дано в этом мире,
А неимущему — тому обещают „завтра”».

Таким образом, нынешние мудрецы ничуть не беспокоятся по поводу воскресения из мертвых, адских мук и возмездия, близкого и далекого, милостей божьих и гнева его, добродетелей, пороков, и в результате этой их убежденности каждый день своей жизни посвящают удовлетворению чувственных вожделений и приобретению удовольствий, и говорят:

О ты, результат [взаимодействия] четырех и семи *,
Вечно мучающийся из-за этих четырех и семи,
Пей вино, ведь больше тысячи раз повторял я тебе:
Возвращения не будет, коли ты ушел — ушел навсегда.

И особенно часто такое рубай * пишут на могилах отцов:

За этим сводом нет входа и выхода,
И, кроме как в тебе и во мне, нет ума и чистоты;
Ничто там, где людям мнится «нечто»;
Откажись от этой мечты, ибо она — ничто.

Благодаря таким идеям посягательство на жизнь, имущество и честь людей в глазах этих мудрецов — совершенный пустяк и ерунда.

Для него один глоток вина цвета пламени
Дороже крови сотен братьев.

Воистину хвала преуспевшим вельможам! То, что на протяжении стольких тысячелетий оставалось сокрытым, несмотря на глубокое проникновение разума и духа, открылось им в один миг.

Глава вторая О ДОБЛЕСТИ

Упраздненное учение

Философы установили, что душа человека обладает тремя различными свойствами, которые являются источниками всякого рода деятельности. Одно из них — сила разума, в которой заложены начала мысли и способность к различению. Другое — «гневная сила», которая определяет состояние человека и является первопричиной его страстного стремления к возвышению и власти. Третье свойство — «чувственная сила», которую также называют животным началом; она толкает на поиски пропитания и вызывает непреодолимую потребность в питье, пище и женщинах.

Согласно истинным знаниям, приобретенным наукой философии, стремление к повиновению возникает в тех случаях, когда разумное начало находится в равновесии с природой и порывами его души. В тех случаях, когда им соразмерно животное или «гневное» начало, подчиняющее разум, в душе возникает добродетель отваги; а когда им соответствуют движения животного начала, получающего руководство над разумным, возникает добродетель

скромности. Когда появляются все эти три вида добродетели и смешиваются друг с другом, наступает состояние покоя, в котором все добродетели проявляются с наибольшим совершенством. Это состояние и называют добродетелью справедливости.

Отважным мудрецы называют такого человека, которому присущи сила духа и великая энергия, душевное спокойствие и твердость, терпение и доблесть, скромность, чувство чести и сострадания. Человеку, наделенному этими чертами, всегда возносили хвалы, и благодаря им он занимал высокое положение среди людей. Обычай этот отнюдь не считался постыдным — наоборот, воинские подвиги и победы таких людей воспевали в славословиях и говорили:

Достоинство мужа — в отваге,
В храбрости, великодушии и мудрости.

Действующее учение

Наши господа изволят говорить, что человеку, который ввязывается в опасное предприятие, начинает с другими борьбу или сражение, не избежать одного из двух исходов: либо он победит врага и убьет его, либо наоборот.

Если он убьет врага, то на голову его падет несправедливо пролитая кровь и поэтому он рано или поздно отправится следом за убитым. Если же враг возьмет верх, то тому человеку обеспечена дорога в ад. Как поступать разумному человеку, когда каждый из двух путей приводит к такому исходу? Есть ли более убедительное доказательство тому, что следует всюду, где увидишь свадебный пир, или музыкальное собрание, или вечеринку, обращаться к яствам и сластям, к нарядам и золоту, звать с собой развратников и мужеложцев, музыкантов и шутов, а туда, где можно столкнуться со стрелами и копьями, под удары меча посылать какого-нибудь дурака, внушив ему, что он доблестный муж, герой, побеждающий вражеское войско, и отважный рыцарь? Если же этот бедняга падет на поле битвы, городские распутники и мужеложцы будут, злорадуясь, трясти задами и приговаривать:

хулы — абсурд. Поэтому поневоле получается, что тот, кто ведет скромную жизнь, лишен всего этого и его и живым-то считать нельзя: жизнь его тщетна, и он влачит существование согласно аяту *: «Разве вы думали, что мы создали вас забавляясь, и что вы к нам не будете возвращены?» *

В самом деле, ведь это же несусветная чушь, коли человек, которому выпадет счастье остаться наедине с луноликой, вместо того чтобы извлечь живительную радость из свидания, станет бубнить, что он, дескать, муж целомудренный, и в конце концов будет опозорен клеймом отказа. А ведь может случиться, что больше никогда в жизни ему так не повезет и он умрет с тоски, твердя: «Жаль, что упущен счастливый случай!»

Того человека, которого когда-то называли скромным, непорочным и воздержанным, теперь называют ослиным задом, злополучным и злосчастливым.

Еще они изволят учить, что глаза, уши, язык и другие члены созданы для получения выгоды и предотвращения вреда и что удерживать тот или иной член от проявлений, для которых он создан, все равно что привести к его уничтожению.

А поскольку уничтожать члены человеческого тела не положено, то всякому человеку надлежит глазеть на все, что ему приглянется, и слушать все, что ему понравится, а ради извлечения выгоды пускаться на всякую мерзость и козни, клевету и уловки, ругань и лжесвидетельство.

Не следует обращать внимания, если кто-нибудь понесет при этом ущерб или чья-нибудь жизнь пойдет прахом: в таких случаях надлежит сохранять душевное спокойствие. Поступай как хочешь и говори что хочешь — лишь бы тебе было хорошо! Без колебаний используй всякого человека, какого только душа пожелает, дабы жизнь не была тебе в тягость.

Пока можешь, стремись к лику красавицы,
Ищи прекрасную, гибкую
и легкомысленную возлюбленную.
Коли найдешь, не упускай возможности:
Насладись ею и оставь — и ищи другую.

И еще они учат, что, если учитель или друг пожелает развлечься с человеком, тот должен без сомнений и колебаний отдаться в его власть, отказывать же не подобает ни в коем случае, так как «счастливый случай улетает, как облако»:

Не откладывай дела с сегодня на завтра.

Кто знает, как завтра обернется судьба?

И вообще, нечего препятствовать порывам, ибо «запрет — неверие»; наоборот, их надо высоко ценить. Ведь имеется множество подтверждений тому, что каждый, кто воздерживается от прелюбодеяний с мужчинами и женщинами, — жалок и несчастен, опален клеймом отказов и всеми покинут. И в качестве неопровержимого доказательства наши мудрецы приводят такой аргумент: со времен пречистого Адама и до наших дней не было еще случая, чтобы человек, который не предавался прелюбодеяниям, становился князем или везиром, героем или полководцем, витязем или богачом, баловнем счастья или шейхом, поповедником или распорядителем церемоний. Правильность этих слов подтверждают и суфии, которые говорят, что разврат — неотъемлемое свойство шейхов. Да и в исторических хрониках написано, что Рустам сын Заля* приобрел всю свою славу и величие благодаря тому, что не отказывал мужеложцам...

Поистине наши великие мужи ведут эти речи, опираясь на собственный опыт, и правда на их стороне. В самом деле, ведь совершенно ясно, что непорочность не приносит счастья. Мужчина должен давать и брать, ибо истинный порядок покоится на обмене, и тогда его можно будет назвать великим и «вдвойне щедрым». А если его отец с матерью поступали так же, то его следует провозгласить «высокородным». И хотя некоторые людишки из черни насмеются над этим, предпочитая другие удовольствия, однако их речи совсем пустые, и ничего они не понимают. И всякий, кто по несчастью упустит такую возможность, потеряет ключ к блаженству и навеки останется в ничтожестве и злополучии. Поэт так сказал о подобном:

Позволь, а не то будешь потом кусать себе руки,

Если такая горячая печь не испечет хлеба.

Тому счастливому, кто способен воспринять благие наставления, достаточно этой главы, а господь да будет милосердным ко всем, способствующим добру.

Глава четвертая О СПРАВЕДЛИВОСТИ

Упраздненное учение

Великие мужи прошлого считали справедливость одной из четырех добродетелей и основой жизни в этом и том мирах. Они считали, что «небеса и твердь земная покоятся на справедливости», и находили подтверждение этому в аяте: «Господь приказывает справедливость и благодеяние» *.

Поэтому султаны и эмиры, вельможи и везиры всегда радели о распространении правосудия, оберегали своих подданных и войска и в этом видели причины успеха и доброго имени.

Они были настолько убеждены в этом, что даже простой народ придерживался справедливого пути во всех делах и при общении друг с другом. В те времена часто говорили:

Поступай справедливо, ибо в обители сердца
Справедливый стучится во врата пророчества.

Действующее учение

Наши владыки придерживаются того взгляда, что это качество является наивреднейшим из всех свойств и что справедливость приводит к огромным утратам. Это положение они подтверждают аргументами. Они говорят: основа единовластия, управления и ведения хозяйства покоится на наказаниях. Пока человека не боятся, его приказов не исполняют, и все чувствуют себя равными, и дела приходят в упадок, и порядок слабеет. Человека, который никогда не отступает от справедливости, никого не бьет и не убивает, не отбирает имущества, не напивается пьяным и не впадает в гнев и буйство при виде подчиненных, никто не боится; подданные перестанут подчиняться поверенным правителей, дети не будут слушаться отцов, а

рабы — хозяев, дела городов и рабов божьих рассыплются во прах. Ведь именно поэтому сказано:

Ради достижения небольшой выгоды
Падишахи уничтожат сотни душ.

И говорят: «Справедливость приносит в наследство несчастье». Самое очевидное доказательство этому то, что пока падишахами Ирана были Заххак-арабский * и Йездигерд-грешник *, которые теперь удостоены почетных мест в геене огненной вместе с другими их последователями, чинившими притеснения, удача им сопутствовала и владения их процветали. Когда же наступило время Хосрова Ануширвана * и он по недомыслию и вследствие настояний политики своих скудоумных везиров избрал путь справедливости, то за короткое время своды его дворца обрушились, и храмы огня, которые были их святыней, сразу погасли *, и след их изгладился с лица земли. Повелитель правоверных и создатель законов веры Омар ибн Хаттаб * — да будет над ним милость Аллаха! — отличался справедливостью, зато он лепил кирпичи и ел ячменный хлеб, и рассказывают, что его рубище было семнадцать манов * весом. Муавия *, благословением насилия отобрав власть у имама Али *, — да будет над ним милосердие Аллаха! — не смог утвердиться у власти и прославиться в мире земном и горнем до тех пор, пока не перебил в священном Иерусалиме двенадцать тысяч невинных пророков, и не захватил в плен еще несколько тысяч, и не повелел прибегать к виселице — ведь только после этого держава его вознеслась. Чингиз-хан, который ныне назло врагам красуется на самом дне преисподней как образец для подражания и вождь всех монголов, от первого до последнего, не смог овладеть миром, пока не предал безжалостному мечу тысячи невинных душ.

Рассказ

В монгольских летописях рассказывается, что, когда Хулагу-хан * захватил Багдад, он приказал, чтобы к нему привели тех, кто уцелел от меча. Он расспросил о положении каждого сословия и, когда разобрался во всем, сказал:

— Что до ремесленников, то без них не обойтись.

И он освободил их, чтобы они вернулись к своей работе. Купцам он велел дать капитал, чтобы они торговали от его имени. С евреев постановил брать только джизью *, поскольку они — народ угнетенный. Мужеложцев он отослал в свои гаремы, а судей, шейхов, суфиев *, паломников к святым местам, проповедников, нищих, каландаров *, борцов, поэтов, сказителей отделил от прочих и изрек:

— Эти вот — лишние в мире и зря переводят благодать божью.

И он приказал, чтобы всех их утопили в Тигре, и так очистил землю от их скверны. И конечно, его династия около 90 лет держала власть, и государство их ежедневно увеличивалось. А бедняга Абу Саид *, когда душу его смутила справедливость и он стал известен правосудием, — царствование его в короткое время закончилось, и династия Хулагу-хаана и его труды были загублены Абу Саидом, поистине

Когда судьба ошеломляет человека,
Он делает как раз то, что не нужно.

Благодарение тем преуспевшим великим мужам, которые светочем своих наставлений направили народ от губительного ярма справедливости на правильный путь.

Глава пятая О ЩЕДРОСТИ

Упраздненное учение

Из надежных источников известно, что в прежние времена люди одобряли щедрость и восхваляли человека, известного этим качеством, гордились этим и своих детей побуждали к щедрости. Они были настолько убеждены в этом, что не считали зазорным накормить голодного или, например, одеть нагого, или протянуть руку страждущему. И они доходили в этом до таких крайностей, что даже восхваляли людей, поступающих подобным образом,

и не видели в этом греха. Ученые превозносили таких людей в своих сочинениях, а поэты воспевали в стихах. Подтверждением этому могут служить разъясняющие суть аяты: «Кто придет с добрым делом, для того — десять подобных ему» *, «Не ищите добра иного, кроме как в любви к ближним». И передают со слов пророков: «Герой со щедрой дланью не попадет в ад, хотя бы он был грешником».

Один почтенный сказал об этом:

Великий муж, тебе подобает избрать щедрость
И кошель держать открытым, а не завязанным.

Действующее учение

Поскольку наши великие мужи, твердостью убеждений и остротой взгляда превзошедшие мудрецов прошлого, с особой серьезностью размышляли над этим вопросом, их пресветлому разуму открылись изъяны этого качества — щедрости. Без сомнения, радея о получении доходов и улучшении своего благосостояния, они поступали в соответствии с прямым смыслом божественных откровений: «Ешьте и пейте, но не излишествуйте» * и «Он не любит неумеренных» *. И ими доказано, что упадок прежних династий произошел от щедрости и расточительности. И каждому, кто стал известен щедростью, никогда больше не знать покоя. Со всех сторон соберутся стяжатели, льстивыми словами или другим способом вытянут все, что у него есть. И этот простодушный бедняга клюнет на их уловки, так что через короткое время все им унаследованное и благоприобретенное рассеется и он останется беспомощным и нуждающимся. А тот, кто укрепит себя скупостью и укроется под ее защитой от притязаний вымогателей и приставаний нищих, освободится от надоеданий людей и будет вести жизнь во благе и процветании. Мужья нашего времени говорят, что деньги все равно что жизнь, и так как для добывания их приходится тратить драгоценную жизнь, неразумно расточать их, например, на одежду, питье или еду, или на увеселение бренного тела, или для того, чтобы предоставить это все другому, который живо все промотает. Безусловно, если вельможа вла-

деет богатством и из его лап и тысячью клещей не вытянуть ни фельса *, это надо ценить, как будто он соединяет в себе достоинство кесаря с властью разума.

Камень, которым маслодел выжимает масло,
Если отправишь в живот — бурчать не будет.

И еще один бейт о том же:

Этот и имя дать пожалеет,
Голоса не подаст, если будет подыхать от колик.

Отцы скупости, которых называют мужами порядка, составили на этот счет заветы и сочинили не одну книгу.

Рассказ

Один из великих мужей говорил обычно своему сыну: «Знай, сынок, что слово „нет“ отгоняет несчастья, а слово „да“ увеличивает беды». Другой завещал своему потомку: «О сын, берегись, не произноси слова „да“ и постоянно держи на языке слово „нет“. И помни, если всегда будешь говорить „нет“, не видать тебе сроду бед, а коль станешь полагаться на „да“ — то придет к тебе беда». И бедняга увидел это воочию.

Рассказ

Одного из вельмож, который был Каруном * своего времени по богатству, настиг смертный час, и он совсем уж простился с жизнью. Он созвал своих любимых деток, отпрысков благородного рода, и сказал:

— О дети! Долгое время я ради накопления богатства сносил тяготы путешествий и неудобства домашнего очага. Чтобы скопить эти несколько динаров, я мучил своих близких голодом. Смотрите же, не допускайте небрежения в сохранении этого добра и ни в коем случае не растрачивайте его. Знайте, что

Драгоценное злато — творение бога
Кто его тратит — презрен.

— И если кто-нибудь заведет с вами разговор, что, мол, видел вашего отца во сне и он просил халвы и мяса,— будьте осторожны, не попадитесь на эту удочку, потому что я такого никогда бы не сказал и мертвые ничего не едят. Если даже я явлюсь во сне вам самим и буду просить о том же, на это не нужно обращать внимания, потому что это лишь грезы и несвязные сны. Может, их див * насылает. Не стану я после смерти домогаться того, чего не ел при жизни!

Сказав это, он препоручил душу адскому стражу.

Рассказ

О другом вельможе рассказывают, что в торговой сделке с одним человеком он проявил чрезмерную прижимистость. Ему воспротивились, говоря, что из-за такого пустяка не стоит так скупиться. Вельможа возразил:

— Зачем же мне лишаться части своего достояния, которой мне хватит и на день, и на неделю, и на месяц, и на год, и на всю жизнь!

— Как же это? — спросили его.

— А вот так,— отвечал он.— Если я истрачу эти деньги на соль — мне хватит на день, если истрачу на баню — хватит на неделю, если на цирюльника — на месяц, если на метлу — хватит на год, если истрачу их на гвоздь и вобью его в стену — хватит на всю жизнь. Так зачем же допускать, чтобы такое добро, которое может принести мне столько выгод, пропало по моей же вине!

Рассказ

Об одном вельможе рассказывают, что, когда в доме его пекли хлеб, все лепешки по одной он подносил к глазам, не благословив рук и приговаривая:

Пусть жизни твоей никогда не коснется ущерб,— передавал их казначею. Когда запах лепешек доходил до его слуг и свиты, те восклицали:

Ты за занавесой, а мы льем кровавые слезы...

О, если бы занавеса упала, как бы мы взволновались!..

Рассказ

В наши дни один барский сынок дал дервишу хирку *. Наверно, клеветники донесли об этом отцу. Тот начал упрекать сына. Сын сказал:

— Я читал в одной книге, что тот, кто хочет достичь величия, должен раздать все, что имеет. Одержимый этим желанием, я и отдал хирку.

Отец сказал:

— Эх, дурак, ты ошибся в слове «раздать», неверно его прочел: великие люди говорят, что тот, кто хочет достичь величия, должен все подбирать, прятать в амбар, чтобы таким образом стать уважаемым. Или ты не видишь, что сейчас все великие люди пристроились к амбарам? Поэт говорит:

Понемногу-понемногу собирается много,
Зернышко по зернышку образует хлеб в амбаре.

Рассказ

Один из вельмож нашего времени сказал своему рабу:

— Купи на свои деньги мяса и приготовь из него какой-нибудь еды — я поем и отпущу тебя на волю.

Раб обрадовался, приготовил жаркое и подал хозяину. Господин поел, а мясо вытащил и отдал рабу, говоря:

— Из этого мяса приготовь гороховую похлебку с шафраном — я поем и отпущу тебя.

Раб сделал, как тот велел, и принес ему кушанье. Господин испакостил все, а мясо отдал рабу. На другой день мясо протухло и употреблять его было уже нельзя. Хозяин сказал:

— Продай это мясо, а на вырученные деньги купи масла и приготовь какой-нибудь еды. Я поем и отпущу тебя.

Раб воскликнул:

— О господин! Позволь мне по собственной воле по-прежнему оставаться твоим рабом, но, если есть в тебе хоть немного добра, ради бога, отпусти на свободу этот кусок мяса!

Поистине великим и благоразумным можно назвать того, кто свой жизненный припас таким образом готовит в подношение богу. Ведь в этом мире он живет в нужде и лишениях, зато в том мире достигнет высших степеней, не поддающихся описанию.

О КРОТОСТИ И ВЕРНОСТИ

Кротость основана на терпении. Древние называли кротким человека, который обладал тихим и спокойным характером, которого нелегко было рассердить. Такой человек не раздражался, если с ним случались неприятности. В святейших посланиях говорится, что «кротость — преграда бедствий». Если перевернуть слово «кротость» (*хелм*), получается «соль» (*мелх*), и поэтому говорят: «В кротости — соль добронравия». Один поэт, воспевающий кротость, написал так:

Груз твоей кротости сломал хребет гор —
Кто может остаться на месте,
                                подвергшись подобному?
Один неизбежно подвергнется уничтожению,
Если два таких спокойных сойдутся вместе!..

Наши господа вообще-то не совсем отвергают это качество. Они говорят, что хотя с человеком, который придерживается кротости и терпения, люди становятся наглыми и ему по слабости приходится это сносить, но это качество, т. е. кротость, содержит в себе и выгоды, так как оно открывает полный доступ к различным преимуществам в жизненных делах. Подтверждением этих слов служит следующее. В наши дни, если человек в детстве не сносил неприятностей от мужеложцев и забияк, не прояв-

лял кротость и степенность, ему не избежать оплеух и выговоров на собраниях и сблищах великих мужей, рабства, позора, глумления и поругания его близких. Бороду у такого не выщипывают, в водоем не бросают, жену и сестер его не поносят... Если разумный человек из тех, кого принято называть современными, в душе которого заложены скромность и степенность, не заставит себя переносить эти тяготы, он не добудет и ячменного зерна. Он всегда будет обманываться в своих расчетах и терпеть неудачу, будет злосчастной мишенью для врагов. Его не впустят ни в один дом, ни у одного вельможи он не добьется почестей: ведь не зря говорят, что «хлеб насущный зависит от умения обращаться с ключом».

Подтверждает сказанное такой бейт:

Человек в коловращении небосвода
Должен быть нижним камнем на мельнице.

Одна из выгод кротости такова: если гарем и свита вельможи будут в чем-нибудь заподозрены, а сам хозяин лишен милосердия, кротости, терпения и великодушия, то ярость возьмет верх над его натурой, он обезумеет, потому что «ярость — демон разума», и примется избивать и убивать женщин, и детей, и прочих. Приближенные и слуги в таком случае сочтут возможным забросить домашние дела, не обращать внимания на жен и детей. Днем и ночью он будет раздумывать и сокрушаться: «Не осталось в доме повиновения!» А его подчиненные будут насмехаться, говоря:

Если у тебя есть самолюбие — ты страдаешь,
А если его нет — ты ничтожество.

Но те благоразумные вельможи, чья жизнь украшена кротостью и терпением, пусть их подчиненные хоть тысячу раз плюнут им в лицо — душа их ни на волосок не опечалится. Поистине пока они живы, ведут они существование спокойное и довольное. Они довольны людьми и своими подчиненными, а те пребывают в вольности и безопасности. Если же иногда появится какое-нибудь подозрение, они не обращают на него внимания, говоря:

Если собака лает, не тревожься об этом,
сидя на крыше сеновала.

Рассказ

Слыхал я, что в наши дни у одного вельможи была жена, некрасивая, но целомудренная. Он развелся с ней и женился на красивой потаскушке, Новая госпожа созвала гостей, как велит обычай, но те отказались прийти, говоря:

— Ты оставил добродетельную жену и выбрал развратницу!

Тот вельможа с полной кротостью и спокойствием сказал:

— Ваши жалкие головы не постигают моего мудрого решения. Дело в том, что прежде я ел дерьмо в одиночестве, а теперь вкушаю халву с тысячью людей.

В поговорке говорится: «Сводник собственной жены — счастливец обоих миров». Это толкуют следующим образом. Пока сводник пребывает в этом мире, то, поскольку он не страдает от большого рвения, он может жить свободно. А в том мире, поскольку ему в соответствии с хадисом *: «Сводник не войдет в рай» — не придется спешить туда, он будет избавлен от докуки бесед с жалкими шейхами и аскетами, которые пребывают в раю, и от созерцания их кислых рож. Ведь шейха где ни увидят, говорят:

Если твое место в раю,
Другие предпочтут ад.

Это-то и подтверждает, что сводник счастлив в обоих мирах. Но есть еще веские доводы.

В о п р о с. Спрашивается, разве эту компанию, то есть великих сводников, почувствовавших из-за бесед с шейхами отвращение к раю, не будут раздражать судьи, их помощники, доверенные лица, которых в аду приходится тысяча на одного шейха?

О т в е т. Отвечаем: поскольку шейхи известны в этом мире своей чистотой и благочестием (хотя это утверждение частенько отдает глупостью и лицемерием), а бедные сводники никогда не совершают как следует омовения и не бьют поклонов, то и положение шейхов отличается от положения сводников. А судьи и их подчиненные известны грехами, подлогом и плутовством, плутнями и несоблюдением поста, притеснениями и клеветой, придирками и

лжесвидетельством, жадностью и нарушениями законов ислама, алчностью, интригами, злокозненностью, бесстыдством и вымогательством, и сводники, которым также свойственны эти добродетели, будут среди них совершенно на месте. Ведь именно по причине сходства сводники стремятся к общению с судьями и их окружением, ибо «те, кто одной породы, склонны друг к другу». В изречениях мудрецов приводится такое: «Сходство — причина объединения».

Поистине, поскольку детство их — ад, то и в зрелости их тянут в ад. И тогда такой великий муж, довольный, говорит:

Если завтра меня отправят в рай с праведниками
и без друзей,
То пусть уж лучше утащат в ад с грешниками!

Один из великих толкователей Корана, объясняя в своих комментариях аят *: «Нет среди вас того, кто бы в нее не вошел» *, говорит, что все люди проскакивают через Сират *, как молния, кроме судей и их подчиненных, которые на веки вечные в аду, играют там в огненные шахматы. Как говорится в посланиях пророков и в откровениях Избранника: «Адские жители играют с огнем». Эти доводы указывают, почему именно описанные выше свойства предпочтительнее других.

Глава седьмая О СТЫДЛИВОСТИ И ВЕРНОСТИ, ОБ ИСКРЕННОСТИ, МИЛОСЕРДИИ И СОСТРАДАНИИ

Упраздненное учение

Мудрецы учат, что стыдливость есть особое свойство души, направленное на то, чтобы воздерживаться от постыдных поступков, заслуживающих порицания. Посланник божий изволит говорить, что «стыдливость — от веры».

А верность в том, чтобы почитать своим долгом помощь человеку и стремиться воздать за все, что его постигает от других. В священных писаниях говорится, что

«тому, кто держит свое слово перед богом, господь пошлет великую награду». А искренность — в прямотушии при общении с друзьями, чтобы случайные упреки не срывались у них с уст. Милосердие и сострадание в том, чтобы, увидев кого-нибудь в беде, поступить с ним милосердно и приложить усилия, чтобы вызволить его из этого положения.

Действующее учение

Владыки наши учат, что такие нравы слишком изысканны и утонченны. Тот бедняга, который подвергнется действию одного из этих негодных свойств, на всю жизнь будет разочарован и потерпит неудачу, не достигнет ни одного из своих желаний. Само собой ясно, что человек стыдливый лишен всяких благ и неспособен к достижению чинов и приобретению капитала. Стыдливость постоянно будет величайшим препятствием и твердой препоной между ним и целью его стремлений, и он непрестанно будет лить слезы над своей судьбой и счастьем. Слезы туч, которые называются «дождь», берутся отсюда же. Посланик божий говорит: «Стыдливость препятствует пропитанию». Отсюда следует, что каждый, кто сделал своим обычаем бесстыдство и в основу положил бесчестность, кто дерет с людей шкуру, говорит, что душе угодно, плюет всем на голову, — тот беспрепятственно достигает высоких степеней. И он благоденствует, уступая лишь вельможам и тем, кто посильнее, и возвышаясь над остальными. И благодаря его наглости люди боятся его, а тот бедняга, который известен под прозванием «стыдливый», постоянно остается за дверями и, склонив голову перед отказом, спосит в прихожих удары привратников. С завистью взирает он на тех, кто наделен нахальством и наглостью, и твердит:

Невежда на вершине трона, а ученый за дверью
С помощью уловок ищет дороги,
но не может дойти до привратника.

Однако о верности. Они изволят говорить, что верность возникает в результате душевной низости и преобладания в душе алчности. На самом деле, ведь каждого,

кому перепало что-нибудь от господина или друга, кому достались от них средства к жизни и пропитанию, жадность и злоба заставляют доискиваться повторения этих благ. Словно навязчивый цирюльник, собравшийся сделать кровопускание, преследует он несчастного благодетеля, а тот уж видеть его не может и не чает, как ему избавиться от такого бедствия. Как увидит этого верного, говорит:

Ангел смерти мне милее твоего лица!

Древние по невежеству восхваляли такое поведение. А ведь когда человек достигает в верности крайних пределов, его уподобляют собаке! Достойный муж должен заботиться о своей пользе. Если человек достиг поставленной перед собой цели, а у других надежда на это пропала, то будь хоть твой родной отец в таком положении — ни в коем случае нельзя обращать внимания. Каждое утро он проводит в какой-нибудь компании, каждый вечер — в другом обществе. Всякий, кто хочет извлечь пользу из жизни, не должен пренебрегать изложенными взглядами, и тогда он сможет извлекать пользу из всех благ и наслаждаться обществом разных людей. Людям он не наскучит и будет знать наверное, что

Каждый котел поет по-своему хорошо.

Рассказ

Рассказывают, что Мухьи ад-Дин Араби, который был мудрецом времени, главою ученых своего века, тридцать лет днем и ночью общался с маулана Нур ад-Дином Расади — и на мгновение они не разлучались. Когда Нур ад-Дин смертельно заболел, Мухьи ад-Дин несколько дней провел у его изголовья, попивая вино. Однажды вечером он отправился в свою келью. Утром, когда он вновь подошел к дверям Нур ад-Дина, он увидел, что рабы, вырывая на себе волосы, стенают и плачут.

— Как дела? — спросил он.

— Маулана Нур ад-Дин скончался, — ответили ему.

— Бедный Нур ад-Дин! — воскликнул он, а потом, обратившись к своему рабу, сказал:

— Пойдем поищем другого собеседника! — и тут же вернулся в свою келью.

Говоря, он прожил после этого еще двадцать лет и никто не слышал от него ни слова о Нур ад-Дине.

Воистину, всем необходимо учиться верности у этого мудреца, единственного в своем роде. И где лучшее доказательство тому, что каждый, кто посвятит себя верности, всегда будет страдать и в конце концов бессмысленно загубит ради этой верности жизнь. Вот и Фархад * прорубал гору Бисутун *, пока наконец не расстался со своей драгоценной душой, но так никогда и не достиг предмета своих желаний, помогаясь Ширин *. Он умер от скорби, говоря:

Так в жертву принес несчастный Фархад
Сладкую душу ради друга Ширин.

А о том несчастном, Меджнуне * из племени амер, рассказывают, что в молодости он был разумным и ученым. И вдруг влюбился в девчонку, по имени Лейла. От верности ей жизнь стала ему немила, а желаемого он так от нее и не получил. Раздетый и разутый он бегал по пустыне и повторял:

Если я получу Лейлу — о чудо!
Это будет подобно тому, что пешим
вступить в дом господень.

Наши вельможи правильно говорят: от свойства, которое приводит к таким результатам, надо немедленно отказаться.

Обратимся теперь к искренности. Наши великие мужи говорят, что это свойство — самое презренное. Что может быть хуже и вреднее искренности! Человек, который придерживается искренности, ни у кого не найдет уважения. Настоящий мужчина должен по возможности льстить господам и друзьям, лгать, вести угодные речи и пускать в ход «искренность князей». Он должен подтверждать все, что людям угодно считать правильным. Например, если вельможа в полночь скажет: «Вот и подоспело время утреннего намаза», достойный муж тотчас выскочит вне-

ред и заявит: «Ваша правда. Сегодня на редкость жаркое солнце». И в подтверждение этого поклянется и на Коране, и клятвой «тройного развода» *.

Если достойный человек находится в обществе старого мужеложца, скряги и уроды, то в разговоре он провозгласит его богатырем времени и непорочностью мира, назовет сладчайшим юпошей, Юсуфом Египетским * и Хатемом Тайи *, для того чтобы добиться от него золота, всякого добра, пожалований и чинов и поселить в его сердце любовь к себе.

Если же кто-нибудь, не дай бог, напротив, укрепитя в искренности, то он может ни с того ни с сего заявить в поучение какому-нибудь вельможе:

— Ты в юности много прелюбодействовал, пора уж и перестать и избавить наших жен и сестер от твоих пакостей!

Или он плешивому будет говорить о лысине, потаскухе — читать правоучения... Из-за горечи истины все они тогда рассердятся на него, а если будут в силах, то и поколотят тут же. А если сводник или лысый окажутся слабоваты для драки, так они поднимут такой шум и гам, что сведут беднягу с ума. И до конца его жизни не иссякнет неприязнь с их стороны, вызванная этими правдивыми словами.

Мудрецы говорят на этот счет: «Направленная на благо ложь лучше вызывающей смуту правды» *. И что может быть очевиднее такого аргумента: даже если правдолюб приведет сто подтверждений своей правоты — ему не будут благодарны, а, наоборот, страшно разобидятся и его изобличения станут всячески перетолковывать. Если же бессовестный человек лжесвидетельствует, то ему будут предлагать любые взятки и всячески стараться услужить, лишь бы он не выступил свидетелем. Поскольку ныне в странах ислама десятки тысяч людей из числа судей, шейхов, факихов, судейских и их подчиненных зарабатывают себе на жизнь именно таким способом, то и говорят:

Ложь, которая приятна твоему сердцу,

Лучше правды, которая вызывает беспокойство.

А теперь о милосердии и сострадании. Наши мудрецы

полностью отрицают эти качества. Они учат, что каждый, кто проявляет милосердие к обиженному или страждущему, тем самым подстрекает к мятежу и попадает в тяжелое положение. Подтверждается это тем, что ведь ни одно дело не совершается помимо воли господней. Все, что постигает по его милости рабов божьих, постигает их по необходимости. Как говорит Эфлатун*: «Не удивляйся происходящему, ибо ничто не происходит случайно, все идет так, как должно идти».

Если бы бог, милосерднейший из милосердных, знал, что такой-то человек не заслуживает несчастья, то и не насылал бы его. Всякий человек заслуживает того, что ему посылает бог.

Для голодной собаки слепая ворона лучше тощей козы.

И еще говорят:

Нет слепца, который не заслуживал бы слепоты.

И ты хочешь оказать милосердие человеку, который навлек на себя гнев божий? Ты подстрекаешь к мятежу и потому совершаешь прегрешение, и в День Воскресения тебя постигнет за это возмездие. Это подобно тому, как если бы кто-нибудь побил для поучения своего раба, а посторонний стал бы ласкать его и целовать, приговаривая: «Хозяин дурно поступает с тобой, бьет тебя, а тебе надо бы дать халат и подарок». Конечно, хозяин страшно рассердится на такого человека.

Рассказ

В благословенные времена посланника божьего неверным говорили: «Дайте пищу дервишам». Они отвечали: «Дервиши — рабы божьи. Если бы господь хотел, он дал бы им пищу. А раз он не дает, зачем нам давать?»

Как сказано в священном Коране: «Разве мы станем кормить того, кого Аллах накормил бы, если пожелал?» *

Отсюда следует, что никакой твари божьей не должно оказывать милосердия, не нужно обращать внимания ни на обиженных, ни на угнетенных, ни на нуждающихся, ни на попавших в беду, ни на запутавшихся в делах, ни

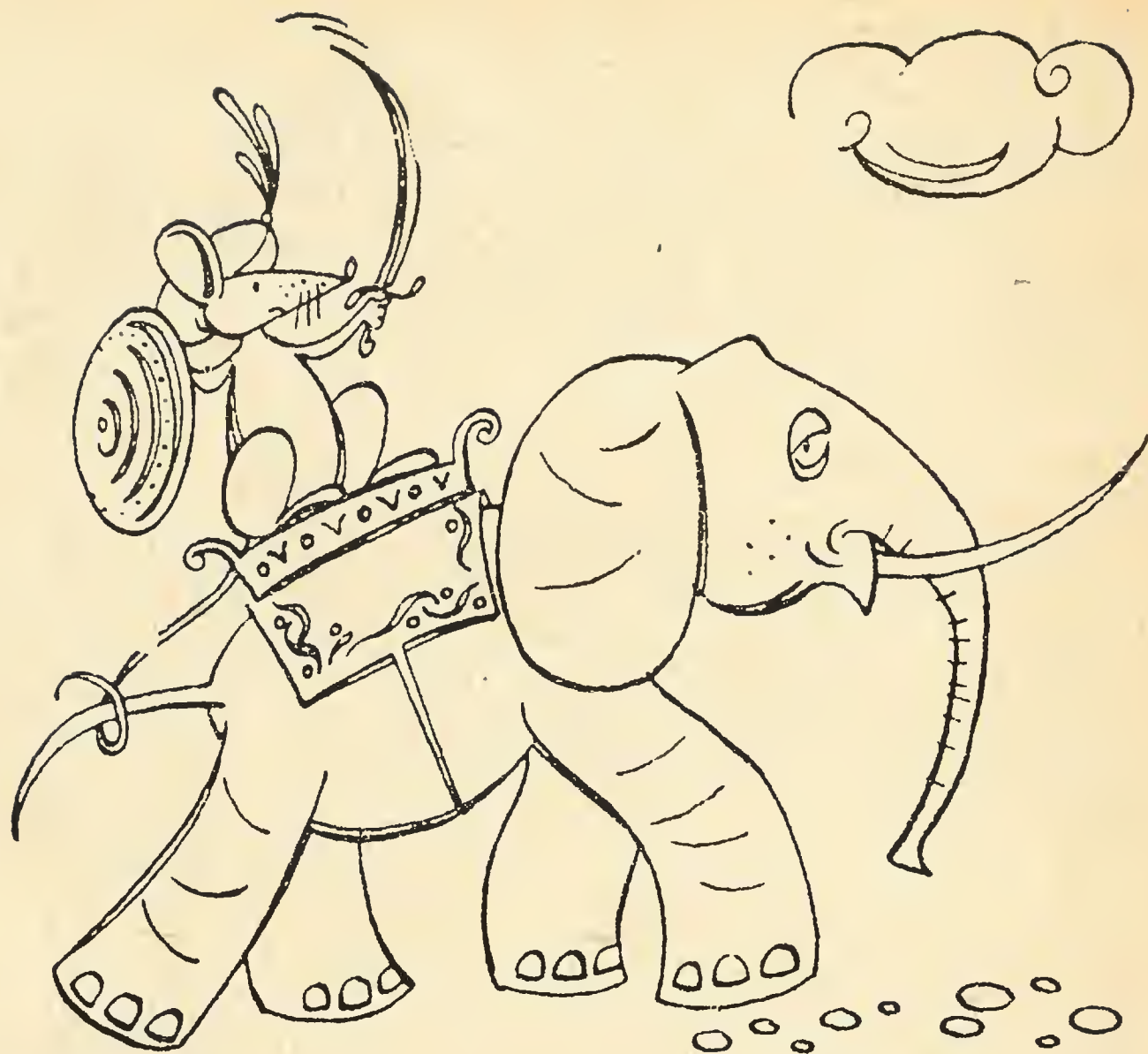

на страдальцев, ни на сирот, ни на обремененных семьей, ни на дервишей, ни на слуг, которые состарились в доме. Напротив, следует с божьей помощью насколько возможно притеснять их, чтобы таким образом достичь высших степеней и благ. А в день Страшного суда, «в день, когда богатство и родство не приносят пользы», они будут свидетельствовать в его пользу.

* * *

Вот то, что я обещал братьям в начале книги. Надеемся, что новичок, который отнесется с должным прилежанием к принятому среди знати этическому учению и сделает его руководством для своей разумной души, с его помощью наилучшим образом преуспеет на том и на этом свете.

МЫШИ И КОТ

Е

сли ты не дурак, наостри-ка уши,
Тебе не вредно меня послушать,
Я буду рассказывать не спеша
Веселую быль о коте и мышах.

Мудрец со вниманьем прочтет мой рассказ.
Ему пригодится он в жизни не раз.
Не скажет мудрец, что ему он не нужен,—
Лишь глупый пройдет мимо горсти
жемчужин.

Когда-то в Кермане * жил один кот,

Другого такого найти нелегко;
Не кот, а дракон, чудовищный кот —
Грудь словно щит, барабаном живот.
Когда он топорщил усы и шипел,
К нему бы и лев подойти не посмел.
Когда подымал он лапу — беда! —
Все барсы стремглав разбегались тогда.
Ему захотелось отведать мышонка,
И он в винный погреб пробрался тихонько.
Засел он в засаду в углу за кувшином,
Совсем как разбойник в ущелье пустынном.
Вдруг тоненький писк услышал он в тиши:
Беспечный мышонок залез на кувшин,
Напился вина и, совсем захмелев,
Решил, вероятно, что он уже лев.
«Где кот?! — запищал он. — Презренный он пес!
Пускай он попробует высунуть нос!
Я голову мигом ему откушу!
На солнышке шкуру его просушу!»
Кот все это слушал, но молча пока,
Он тщательно целился для прыжка.
Он прыгнул, как барс на охоте в горах, —
И вот уж мышонок в кошачьих зубах.
«О кот! — он взмолился. — Прости! Пощади!
Я раб! Ты единственный мой господин!»
«Поменьше бы врал! — отвечал ему кот. —
Сидел от тебя я не так далеко,
Мне все было слышно, паршивый щенок!
Я съем тебя. Это уже решено».
Мышонка, конечно, он мог пожалеть,
Но съел и отправился важно в мечеть.
Омыл он лицо свое, кончики лап
И начал молиться совсем как мулла:
«О господи! Каюсь! Зарок я даю!
Я мыши теперь ни одной не убью!
За кровь же невинных воздам я сполна —
Пожертвую нищим две меры зерна».
Хитрец очень громко все это сказал
И даже заплакал у всех на глазах.
Один из мышат услышал и спеша
Принес эту новость знакомым мышам:

«Раскаялся кот, и навеки при этом!
О боге он вспомнил и стал он аскетом!
В мечети он был и, омыв свои лапы,
Молился он долго, вздыхал он и плакал!
И все это правда, клянусь я хвостом!»
Все мыши пришли в небывалый восторг.
И выбраны были семь самых старейших,
Семь самых богатых и самых знатнейших.
О счастье братьев всемерно радея,
Собрали посланцы дары для злодея.
И вот уже в путь отправляются мыши.
Одна держит миску с отборным кишмишем,
Другая — бутылку вина дорогого,
У третьей же — блюдо горячего плова,
Четвертая тащит кувшин молока,
А пятая — с сыром пахучим в руках,
Шестая барашка несет очень прытко,
Седьмая — с оманским лимонным напитком.
Презрев осторожность, себе на беду
К коту на поклон они храбро идут.
Пришли и предстали пред важным котом
И, кланяясь низко, сказали потом:
«Тебе, о добрейший, несем мы дары,
Мы все тебе преданы с этой поры».
И кот им ответил: «Давно бы пора!
Господь с вами, мыши! Я вам очень рад!
Все знают — мышей обожал я всегда,
Мне очень по вкусу вся ваша еда.
Я жил очень строго, я долго постился,
От жизни мирской я совсем удалился.
Служили мне пищей молитвы одни,—
Господь, их услышав, продлит мои дни.
Любезные мыши, я плохо вас вижу,
Прошу, подойдите немножко поближе!»
И мыши, дары свои в лапах неся,
Подходят поближе, от страха трясясь.
Тут бросился кот на мышей, словно витязь
На поле сраженья, и начал ловить их.
И вот пять мышей уж лежат бездыханны —
Все знатными были, все были ильханы! *
Двух лапой одной, двух — другой подцепил он,

Одну же — зубами, и всех задушил он.
И чудом спастись удалось лишь двоим.
Они, задыхаясь, примчались к своим.
«Чего вы сидите! — они закричали. —
Пришло для нас время великой печали!
Пять наших братьев у нас на глазах
Погибли сейчас у злодея в зубах!»
Все в черное мыши оделись и, сгорбясь,
Предались унынию, стенаньям и скорби.
Посыпали пеплом они свои головы,
Слезами мочили хвосты свои голые.
«Пойдемте, — решили они, — коли так,
У шаха защиты просить от кота.
Шах мудрый. Он жалобам нашим поверит,
Избавит он нас от коварного зверя».
Мышиный владыка, сидевший на троне,
Их горестным видом был сразу же тронут.
Велел говорить он несчастным мышам,
И мыши взмолились: «Спаси нас, о шах!
Рабов твоих, шах, твой мышиный народ
Совсем затиранил прожорливый кот!
Когда-то хватал по мышонку он в год,
Теперь же совсем он нам жить не дает.
Теперь он стал набожным нам на беду
И сразу по пять убивает он душ».
И, выслушав жалобы их до конца,
Шах гневно сказал: «Проучу подлеца!
За кровь отомщу я жестоко тирану!
Об этом легенды рассказывать станут!»
В поход приказал он мышам снарядиться.
Собралось их тысяч всего триста тридцать.
Все сильными были и все были храбрыми,
Все с копьями, с луками, с острыми саблями.
Средь них были мыши высокого сана
Из Решта, Гиляна и Хорасана *.
У всех было много боев за плечами,
И все они грозно вращали мечами.
Из них полководцем один был назначен,
Он мудро командовать сразу же начал.
Мышонок поистине редкой отваги
Был послан им тут же во вражеский лагерь,

Коту сообщить, чтоб немедленно он
К мышиному шаху пришел на поклон.
Иначе ему не простится вина,
Иначе начнется с котами война.
В Кермане мышонка пустили к коту.
Он гордо сказал: «Я присутствую тут
По праву посла. И от имени шаха
Тебе, душегуб, заявляю без страха:
Иль ты перед троном падешь на колени,
Иль станешь ты жертвой своих преступлений!»
А кот отвечал: «Ты герой — просто чудо!
Ублюдок твой шах! Убирайся отсюда!
С ума видно мыши сошли, не иначе!»
И тут же созвал он все войско кошачье,
Созвал тонкошерстных котов Исфагана *,
Котов из Йезда *, котов из Кермана *.
Не страшно им было сражение любое.
Собрались и двинулись все к полю боя.
Кошачьи полки из предгорья спустились,
Мышиная рать подошла из пустыни.
Столкнулись же армии их на равнине,
Зовущейся Фарс *, знаменитой и ныне.
И бой закипел здесь, и каждое войско
Сражалось достойно, рубилось геройски.
И столько их тут полегло, что едва ли
Потом после боя их всех сосчитали.
Сам кот на коне устремился в атаку,
Не дрогнули храбрые мыши, однако, —
Подрезали ловко коню сухожилья,
Он рухнул на землю. Кота окружили.
«Он в наших руках! — закричали тут мыши. —
О, слава Аллаху! Аллах нас услышал!
Мышам ниспослал он победу такую!»
И били они в барабаны, ликуя.
Их шах восседал на слоне превеликом
И слушал оттуда победные клики.
Кота же связали, и вот уж несут
Преступника пленного к шаху на суд.
«Бесчестного пса, — порешил тут же шах, —
Повесить немедля у всех на глазах!»
Когда же кота потащили к петлѐ,

В нем гнев закипел, как в кипящем котле.
Стал биться он в путах, потом очень ловко
Зубами разгрыз он на лапах веревку.
Никто не успел и опомниться даже,
Как он разбросал уже всю свою стражу.
Все мыши тут бросились, кто куда мог,
Пустился и шах на слоне наутек.
Но скоро настигнут и съеден был он,
И слон был убит, и разрушен был трон...
Пусть этот рассказ навсегда сохранит
В читателе память о Закани.

* * *

Ты скажешь — все выдумки! Мало в них проку.
Но это служить тебе может уроком.
Прочти еще раз про мышей и кота.
Прочти. Поразмысли. На ус намотай.

Определения

(Десять глав)

Благодарность и хвала величию творца за то, что он дал роду людскому способность речи; бесконечные благословения дождю милостей того вельможи, который первый отверз уста для красноречивых речей!

Мнением мудрецов установлено, что людям одаренным невозможно удержаться от сочинительства и писаний. И вот, хоть ученые мужи много писали на этот счет, теперь и я в поучение потомкам и близким составил эту безделицу, называемую «Десять глав». Надеюсь, что новичок получит от чтения ее немало удовольствия.

Глава первая

О МИРЕ И О ТОМ, ЧТО В НЕМ ЕСТЬ

Мир — место, где ни одно создание не знает покоя. Разумный — тот, кто не полагается на этот мир и на его жителей. Достигший совершенства — тот, кто не мечется от горя к радости. Благородный — тот, кто не алкает чинов и имущества. Человечный — тот, кто желает людям добра. Мужчина — тот, кто не бросает слов на ветер. Мысль — то, что напрасно мучит людей. Ученый — тот, кому не хватает ума заработать на жизнь. Невежда — любимец судьбы. Знаток наук — несчастный. Щедрый — дервиш *. Скрыга — богач. Малодушный — изучающий науки. Мударрис * — их старшой. Умудренный опытом — разочарованный. Обиженный судьбой — факих *. Сосуд запрета — его чернильница. Ломаное — его перо. Заложенное — его книги. Изуродованное — его члены. Внушающее отвращение — его папка для дел. Наводящее сон — чтение его писанины. Дом каникул — медресе *. Разруха и запустение — жизнь в нем. Разоренное — вакуфное имущество *. Попечитель — уносящий его. Пенсия, жалование и содержание — то, что не доходит до людей. Брат * — бесполезный клочок бумаги, который приносит людям беспокойство. Взор — приказ, который хаким * посылает своему помощнику и на который тот не изволит обращать внимания.

Глава вторая

О ВОИНАХ-ТЮРКАХ * И ИХ ВОЕНАЧАЛЬНИКАХ

Яджудж и Маджудж * — полчище тюрок, которое направляется в какую-нибудь провинцию. Адские муки — их продвижение вперед. Голод — результат их пребывания. Конфискации и поборы — их

гостинцы. Столпы смуты — их бунчуки. Грабеж — их ремесло. Стрижка наголо — их богатство. Час землетрясения — время, когда они сваливаются на голову. Накири и Мункар* — два их привратника, которые стоят по обе стороны дверей, опираясь на булавы. Амил* — правитель. Невозможное — отстранение его от должности. Величайшая собака — шихне*. Колючки — их провиант. Горячая вода — их вино. Грабитель — ильчи*. Несправедливый — теперешний правитель. Заслуживающий казни — городской сборщик тамги*. Мушриф* — вор. Мустауфи* — соучастник воров. Волк — солдат. Шакал — старьевщик. Оценщик имущества при распродаже — карманник. Мухтасиб* — исчадие ада. Военачальник — опустошитель амбаров. Ночной сторож — тот, кто ночью занимается разбоем, а днем требует с лавочников вознаграждения. Доносчик — письмоводитель дивана.

Глава третья

О СУДЬЯХ И ИХ ПРИСНЫХ

Судья — тот, кого все проклиняют. Моток веревки — тюрбан судьи. Кисточка тюрбана — хвост его. Помощник судьи — тот, кто ни во что не верит. Вакил* — тот, кто превращает право в пустой звук. Правый — тот, кто врет всегда. Посредник — тот, кто не может угодить ни богу, ни людям. Судейская коллегия — сборище, которое авансом продает свидетельские показания. Неотвязный — судебный исполнитель. Злосчастное племя — родичи судьи. Алчущий золота — его заместитель. Рай — то, чего все они не увидят. Разрешенная законом еда* — то, чего они не употребляют в пищу. Сиротское и вакуфное имущество — то, что судьи считают самым доступным для себя. Глаза судьи — посудина, которую ничем не наполнишь. Вред — то, что приходит вслед за ним. Ангел смерти — то, что его ожидает. Преисподняя — его местопребывание. Чистили-

ще — помещение суда. Порог шайтана — вход туда. Ад и адское пламя, преисподняя и геенна огненная — четыре стены его. Взятка — устроительница дел бедняков. Счастливый — тот, кто никогда не видал судьи. Кавардак — жизнь в обществе судьи. Хатиб* — осел. Чтец молитв — ослиный зад. Судебный пристав — после отставки — бесчестный негодяй. Учитель — дурак. Проповедник — тот, кто говорит, но не делает. Надим* — льстец. Лиса — паршивец знатного рода, состоящий в услужении у эмиров и ханов. Поэт — пристрастившийся к самодовольству.

Глава четвертая О ШЕЙХАХ И О ТОМ, ЧТО ИХ ОКРУЖАЕТ

Шейх — сатана. Ублюдок — отродье шейха. Всякая жена шейха — шлюха. Обман — рассуждения шейхов о мирской жизни. Соблазн — то, что они говорят о загробной жизни. Абсурд — речи, которые они ведут о науке. Бред — их сон и явь. Шайтаны — последователи шейхов. Суфий* — дармояд. Хаджи* — тот, кого обманули в Каабе*. Хаджи двух священных городов* — проклятие и кара на его голову!

Глава пятая О ХОЗЯЕВАХ И ИХ ОБЫЧАЯХ

Хвастовство и наглость — сущность хозяев. Тщета — их жизнь. Дутое — их смирение. Бессмыслица и глупость — их речи. Стяжательство, алчность, скупость и зависть — их нравы. Болван — тот, кто возлагает на них добрые надежды. Злосчастный и злополучный — состоящие у них на службе. Несуществующее — щедрость. Исчезнувшее — добрые обычаи. Анка* Запада — чест-

ность и справедливость. Хитрость и обман, лицемерие, притворство и ложь — обычаи знатных. Зависть — недуг знатных.

Глава шестая

О РЕМЕСЛЕННИКАХ И РАЗНЫХ ЧИНАХ

Лавочник — тот, кто не боится бога. Торговец тканями — палач. Меняла — мелкий воришка. Портной — ловкач. Имам* — торговец молитвой. Аптекарь — тот, кто всем желает болезней. Фальшивомонетчик — ювелир. Лекарь — кат. Обманщик — звездочет. Злосчастный — гадалщик. Борец — лентяй. Банщик — сборщик налога с прелюбодеев. Маклер — базарный разбойник. Учитель хозяйских деток — евнух. Казвинец* — и горожанин, и деревенщина. Свиньи — начальники казвинцев. Медведи — их знать. Нищие — тамошние землевладельцы. Ходатай землевладельца — его амбар. Железная палица — то, что им достается. Одна сотая — доля урожая, которая не доходит до землевладельца. Жалобы — то, что посылают землевладельцу. Хейдарит* — медведь на цепи. Мулла — гуль* пустыни.

Глава седьмая

О ВИНЕ И О ТОМ, ЧТО К НЕМУ ОТНОСИТСЯ

Вино — основа пирушки. Нарды и красавица, свеча и беседа — орудия ее. Чапг*, и уд*, и флейта — управляющие пирушкой. Шурба* и кебаб* — пища ее. Лужайки и сады — ее местопребывание. Черный камень* — ее котел. Яд — вино патошак. Радость — опьянение. Куражащийся наподобие высокородного — подвыпивший человек. Беспомощный — человек с похмелья. Ангел смерти — бородатый виночерпий. Соединение Са-

турна и Марса* — двое пьяных бородачей, лобзающих друг друга. Иней — трезвый среди пьяных. Посмешище — пьяный среди трезвых. Буйство — молитва пьяных на пирушке. Ад — апогей пирушки. Балаган — подобие ее (т. е. пирушки). Вздор и пустяки — то, что сулят подарить спяща, не присылают, отрезвав. Отец горестей — кубок без дна. Убийца наслаждений — рамазан*. Ночь определенных* — праздничный вечер. Шайтан, злонаправный, докучливый — те, кто, стоя у досок играющих в шахматы и нарды друзей, пытаются учить их. Бедствие — лик соперника.

Глава восьмая

О БАНГЕ* И СВЯЗАННОМ С НИМ

Банг — то, что приводит в экстаз суфиев. Шахматы — то, что сопутствует бангу. Бубен и тар* — управляющие им. Тихий уголок и солнце-лика — приют банга. Хариса*, плов и сласти — пища его. Мешковина и циновки — одежда его. Украшенный драгоценностями и в двойне благородный — тот, кто потребляет банг с вином. Отлученный — тот, кто не употребляет ни того, ни другого. Рвотное — испорченный банг.

Глава девятая

О ДОМОХОЗЯЕВАХ И ОБО ВСЕМ, ЧТО СВЯЗАНО С НИМИ

Аскет — тот, кто смеется над этим миром. Гуль* — сводня. Злополучный — хозяин дома. Двурогий* — тот, у кого две жены. Несчастнейший из несчастных — тот, у кого их больше. Сводник и угрюмый негодяй — тесть. Сварливая мрачная злыдня — теща. Посторонние — домочадцы и родственники. Суэта мирская — жизнь хозяина

дома. Бессмысленность — дни его. Разорение — его достояние. Растерянность — его душевное состояние. Горечь — его услада. Обитель траура — его дом. Домашние враги — дети его. Родившийся под несчастной звездой — тот, кто попался в лапы дочери домохозяина. Неприятель — брат. Родичи — заклятые враги. Много семейный — вкусивший горе. Поцелуй — посредник совокупления. Управление домом — ночью — скверный запах, днем — кислый вид. Раскаяние и банкротство — итог его. Похоть — разрушительница мужчин и женщин. Заклеванный курами муж — тот, кто считается с женской болтовней. Неудачник — юноша со старой женой. Самодовольный рогоносец — старик, у которого молодая жена. Баран и рогач — тот, чья жена прочла историю Виса и Рамин*. Развод — средство для его излечения. Радость после печали* — бесповоротный развод*. Ссоры и гибель — ленивый слуга. Безрассудно отважный — тот, кто часто предается любовным утехам. Пиявка — неопытный новичок. Принципы — нечто устаревшее. Продажный мужеловец — мерзкий осел, который сбрил бороду. Любовь — занятие бездельников. Одураченный — нищий влюбленный. Смиренный — банкрот. Презренный — должник. Неизбежная гибель — нужда. Основа независимой осанки — золото и серебро. Несчастный — тот, чьи расходы больше доходов. Гора Оход* — груз шарията*.

Глава десятая

ОБ ИСТИННОЙ СУЩНОСТИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Госпожа — та, у кого много любовников. Хозяйка дома — та, у кого их мало. Целомудренная — удовлетворяющаяся одним возлюбленным. Супруга — та, что отдается безвозмездно. Благотель — тот, кто тешит любовью старуху. Потаскуха — та, которая желает чужих. Не знающий горя — тот, кто не пресыщается любовью. Борода —

свидетельство на звание умника. Невинность — слово, которое не к чему применить. Сакункур* — икры незнакомой женщины. Находящийся в агонии — юноша, у которого пробивается борода. Борода — указ об окончательной отставке. Исторгающее слезы — положение красавца, у которого пробивается борода. Сводник — приближенный правителей. Удостоенное благодарности — его старания.

* * *

И словами благодарности это краткое сочинение закончено. Прости, господи, вольности пера!

СТО СОВЕТОВ

II

О мнении людей дальновидных и проницательных, автор этих строк, Обейд Закани, хоть и не обладает большими познаниями и талантами, но зато с ранних лет усердно изучал труды мудрецов и ученых. И вот в тот момент, когда годы хиджры достигли 750-го *, он дошел до сочинения князя мудрецов Эфлатуна *, которое тот составил для своего ученика Арасту * (перевел это сочинение с греческого языка на персидский несравненный Ходжа Насир ад-Дин Туси * и утвердил

основы его в своей «Этике»), а также и до других книг, особенно до «Книги советов» справедливого шаха Ануширвана *, которую тот написал для Тадж Раби. От чтения их в душе возникло пылкое желание, и по их образцу появилась эта книга наставлений. Это «Книга дервишей», лишенная лицемерия и свободная от церемоний, дабы смысл ее лучше проникал в общественные нравы, да и автор при ее помощи обрел бы свою долю среди мудрецов. Надеюсь, что всем пригодятся советы этой книги.

Коли надобно тебе полезное питье,
Прими от меня бальзам наставления,
Просеянный через сито славы,
Смешанный с медом остроумия.

1. Дорогие мои, берите от жизни все.
2. Не упускайте времени!
3. Не откладывайте на завтра сегодняшних наслаждений.
4. Не отдавайте хорошего дня за плохой.
5. Считайте удачу, здоровье и безопасность равными царской власти.
6. Берегите время, ведь жизнь не дается вторично!
7. Каждому, кто забыл свое происхождение и положение, напоминайте о них.
8. Не приветствуйте самодовольных.
9. Не вписывайте тяжелые времена в счет жизни.
10. Держитесь подальше от людей слишком бойких, легкомысленных, мотов и склонных к каландарству *.
11. Не зарьтесь на чужое добро — и вы посмеетесь над людьми.
12. Не вертитесь подле падишахов, а их дары предоставьте их привратникам.
13. Положите жизнь за друзей.
14. Счастье жизни, и свет очей, и радость сердца находите в созерцании красавиц.
15. Предавайте проклятию тех, кто хмурит брови и морщит лоб, умников и кислолицых, криводушных и скупцов, лжецов и невеж.
16. Насмехайтесь над бесчестными господами и купцами.
17. Пока можете, не говорите правды, чтобы не отягощать ею сердца и не сердить понапрасну людей.

18. Научитесь шутовству, сводничеству, кривлянию и клевете, научитесь лжесвидетельствовать и продавать веру ради мирской суеты и платить неблагодарностью за добро — и вас станут ценить вельможи, и тогда вы извлечете пользу из жизни.
19. Не верьте словам шейхов, чтобы не сбиться с пути и не попасть в ад.
20. Протяните руку преданности к полё чистых сердцем риндов * — и обретете спасение.
21. Избегайте общения с аскетами-подвижниками, чтобы жить в свое удовольствие.
22. Не селитесь на улице с минаретом, чтобы обезопасить себя от головной боли, причиняемой скверными голосами муэззинов *.
23. Помогайте курильщикам банга сладостями и яствами.
24. Протягивайте руку пьяным.
25. Пока живы, смейтесь над расчетами алчных наследников.
26. Нищету и каландарство почитайте основой счастья и смыслом жизни.
27. Не заботьтесь о создании себе репутации — будете жить свободно.
28. Не попадайтесь в силки женщин, а особенно — ожеребившихся вдов.
29. Ради разрешенных шариатом постылых радостей не отрекайтесь от запретных наслаждений.
30. Не пожелайте дочери факира, или шейха, или судьи, или их помощников, а если все же придется когда-нибудь попасть к ним в родню — спите с невестой так, чтобы не затронуть ее скверного сокровища и не произвести на свет потомков нищего и мошенника, лжецов, погубителей отца и матери.
31. Не берите замуж дочь хатиба *, а то она ненароком родит осленка.
32. Бойтесь колыбельных песен няnek и изречений повитух, причуд беременных и качающейся люльки, приветствия зятя, невыносимых тягот женитьбы и детского рева.
33. ....
34. В старости не ищите любви молодых женщин.
35. Не сходитесь задаром со вдовой.

36. Не женитесь, чтобы не стать рогоносцем.
37. Старух колотите по голове пращой, дабы прослыть «борцом за веру».
38. В начале пути не сбейся с дороги из-за стройного женского стана, или густой чадры, или головной повязки с кистями.
39. ....
40. ....
41. ....
42. ....
43. Никогда не ешьте и не пейте в одиночестве — так поступают только судьи и иудеи.
44. Не обращайтесь с просьбами к худородным.
45. Пока у юных тюркских рабов не пробилась борода, покупайте их за ту цену, какую просят, а когда она начала расти, продавайте их за ту цену, какую дадут.
46. В юности не отвергайте домогательств друзей и врагов, близких и далеких, своих и чужих — и в старости вы достигнете положения шейха, или проповедника, или героя, или знаменитости.
47. Покупайте юношу-раба с мягким нравом, а не с тяжелыми кулаками.
48. Не привимайте кубка из рук бородатого виночерпия.
49. Не ищите покоя, и радости, и порядка в доме человека, у которого две жены.
50. От женщины, которая прочла сказание «Вис и Рамин» *, и от мужчины, который прибегает к вину и бангу *, не ждите целомудрия и неиспорченности.
51. С дочерью соседа не живите обычным способом и не лишайте ее невинности, дабы соблюсти добрососедские отношения, добропорядочность и проявить милосердие, чтобы в брачную ночь девчонку ни в чем не заподозрили и чтобы она не опозорилась перед женихом и осталась бы честной в глазах людей.
52. Не ищите в наши дни справедливого правителя, судьи, не берущего взятки, и аскета, не ведущего лицемерные речи, и благочестивого хаджиба *, и нераспутного богача.
53. Пожалейте молодую женщину, муж которой уехал в путешествие, и влюбленного, который пришел на первое свидание и осрамился, и красавца, который

явился на пирушку, а его лицо не понравилось и его выставили, и компанию полупьяных, у которых пролилось вино, и юношу, который попал в лапы старой сварливой бабы, и девушку, которая пустила девственность по ветру, а брачная ночь близка,— и господь сжадется над вами.

54. ....

55. ....

56. ....

57. На обещания пьяных и ужимки кокетливых бабенок, на клятвы шлюх и пожелания сводников шубы не сошьешь.

58. Перед мастерами и людьми преуспевшими, перед престолонаследниками и теми, от кого вы зависите, проявляйте смирение — а не то расстанетесь с добрым именем.

59. Не обижайтесь на ругань нищих и пощечины женщин, на насмешки мужеложцев и на длинный язык поэтов и шутов.

60. Как можно больше наслаждайтесь любовью юношей — ведь в раю этих утех не будет.

61. Чтобы прослыть совершенным игроком, прибегайте в нардах и других азартных играх ко всякому плутовству, какое только знаете, а если партнер силен, произносите формулу «тройного развода» * — ведь клясться при игре запрещено шариадом *.

62. Мужеложцам и шлюхам не платите вперед, чтобы они потом не отказались и не начали препираться.

63. Не приглашайте на пирушку людей слишком говорливых, и сплетников, мерзавцев, пьяниц, и скверногласных певцов, которые тащат со стола яства и поют надоевшие песни.

64. Избегайте пьяных сборищ.

65. Не сажайте рядом мужеложца и шлюху.

66. Не играйте в нарды в долг, чтобы понапрасну не утруждать партнера.

67. ....

68. Пока не готовы сласти и яства, не предавайтесь бангу.

69. Людишек, сующих нос в чужие дела, и тех, кто поутру ходит с постной рожей и с похмелья поносит

и попрекает тебя, что ты-де вчера и выпил-то много, и кувшин разбил, и денег много спустил, и платье раздарил, — заткните головой в непотребное место, чтобы они больше не докучали людям.

70. Бейте жен крепко, и, если при этом вы будете ретиво исполнять долг мужа, они будут бояться вас и будут вам покорны, положение дома утвердится между страхом и надеждой, а смута сменится покоем.
71. Лживых и льстивых красавцев гоните прочь.
72. Не ходите на берег ручья или хауза * пьяным — нечаянно свалитесь в воду!
73. Не заводите беседы с шейхами и недавно разбогатевшими, предсказателями судьбы и обмывателями трупов, с играющими на кингире *, шахматистами, расточителями, наследниками старых родов и прочими неудачниками.
74. От торговцев не жди правды, справедливости и благочестия.
75. Не жалуйтесь на тычки и подзатыльники от дурных друзей.
76. Берегитесь уловок судей и коварства монголов *, буйства мужеложцев и соперничества тех, с кем раньше были близки и кто сейчас стал нос задирать, берегитесь языка портов и козней женщин, глаз завистников и злобы родичей.
77. Не желайте непослушных детей и непокорных женщин, дерзких слуг и старух, ленивую скотину и бесполезных, но ищущих выгоды друзей.
78. Не мочитесь на минбар * нечистых проповедников — прежние мудрецы этого не допускали.
79. Знайте, что молодость лучше старости, здоровье лучше болезни, богатство лучше бедности, блуд лучше сводничества, опьянение лучше похмелья, разум лучше безумия.
80. Не становитесь кающимся грешником, чтобы не стать несчастным, злополучным, неудачником и лентяем.
81. Не совершайте хаджа *, дабы алчность не возобладала над вашей натурой и вы не стали безбожником и бесчестным человеком.
82. Не показывайте людям дороги к дому возлюбленной.
83. ....

84. Не страшитесь рогов — и вы днем не будете знать горя, а ночью — забот.
85. Ублажайте торговцев вином и бангом, и вы обеспечите себе веселую жизнь.
86. Во время рамазана * не пейте вина при людях — чтобы вам не помешали.
87. В месяц рамазан не верь свидетельству слепых, хотя бы они стояли на высокой горе *.
88. С ткачей, цирюльников и сапожников, поскольку они мусульмане, не спрашивайте джиэзы *.
89. Не слишком усердствуйте в правдивости и верности слову, чтобы не подвергнуться коликам и другим болезням.
90. Чтобы счастье вам улыбнулось, прибегайте к бангу поутру и к вину с похмелья, ибо разврат везде пользуется полной безопасностью.
91. ....
92. В кабаках, и в игорных домах, и на сборищах мужеложцев и музыкантов не старайтесь прослыть удалцом, чтобы на вас не взваливали что попало.
93. Не трудитесь рекомендоваться худородным, и детям рабов, и всякой деревенщине.
94. Бегите от благодеяний родни и застольи скунцов, недовольства слуг и неприязни обитателей дома и домогательств заимодавцев.
95. В любом положении остерегайтесь смерти, ибо издавна смерть вызывала отвращение.
96. Пока в этом нет необходимости не прыгайте в колодезь, чтобы не сломать шею.
97. Пропускайте мимо ушей слова шейхов и курильщиков банга, потому что ведь сказано:

Все, что изрекает курильщик банга,
Запиши на ослином хвосте и сунь ему в зад.

98. ....
99. Не отвергайте соленых шуток и не презирайте тех, кто их произносит.
100. Смотрите же, отнеситесь к этим словам со вниманием — ведь это советы знатных людей — и поступайте, как сказано.

Вот то, что мне было известно, что дошло до меня от учителей и мудрецов, что я читал в книгах и что замечал сам за большими людьми. С помощью божьей я изложил это в сем кратком труде, чтобы те, кто может, извлекли из него пользу.

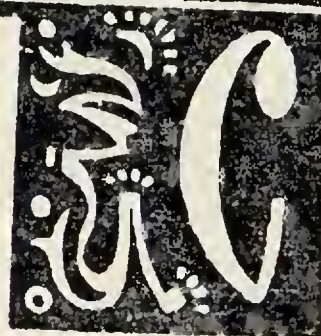
Избранники судьбы помнят добрые наставления,
Великие люди слушаются советов дервишей.

Да откроет всевышний господь перед всеми двери блага и счастья, стойкости и безопасности.

КНИГА ВЛЮБЛЕННЫХ

Посвящение

тех пор как с айвана* небес, с его
синей глазури
Низвергнуты Солнце с Луною, Сатурн и
Меркурий,

Красой мирозданья стал он,
повелитель Востока,
И время спокойно течет
бесконечным потоком.

Прекраснейший лотос увенчан венцом государя,
И солнцу свой свет ослепительный щедро он дарит.

В нем первооснова всего, в нем стихии четыре *,
В нем смысл и ценность всего, что увидишь ты в мире.

В нем всё совершенства полно, всё должно быть
воспето,
Для кисти художника всё, для восторгов поэта.

Пока над ковром многоцветным земным нависает
Мозаика сводов небесных, тревожно мерцая,

Пусть никнет Земля перед шахом и, где бы он ни был,
Пусть будет покорно ему своеправное небо.

Слетают с пера мои мысли, доступные взору,
В парчу облакаю я их с прихотливым узором,

В стихи превращаю я их, восхищаюсь я ими.
Но лучше любого стиха — повелителя имя,

Его повторять я готов неустанно годами,
Оно освещает дороги потомкам Адама.

То имя жемчужины царственной в море державы,
Чей блеск ниспослал нам господь,
милосердный и правый,

Чье сердце всегда будет центром для циркуля мысли,
Чью мудрость никто из мудрейших еще не превысил.

Султан надо всеми султанами — Абу Исхак *,
Ему лишь Джамшид * был бы равен, других не сыскать.

Оплот справедливости он, благородный султан,
Надежда и радость семи осчастливленных стран *.

Цари, как рабы, перед ним преклоняют колена,
Толпа венценосцев у трона стоит неизменно.

Достойные люди пред ним не сгибаются в страхе,
А в доблестном войске его все эмиры и шахи.

Оно — меланхолик страдающий, плачущий кровью,
Хворающий тяжкой, неизлечимой любовью.

Очам всех красавиц оно доверяет безмерно.
Оно поклоняется явно кумирам неверных.

И речи смутьянов опасных, забывших о боге,
Не столько несчастий приносят, не столько тревоги.

Живет оно болью одной, все оно изувечено,
Кровавые слезы ручьями — удел его вечный.

Не жаждет богатства оно. К нищете привыкая,
Бредет без дороги оно, без конца спотыкаясь.

Завидя красавицы лик, не пройдет оно мимо.
Отдаст оно жизнь за пушок на щеке у любимой.

Капризы приятны ему, безразличны укоры,
Как жалкий невежда, оно не боится позора.

Не просит поблажек оно и не требует мести,
Оно никогда не печется о собственной чести.

Запас его горестей будет нескоро истрачен:
Оно освежает его своей кровью горячей.

Ему облегченья не надо, спасенья не надо —
Мучения ищет оно и мучениям радо.

Едва лишь увидит вдали оно стройную станом —
Готово к страданьям оно и к тоске непрестанной.

А если коснется оно той, чья грудь, как гранат,
Умрет не колеблясь у ног той, чья грудь,
как гранат.

Красавицы жизни лишают и глупых и мудрых,
И в темень неверия тянут их темные кудри,

Но нет для безумцев влюбленных приятней отравы —
Они ведь о жизни своей и не думают, право.

«Страдай,— говорит мне мой разум,—
но будь осторожней,
В глубинах души затаи ты тоску понадежней.

Коль хочешь любить, закали свое сердце вначале,
Терпеть униженья его приучай и сносить все печали.

Гореть, как свеча, приучай от любви безотрадной,
Сгорать мотыльком заставляй на огне беспощадном.

Тогда не страшны ему будут любые угрозы,
Отныне удел его горький — кровавые слезы.

Забудь о богатстве своем, потерял ты богатство,
Забудь о свободе своей, принимай это рабство.

Длинна эта повесть любви, и читать ее трудно,
Но только любить хочет разум, любить безрассудно.

Прими у судьбы эту чашу любви и страданья,
Отдай свою память любви, ее лучшим преданьям.

Влюбленное сердце честней, благороднее прочих,
Напрасно ты сердце свое перед всеми порочишь!

Бесстрастные сердцем несчастны, покой их ничтожен,
Не знают мучений они, но и радостей — тоже.

Ведь сердце подарено нам для томления светлого,
Хиреет и сохнет оно без томления этого.

И пусть не спасется оно от любовной напасти,
И пусть не минуют его все терзания страсти.

Любовь не простая игра, она требует риска.
Люби без оглядки и верь,
пусть блаженство не близко:

Прекрасней любви для души не отыщешь стремленья,
Достойней любви для ума не найдешь примененья».

И внял я совету, и пью я любви своей чашу.
Напиток мой сладок, напиток мой горек и страшен.

Любовь разорила нещадно души моей царство,
Разграбила сердце мое, обрекла на мытарства.

Теперь все несчастья живут с моим сердцем
в соседстве:
Поставил я на кон его — стал мишенью для бедствий.

И только возлюбленной дом мне отныне Кааба,
Иного, чем брови ее, мне не надо михраба *.

Продолжение описания страсти

Едва лишь стемнело, как страсть начала свое дело
И бедное сердце мое от тоски закипело.

Зуннаром * неверных мое опоясано тело,
В мой разум смятенье ворвалось и всем завладело.

Пути из темницы мой разум давно уж не ищет,
Любовь моя — опиум, я — ненасытный курильщик.

Волос божества своего я не видел ни пряди,
Но радости жизни презрел я волос его ради.

Я плачу, я сердце свое разрываю на части,
И слезы не могут унять полыхания страсти.

От слез мне не легче ничуть, мне все хуже и хуже.
Мне страсть не осилить, пред ней
я совсем безоружен.

Нахмурилось небо, увидев, как стало мне плохо,
А воздух устал от моих многочисленных вздохов.

Отраву разлуки я выпил, смертельной разлуки,
Я сам истязая себя, предаю себя муке.

У дома любимой моей я навеки останусь
И буду всю жизнь совершать здесь тавваф * неустанно.

Царит ее образ во мне, и страданья жестоки.
Вздыхая, пишу для нее эти грустные строки:

Никогда от тревог мое сердце не ныло,
Не сгорала душа от любовного пыла.

Слишком жадно вцепилась тоска в мою душу,
Прикажи, чтобы душу она отпустила.

Мое сердце несчастное корчится в муках,—
Даже крепкие камни оно б размягчило,

А река моих слез так горька и обильна,—
Даже море бы вспенила и замутила.

Приходи же сегодня, до завтра так долго,
И дождаться до завтра я просто не в силах.

Утону с головою в кудрях твоих черных,
Их краса эту голову и погубила.

Я болею тобою, недуг мой опасен,
Только ты бы спасла меня и излечила.

Возлюбленная узнает о чувствах влюбленного

Когда в те безлунные, в те беспросветные ночи
Боролся с мученьями я и не мог превозмочь их,

Стоял кипарис темнокудрый, наверно, на крыше
И тяжкие вздохи мои он, наверно, слышал.

Услышала та, чье лицо называл я луною.
Могла ли не сжалиться тут же она надо мною?

Потом, любопытство свое не боясь обнаружить,
Она обратилась не медля к одной из подружек:

«О чем так вздыхает, скажи мне,
  тот бедный влюбленный?
О ком он тоскует, поведай мне, так иступленно?

Кого потерял он, несчастный, кого он здесь ищет?
Зачем он все бродит вокруг, как навязчивый нищий?

Не пьет и не ест он, бедняга, ему все немило.
Какая приманка его в западню заманила?

Не видит он солнца, ему опротивели розы,
И целыми днями он льет свои горькие слезы.

Чей взор, как стрела, угодил в его душу так метко?
И сделал охотника ловкого дичью на ветке?

Поток переходят порой, но не там, где пороги.
Чьи козни сбивают его то и дело с дороги?»

И ей отвечала она: «Он совсем незнакомый.
Как пьяный, валяется он каждый вечер у дома.

Ведет как-то странно себя он, совсем необычно,
Земные поклоны он бьет, словно жалкий язычник.

Ни слова не слышала я, он все плачет и плачет,
Не хочет сказать никому он, что все это значит.

Никто состраданья ему не бросает ни крохи,
С ним только мученья его, только стоны и вздохи,

И все эти ночи безлунные, темные ночи
Горячие слезы он льет и о чем-то бормочет.

Лишь звезды глядят на него, на рассвете тускнея, —
К утру не стихают мученья, они все сильнее.

Глаза его красными стали от слез беспрестанных,
И все же никто до сих пор не узнал его тайны».

На это сказал кипарис: «Но ему будет хуже.
Аркан еще слабо затянут, затянется ту же.

И плачет, и мучится он, и не спит по ночам он,
Но он не влюбился еще, это только начало!

Горит он так ярко уже, но пока что напрасно.
Пока что он думает только, что любит так страстно.

И все же не скоро утихнет волнение такое,
Не скоро лекарство найдешь, что его успокоит.

Нельзя на свободе оставить безумца такого,
Безумца заковывать надо скорее в оковы.

Кто раны залечит ему? Где ключи от темницы,
В которой страдалец неистовый будет томиться?

Кому же захочется быть с его горем знакомым?
Никто даже мазью не смажет его переломы.

Он знал только муки и думал, прославлено ими
Несчастное сердце его, — как он бедный наивен!»

Влюбленный посылает весточку возлюбленной

Жестокая страсть моим сердцем совсем завладела,
Но разум не сдался еще, принялся он за дело.

Уловок и хитростей всяких придумал немало,
Но бедное сердце мое уже еле дышало.

Тогда я орла приручил —

пусть он к милой примчится.

Такие слова для любимой поведал я птице:

«Полно мое сердце, красавица, только тобою,
Душа моя стала навеки твоею рабою.

Краса твоя — свет, и не знаю я света другого.
Господь да хранит ее всюду от глаза дурного.

Я сердца лишился, и в счастье не смею я верить,
В смятенье и в страхе стою я у запертой двери.

Меня ты не знаешь совсем, ты меня не видала,
Но знают все камни меня, все деревья квартала.

Не в силах уйти я отсюда, тобою я полон,
Я раб своей страсти, я ею навеки окован.

Я сбился с дороги, прельщенный твоими очами,
За ямкой у рта я пошел — очутился я в яме.

Пред силой красоты твоей я преклоняю колени,
Кудрей твоих черных отныне безропотный пленник.

Доколе же мучиться мне, горевать мне доколе?
Доколе душа моя будет сжиматься от боли?

Неужто же вечно теперь пресмыкаться мне надо?
Неужто не ждет меня где-то за муки награда?

Неужто, жестокая, вечно терпеть мне такое?
Неужто не дашь ты отныне страдальцу покоя?

Неужто не чувствуешь ты всей души моей трепет?
Я весь словно кудри твои, когда ветер их треплет.

Была бы добра ты ко мне, я бы жил несомненно...
Глаза твои ранят меня и убьют непременно.

И если когда-нибудь даже приближусь к тебе я,
К огню красоты твоей злой подойду не робея,

Сгорю мотыльком я тотчас, упаду бездыханным,
Умру от восторга тотчас перед царственным станом.

Крупцу бы света мне — больше от солнца не надо.
Один бы цветочек мне — больше не надо от сада.

Не смею помыслить, что буду с тобою я рядом.
Я рад только видеть тебя,
прикасаться лишь взглядом.

Узнай же о страсти моей безнадежной скорее
И будь благосклонна ко мне, будь со мной добрее».

Орлу наказал я еще: «Повнимательней слушай,
И гордой луне, озарившей смятенную душу,

Из дивных творений Хаммама * прочти ты вот это —
Не грех позаимствовать нам у такого поэта,—

На эти стихи, ты же знаешь, нельзя не ответить,
Таких, кто их слушать не станет, не сыщешь на свете:

Я власть утратил над собой, тебя увидев вдруг.
Я слышу только сердца стук,
лишь этот громкий стук.

Боюсь, что сердцу не стерпеть, что выскочит оно
И разобьется на куски от горя и от мук.

Живой водою ты его могла бы оживить,
Живой водою нежных слов, прикосновеньем рук.

К влюбленному хоть иногда будь милостива ты,
Дни нашей жизни коротки, и столько зла вокруг.

Хотя бы раз взглянуть в лицо, в любимое лицо,—
Не вырвут тайну у меня ни боль и ни испуг.

Хаммам ведь сохнет на глазах, и близок его час.
Он в паутине. Кровь его сосет любовь-паук.

Прислушайся к его мольбе, не отвергай его
И разорви его тоски, его страданий круг».

Посланец доставляет письмо

Когда рассказал я все это внимательной птице,
Когда рассказал ей о том, что со мною творится,

Когда объяснил я ей все по порядку сначала,
Взвилась она в небо стремительно и умчалась.

Летела, как ветер, она и быстрее, чем ветер,
Пробралась к любимой она, и никто не заметил.

Занятого птица ученая знала немало
И долго беседой своею ее занимала.

Она рассказала ей много забавных историй
И о моем, между делом, поведала горе.

И вдруг та, чья грудь, как жасмин,
задрожала всем телом --
Она догадалась, чего эта птица хотела.

Она попыталась свести разговор на другое,
Как будто не тронуло вовсе ее это горе.

Ответ возлюбленной

И все же волнение ее не могло не открыться,
И вот что услышать пришлось моей преданной птице:

«Скажите бедняге, скажите слепому безумцу,
Скажите несчастному, если не образумится, —

Коль страсть поселилась в твоей голове,
постарайся
Ты выкинуть вон ее сразу и прочь убирайся.

Напрасно с огнем ты, задира, так храбро играешь,
Спасай-ка ты голову лучше, а то потеряешь.

Тебе ли мечтать обо мне — я ведь слишком красива!
Перй * ведь не водит знакомства с уродливым дивом *.

Ведь нищий не смеет коснуться рукой падишаха,
Ведь нищий у ног падишаха трясется от страха.

Ведь ты мотылек. Я свеча, и ты лучше не тронь
Разящее пламя мое, не лети на огонь.

Коль будешь по-прежнему ты в своей страсти упрям,
Коль будешь ходить ты за мною везде по пятам, —

В огне любви ко мне дотла душа твоя сгорит,
Всего, всего тебя дотла любовь ко мне спалит.

Тяжелых вздохов берегись и сердце пожалей,
От вздохов надорвешься ты, а сердце заболит.

Тебя лукавство не спасет, уловки не спасут,
Ведь та, которой бредишь ты, тебя перехитрит.

Наступит ночь. Не будет сна. И снова в сотый раз
Перед тобой ее рука лампаду засветит.

Зачем, безумец, свой огонь ты держишь подолой?
Он подожжет тебе халат и руки задымит.

Ты хочешь близости со мной, но есть разлуки час.
Разлука зла. Боюсь, тебя она не пощадит.

Тогда не сетуй на меня, тогда не говори,
Что ты ни в чем не виноват, что мною ты убит.

Возлюбленная заканчивает свой ответ

Ступай-ка ты лучше, несчастный, своею дорогой,
Терпи и смиренно надейся на милости бога.

В тоске безысходной своей не слоняйся по дому,
Предайся-ка ты поскорее занятию другому.

Напрасно надеяться будешь, напрасно храбриться;
Ведь льва никогда не осилить лукавой лисице.

Напрасно ты в сети мои устремился так смело,
Легко ведь запутаться в них и душою и телом.

Ведь если ты силы свои оценить не умеешь,
Ты можешь лишиться навеки всего, что имеешь.

Как можешь ты, нищий, живущий одним подаяньем,
Мечтать, чтобы шах посмотрел на тебя со вниманьем!

Зря рвешь ты свой ворот —
                        испортишь одежду и только,
Зря голову пеплом себе посыпаешь
                        и плачешь так горько.

Ничто не поможет тебе — ни укоры, ни слезы.
Меня не смутят никогда ни обман, ни угрозы.

Увижу я сердце твое, обогренное кровью,—
Все так же спокойна я буду, не дрогну и бровью.

Кто хочет любви научиться, пусть знает заранее —
Любовь нелегка и подобна болезненной ране.

А ты не измучен еще, не бессилён, не бледен.
Напрасно мечтаешь, бедняга, о легкой победе.

Ты слишком беспечен еще и излишне бесстрашен.
Ты пьешь слишком жадно еще из наполненной чаши.

Так будь же доволен и тем, что по мне ты тоскуешь,
Что страстью охвачен и терпишь ты муку такую,

**Что все ты отдашь, лишь бы видеть меня
временами,
Что ты, мстылек, угодил в это жаркое пламя.**

Привыкни к позору, к тому, что осмеян ты всеми. Влюбленным всегда подобает нести это бремя».

Влюбленный получает ответ возлюбленной

Когда я услышал такие печальные вести,
Хотел умереть я в отчаянье тут же на месте.

Казалось, что горе мое меня тут же задушит,
Я плыл в море собственных слез, и не видел я суши.

Но я не сгорел, не погиб в этом море бездонном,
Я верил, что будет она наконец благосклонна,

Что мне потерпеть остается совсем уж немного,
Что я не напрасно страдал, уповая на бога.

Письмо к возлюбленной

Любовной горячкой охвачен, о чем уже, кстати,
Немало наслышан, конечно, любезный читатель,

Пришел я к орлу своему в бесконечной печали,
Но полный решимости все же начать все сначала.

Пришел я к орлу своему, благодетелю, другу,
И стал умолять я его оказать мне услугу.

Прошу, помоги мне,— сказал я,— ну что тебе стоит!
Будь добр, спаси, для тебя это дело простое.

О, сжался же, сжался! Я гибну в любовном угаре.
Рабом твоим стану я, буду я век благодарен!

Спаси мое сердце, прошу, разлучи его с горем!
Не дай захлебнуться мне в этом бушующем море!

Доколе мне рвать на себе в иступленье одежду?
Ведь нет уже сил у меня — на тебя вся надежда.

Лишь ты ее сердце своими словами достанешь,
Лишь ты эту птицу в силок моей страсти заманишь.

Лети же, не медли, о мудрый орел, умоляю!
Вот эти слова для любимой с тобой посылаю:

«Голодным ли будет владыка, лишится ли пищи,
Коль крошки от ужина царского выпросит нищий?

Тогда ведь Меджнун и Лейли * обрели бы друг друга,
Живая вода Искандера * спасла б от недуга,

Открыла б свой лик Периру *
перед славным Гольшадом *,
Фархад * бы добился Ширин *, и они были б рядом,

Прозревший Якуб * увидал бы любимого сына,
А Вис * очутилась бы снова в объятьях Рамина *,

Азра * непременно тогда б оживила Вамика *,
И горе сменилось бы вмиг ликованием великим,

Тогда бы сидел Ауранг *, захмелевший давно,
Свою Гольчахре * обнимая, за чашей с вином.

Вот так и Обейду, бедняге, влюбленному страстно,
Который совсем изнемог от тоски по прекрасной,

Одна только встреча с тобою, одно лишь свиданье
Всю жизнь озарило бы сразу ярчайшим сияньем.

Судьба тебе дарит всегда только то, что ты хочешь,
Неведомы страсти тебе и бессонные ночи.

Ни разу не мучилась ты, не стонала в разлуке,
Ни разу в отчаянье не ломала ты руки.

Когда-нибудь ты, как и я, будешь жизни не рада.
Любовь нападет на тебя, и начнется осада.

Тогда ты познаешь мою незавидную участь,
Читать свою книгу любовь тебя быстро научит.

С надеждой и страхом послал тебе эти слова я.
Я бремя страданий несу, на тебя уповая».

Посланец отправляется к возлюбленной

И снова волшебник крылатый, умнейшая птица,
Которую я умолил за меня заступиться,

Жалея несчастного друга, пустилась в дорогу
К тому же знакомому дому, к тому же порогу.

И, глядя на этот же стан и на эти же кудри,
Моими словами сказала учтиво и мудро:

И прав был тот мудрый, слова,
  словно жемчуг, низавший *
На нити стиха и стихами прекрасно сказавший:

«Коль на товары покупатели нашлись,
Хоть посреди реки — от них освободись».

Возлюбленная отвечает посланцу

Но, выслушав это, сказала красавица птице:
«О мудрый орел, понапрасну ты будешь трудиться.

Ведь я же свеча, и вокруг мотыльки так и выются.
Они не боятся огня, но они обожгутся.

Что толку рассказывать мне о каком-то несчастном.
Напрасно послал он тебя и страдает напрасно.

Змею не хватает руками и самый беспечный,
И другом едва ли окажется первый же встречный.

В любви не приводит к добру иступленность такая,
Погубит навеки она тех, кто ей потакает.

Ответь я взаимностью иль состраданьем ответь я,
Потом даже людям в глаза не посмею глядеть я.

Терзаться любовью, наверно, давно уж устал он,
Но мне фантазера такого жалеть не пристало.

Он хитрость на помощь призывал,
  но и я не проста ведь
И дерзкого быстро на место сумею поставить.

Безумье в речах у него, и безумье во взоре —
Такой и себя и меня навсегда опозорит.

Пускай он не тратит слова, — не дождется уступок.
Железо холодным осталось, ковать его глупо.

44

Немало сердец возвратил я уж тем, кто терял их.
Вливал я уверенность в робких и силы в усталых.

От самой неистовой страсти известно мне средство.
И много влюбленных я спас от позора и бедствий.

Послушай меня, старика, — ты состаришься тоже,
Никто ведь две жизни на свете ни разу не прожил.

Зачем презираешь ты так униженных и слабых?
Такое презрение сама ты снести не смогла бы.

Сама ты в огонь это сердце толкала усердно,
Не дай же сгореть ему в пламени, будь милосердна.

Оно все равно окружит тебя облаком дыма,
Найдет оно ночью тебя и с постели подымет.

Весною все розы цветут, но шипы у них колки.
Они тебе руки поранят, дотронься лишь только.

Шипы и у сердца влюбленного тоже бывают.
О них надо помнить тому, кто его убивает.

Того, кто послал меня, ты бы могла осчастливить.
Два слова, два взгляда твоих его могут спасти ведь.

Зачем же с несчастным таким обращаться так строго
И, словно преступника, гнать его прочь от порога.

Во имя любви к тебе отдал он сердце и душу.
Дал клятву помочь я ему — и ее не нарушу.

Но если упорствовать будешь, тогда, негодую,
И сам от порога его навсегда уведу я.

Скажу, что напрасно стоял он у запертой двери,
Напрасно надеялся он, в доброту твою веря.

Откуда взялось у тебя это злое желание
Терзать его спесью своею? За что наказание?

За все свои муки теперь он получит награду.
Ведь то, что искал он так долго, теперь уже рядом.

Решила я — завтра же быть этой сладостной встрече,
Пускай посторонних не будет — приду я под вечер.

Пусть ждет терпеливо меня он, но даже случайно
Не должен никто разузнать о свидании тайном.

Лишь тот сохранит в чистоте свое доброе имя,
Кто все сокровенные тайны не делит с другими».

И все ее чудные, невероятные речи,
Все то, что сказала она о немедленной встрече,

Принес мне посланец, меня осчастливить спеша,
И выслушал сказку я эту, не веря ушам.

Описание весны

Земля еще сонной была, но с нее на рассвете
Унес покрывало ночное проснувшийся ветер.

Лилась уже киноварь в синь, с густотой ее споря,
Жемчужины звезд небосвод уже высыпал в море.

И подняло солнце свой меч из-за огненной грани,
И вывело войско лучей оно на поле брани.

И храброе войско изгнало с небес все созвездья —
До вечера звездам теперь дожидаться возмездья.

Воспрянули за ночь все травы, что были примяты,
И ветер повсюду разнес уже их ароматы.

Увидев жасмина кусты, не пронесся он мимо —
Ему захотелось играть с лепестками жасмина.

На розах росу он увидел — ее было много,
И он эти капли прозрачные тоже потрогал.

Фиалки он принял, конечно, за кудри красавицы,
И вот этих локонов темных он тихо касается.

От их аромата густого совсем опьянел он,
Вставал он и снова валялся в траву то и дело.

Но все были рады ему, всем он очень был нужен,
Со всеми цветами и птицами ветер был дружен.

В цветущее дерево ветер забрался без спроса,
Потом гиацинту расчесывал длинные косы.

Гордец-кипарис не хмелел и стоял очень прямо,
Нарциссы же пьяно качались от запахов пряных.

Лужайки цветами нестрели, и, как попугай,
Они красотой необычной газелей пугали.

Спускались тюльпаны с предгорий
к долинам зеленым,
Как будто лампадки зажгли христиане по склонам.

А ветер увлекся опять лепестками фиалок,
В саду, где весна поселилась, их было немало.

Потом паланкин он устроил для розы-невесты,—
В тени базиликов нашел он красавице место.

И все восторгаются ею, ее светлым ликом,
И все улыбаются ей и ее базиликам.

А ветер все дальше летит, он стоять не намерен,
Он делает разум светлее, способствует вере.

Всем щедро весну раздает он, он вовсе не жадный.
Несет облаков серебро он с их влагой прохладной.

И вот уже хлынула влага. Обильные слезы
Уже потекли по лицу растерявшейся розы.

Все сосны умыты уже, их стволы заблестели,
И будто бы новые платья лужайки надели.

Они не бегут от дождя, они мокнули отважно,
Охапки цветов они держат, пахучих и влажных.

Дождь кончился. Ветер опять пробегает по саду,
Ему осмотреть его надо и высушить надо.

А я наблюдаю за ветром, под деревом сидя,
Стараясь о муках не думать, забыть об обиде.

Из кубка вино я тяну, поемногу пьянея,
Но все мои мысли о ней, все мечты мои с нею.

Она лишь одна предо мною, мой рок и святыня.
Душа моя выжжена страстью, душа как пустыня.

И некому высказать мне своих горестей тайны,
Ведь их не оценит, конечно,
прохожий случайный.

Красны мои щеки от слез, мое сердце кроваво,
Багровый тюльпан мое сердце, пугающий травы.

Я думал о ней без конца, изнемог я от мыслей,
Тяжелую тучей они надо мною повисли.

И много бокалов я выпил, горюя, и вскоре
Совсем захмелел я уже от вина и от горя.

Но все ж не терял я и пьяный надежды остатки,
Но все ж помышлял я еще о свидании сладком.

Неужто же сердце ее совершенно пустое
И страсть моя встречи единственной даже не стоит?

Уж первые звезды зажглись надо мной в небосводе.
В руках у печали по-прежнему сердца поводья.

И в этом ночном одиночестве, страстью томимый,
Твердил я стихи без конца о себе и любимой:

Когда бы бог ей показал мои мученья —
что было бы тогда?

Когда б добился у нее я снисхожденья —
что было бы тогда?

Когда б, узнав, что я взаимности так жажду,
Она почувствовала б вдруг ко мне влечение
что было бы тогда?

Мой рот тоскует по устам ее, но если б
Я получил на поцелуй разрешение —
что было бы тогда?

Когда бы ведала она, когда бы знала,
Что много дней за ней в мечтах хожу как тень я —
что было бы тогда?

Когда бы взгляд один царицы этой гордой
Принес бы нищему бедняге облегчение —
что было бы тогда?

О, если б разум сохранил я, если б в муках
Не истощилось наконец мое терпенье —
что было бы тогда?

О, если б, если б долгожданное свиданье
Обейду принесло освобожденье —
что было бы тогда?

*Гонец возвращается и приносит радостную весть
о благосклонности возлюбленной*

Всю ночь, как и прежде, я мучился глаз не смыкая.
Всю ночь клочотала во мне моя страсть, не смолкая.

Когда ж горизонт охватило горячее пламя
И подняло солнце над миром победное знамя,

Из пригоршни золотом жарким осыпав все сразу,
Добавив рубинов к нему и немного алмазов,

Когда, против ночи владычества выступив смело,
Лучей его войско опять темноту одолело,—

Тогда улыбнулось мне счастье, и, знаю я, в этом
Помог талисман без сомненья, и он был рассветом.

Послал он мне вестника с новостью непостижимой,
Что я победил наконец-то упорство любимой.

«Ликуй же, счастливчик,— сказал он,—
все будет иначе,
Теперь будет дуть в твою сторону ветер удачи.

Несчастное сердце твое много пролило крови,
Но муки не зря ты терпел — ты владеец сокровищ.

В любви никогда невозможно узнать все заранее,
Но ты не напрасно страдал, ты обрел сострадание.

В силок положил ты, как видно, хорошие зерна.
Пери угодила в силок и теперь уж покорна».

И я был спасен этой радостью, утренней, ранней,
И зажили тут же, мгновенно, опасные раны.

Посланец по просьбе моей повторил все два раза,
И я унивался, блаженствуя, каждою фразой.

И в них умиляло до слез меня каждое слово,
Готов был я слушать рассказ этот снова и снова.

Швырнул я свой кубок, вскочил,
распрянул свою спину,
На радостях шапку свою на айван * я закинул.

Надменное счастье мое наконец-то смирилось,
От злого недуга душа навсегда излечилась.

Раскрылись все розы в саду моей жизни унылой,
Теперь уж и дня не пройдет, как увижусь я с милой.

Смогу ли забыть я когда-нибудь миг тот отрадный,
Когда я увидел впервые лицо ненаглядной!

Я был ослеплен красотой его, был потрясен,
Казалось, не явь это вовсе, а сладостный сон.

Она же, отбросив чадру, как ни в чем не бывало,
Свои непослушные кудри рукой поправляла.

Притихли все птицы в саду и замолкла вода,
И вышла луна из-за туч, чтоб ее увидеть.

В невольном восторге пред нею затихли цветы,
И сосны в смятение пришли от такой красоты.

Расправила кудри она — к завитку завиток,
Казалось, на розу упал гиацинтов поток.

В глаза ее страшно глядеть было — я и не стал.
Чуть-чуть приоткрытые вздохом, алели уста.

Их цвет удивителен был, он был ярок и густ,
Ведь сам сердолик позаимствовал цвет этих уст.

Румянец ей щеки окрасил, и чудилось мне:
Две нежные розы приникли к прекрасной луне.

Ее красота осветила и сад мой и дом,
И стало красивым в тот миг все что было кругом.

И я приложил свою руку ко лбу и глазам,
И тихо склонился пред ней, ничего не сказав.

Казалось, весь мир превратился в огромный цветник,
И каждый цветок, как и я, перед нею поник.

Что можно сказать, если та, кого ждал целый год,
Пришла и стоит пред тобою и слов твоих ждет!

Она уже села, а я все стоял и молчал,
За год от любовной тоски я совсем одичал.

Стоял потрясенный пред ней и глядел на нее,
Стоял, как больной, отыскивший лекарство свое,

Стоял неподвижен и нем и глядел без конца —
Нигде не видал никогда я такого лица!

Стоял я, и взгляд мой прикован был
к розам ланит:
Казалось, лишь миг — и сожгут мне всю душу они;

Стоял я в смятении, чувствуя радость и страх;
Стоял я в беспамятстве, чувствуя слабость в ногах.

* * *

Когда показалась луна и почная прохлада
Пробралась в густую листву задремавшего сада,

На радостях пир мы устроить немедля решили,
На пир музыкантов искуснейших мы пригласили.

И вот уже кравчий пришел и призвал нас к веселью,
И вот мы с любимой моей пировать уже сели.

И я любовался любимой, и пил с ней вино я —
О, сколь было сладостно это веселье ночное!

И сам небосвод увлечен был весельем великим,
Внимая звучанию флейты и радостным кликам.

Казалось, весь мир наполнял фимиами от алор,
Окутав любимой лицо ароматною мглою.

Дождь и мой виночерпий заветного часа,
И долго по кругу ходила заветная чаша.

Следили все звезды за нами, на пиршество зарясь,
И даже Зухру * в эту ночь, видно, мучила зависть.

Совсем уже пьяным я был от вина и от счастья,
Забыл о стыдливости я, распаляемый страстью.

Свиданье с любимой — как в полдень
прохладная тень,
И годом мне ночь одна кажется, месяцем день.

Прекрасен был день этот и удивительна ночь.
Сама темнота от любви разлетается прочь.

Пришла ко мне юность опять, я безумно ей рад,
Других за страданья мои мне не надо паград.

Ничто ведь не нужно теперь ни душе, ни уму,
Такое блаженство познать не дано никому.

Я вместе с любимой моей, не разлучат уж нас.
И каждый наш миг восхитителен, каждый наш час.

Нелегкое счастье мое, и все чудится мне,
Что долго я мчался за ним на горячем коне,

Догнал и познал наконец всю его благодать,
Никто не заставит меня эту радость отдать.

* * *

Всю ночь говорили мы с нею и пили вино,
Всю ночь просидел я в восторге у царственных ног.

Когда ж на востоке зардела зари полоса,
Любимая встала и вышла в проснувшийся сад.

В саду каждый сук, каждый листик рабом ее стал,
Боялся глядеть кипарис — слишком строен был стан.

Она, словно дивная роза, в саду расцвела,
Она, словно ветвь базилика, по саду плыла.

Цветы увядали перед нею и никли в траву,
И даже сосна перед нею склонила голову.

Рубином был рот ее дивный, и был он так мал!
И был он так нежен к тому же, так влажен и ал!

А утренний ветер, пред ней умилением объят,
Нашептывал в уши ей тихо любимый аят *.

Касался он шеи ее, целовал ей ладонь,
Тюльпаны же дикую руту бросали в огонь.

А роза, увидев ее, будто стала немой,
Потом рассмеялась она от души над собой.

Она не видала ни разу красавиц таких.
К ногам ее бросила роза свои лепестки.

Пред нею одежду свою изорвал анемон.
Такой красоты неземной не встречал ведь и он.

А сосны, как слуги, стояли, не смея шагнуть,
И хвоей они устилали красавице путь.

По саду прошла она так и, веселья полна,
Велела налить ей еще молодого вина.

Увидев ручей, что бежал, торопясь и журча,
Она пожелала тотчас отдохнуть у ручья.

Она отразилась в ручье. Я стоял и глядел,
Как нежные щеки ее розовели в воде.

Она так прекрасна была в это утро в саду!
Достойных сравнений ищу и никак не найду.

Да, видно, и нету их вовсе в моей голове.
Но лишь для нее заливался в листве соловей,

И чтобы взглянуть на нее, распускались цветы,
И чтобы дорогу ей дать, расступались кусты.

И лишь для нее над ручьем легкий мостик повис,
И ею одной любовался в то утро нарцисс.

Совсем ведь недавно я слышал
лишь плач свой и стон,
Доносятся птиц голоса теперь с разных сторон.

О свойствах свидания

Великое чудо случилось, и та чаровница,
С которой никто из красавиц не мог бы сравниться,

В саду моем вдруг очутилась в час утренний, ранний,
И я рядом с нею ходил, как счастливый избранник.

И было так дивно вокруг, так светло, безмятежно.
Она говорила мне что-то. Она была нежной.

Готов был на все для нее я, пусть только захочет.
С восторгом глядели в лицо ей души моей очи.

И сердцу сказал я: «Безумное, в час этот сладкий
Сотри поскорее в себе ты страданий остатки!

Возлюбленной лучше, чем эта, тебе не найти ведь,
Нигде не отыщешь создания милей и красивей.

Она снизошла до меня, принесла мне спасенье,
Судьба благосклонна ко мне. Позабудь все сомненья!

Нашел я усладу себе для души и для тела.
Блаженство — удел мой теперь,
нет прекрасней удела.

И будет спокойным теперь моей жизни теченье.
Теперь я избавлен навеки от всех огорчений.

Я верю, что счастье мое мне ниспослано свыше,
Я верю, что слабый мой голос был небом услышан.

Так что же не хочешь ты, сердце,
теперь веселиться?
Зачем в глубине моей радости горе таится?

Неужто от скорби ты стало пустым и бесплодным?
Неужто в ладонях моих только пепел холодный?»

О сущности мира

Обейд, берегись, твое сердце на ложном пути.
Лишь в подлинной жизни
ты можешь спасенье найти.

Доколе ты мучиться будешь по собственной воле?
Доколе пред идолом будешь склоняться? Доколе?

Быть риндом * — призывъе твое и отрада твоя.
Испей же из чаши таинственной небытия.

Смелее бери ты ее, пусть не дрогнет рука,
Избавься от бредней своих в глубине погребка.

И будешь ты праведным вечно и пьяным всегда,
И пусть не пугает тебя никакая беда.

Немало печалей еще у тебя впереди,
Коль выпало счастье тебе, ты несчастья жди.

От боли сердечной своей, как верблюд, не ори.
Оденься ты в рубище лучше и посох бери.

И если избавиться хочешь от всяких тревог,
Забудь навсегда ты о том, что иметь бы ты мог.

Султанского трона никто не добыл без борьбы.
Пускай же о славе пекутся тщеславья рабы.

Ступай и закрой навсегда вожделенью глаза.
Ты стал ведь аскетом теперь, не гляди же назад.

Коль есть в тебе алчность еще, ты ее задуши,
Любое желанье свое ты разбей, как кувшин.

Не будь своей скупости, праведник, жалким слугой.
Умрешь, и богатством твоим завладеет другой.

Нашел ли ты путь для себя, иль бредешь наугад —
Лишь светом души своей чистой ты будешь богат.

В своей слепоте ты, быть может, порой и грешил,
Но все же надейся всегда на спасенье души.

Порой в одиночку идем мы, порою в толпе,
Но всюду имущество наше; что гуль * на тропе.

И коль оседлал ты богатство — скачи, не скачи,
Злой дух все равно не отстанет ни днем,
ни в ночи.

Как гордый павлин, украшаешь ты жизни цветник,
По воле всевышнего в мире таким ты возник.

Зачем в обители гулей ты бродишь один, —
Лишь совы глядят на тебя из угрюмых руин.

Ведь жизнь как суденышко утлое: каждому дан
Податливый парус — душа, а кругом океан.

И надо нам зоркими быть и глядеть все вперед,
Иначе затянет суденышко в водоворот.

И чтобы не сгннуть в пучине, не сесть на мели,
Старайся добраться скорее до твердой земли.

Коль буря настигнет тебя по велению судьбы,
Напрасными будут тогда о спасенье мольбы.

Коль плохи матросы твои и труслив капитан,
Несчастье повсюду плывет за тобой по пятам.

Мирские дела бесполезны, прав тот, кто сказал,
Что суетный мир неуютен, как шумный базар.

Пройти в стороне от него — самый лучший удел.
Пускай твои плечи сгибает лишь груз добрых дел.

Неси этот груз терпеливо и знай, что ты прав.
Ждет сладостный отдых тебя среди зелени трав.

В тени у воды отдохнешь ты в том дальнем краю,
Где все обретут наконец-то отраду свою.

Бездомные нищие там свое счастье найдут,
Вернется здоровье к тому, кто был бледен и худ.

На слабых никто в том краю не посмest напасть,
Жестоким глупцам в том краю не достанется власть.

По этому полю ферзем не пройти тебе вкось,
Расстанься же с ложью скорей, лицемерие брось.

Злословие мстит за себя, оно свяжет узлом
Того, кто за все и повсюду платил только злом.

От горя ли стонешь ты здесь,
или от счастья молчишь,
В земной этой жизни всегда ты оковы влачишь.

Пройди одиноким и гордым свой жизненный путь,
Как жадная муха к столу не пытайся прильнуть.

Людей сторонись, правоты в их стремлениях нет.
Лежи, как мертвец, на боку, отвернувшись к стене.

Ведь если ты в угол забросил свой лук, то едва ль
У этого лука хоть раз зазвенит тетива.

Ничтожны все блага мирские, о них не радей,
Отторгни от мира себя и уйди от людей.

Пускай не смутит твою душу красавицы взор,
Пусть вместе со славой тебя не настигнет позор.

Не стоит жениться, чтоб знать об измене жены.
Молитвы трусливых всевышнему вряд ли нужны.

Положат богатства твои на холодный твой прах.
Презревший заботы мирские всегда будет прав.

Блажен тот, кто славы лишен, кто без имени жил,
Кто радости мира презрел, кто от жизни бежит.

Не стоит страданий твоих этот призрачный мир,
Не стоит печали твоей самый сладостный пир.

Но помни — пустыня вокруг. Это только мираж.
И путников с верной дороги сбивал он не раз.

Так будь непреклонен всегда, как пристало мужам,
Не верь вероломному небу, его миражам.

И знай, его козням коварным не будет числа.
Одна только твердость тебя от соблазнов спасла б.

Один человек потихоньку к мобеду * пришел
И старца о небе спросил, о причине всех зол.

«О небе, — ответил мудрец, — что синее вдали,
Что вечно вращается медленно подле земли,

Никто не сумел до сих пор ничего разузнать,
И гласа небес никому не пришлось услышать.

Известно лишь то, что оно нам несчастьем грозит,
Что кажется синим оно и вдали и вблизи.

За эту завесу уму заглянуть не дано,
В стене этой дверь не найдешь, не прорубишь окно.

Стоит оно вечно над нами, как синий чертог,
Небесного света на нас изливая поток.

Достичь его тверди упругой грешно и хотеть.
На крыльях души нам к нему лишь дано улететь.

Лишь снизу глядеть мы должны в небосвобод голубой.
Бессильны здесь знания любые и разум любой.

На всем, что под небом ютится, есть неба печать,
И, чтоб не гневить его зря, лучше нам помолчать».

Совету мобеда решил я последовать сам,
Решил я речами своими не злить небеса.

Надейся на бога, Обейд, и почаще молись,
И меньше глядеть постарайся в небесную высь.

Нет в мире законов единых, все зыбко кругом,
Кто был тебе другом надежным, вдруг станет врагом.

Кто знает начало всего? Кто отыщет конец?
Догоним ли истину мы или загоним коней?

Напрасно не мудрствуй, живи и советам внимай,
И мир, хоть он полон загадками, зря не хули.

Любовь и обман неразлучны, ты помни о том,
Не то над собою ты будешь смеяться потом.

Уйди же скорее, Обейд, от земной суеты.
Пора и к рассказу вернуться. Сбиваешься ты.

Конец любви и наступление ночи разлуки

И снова судьба мне дала свой жестокий урок.
Наивное счастье мое угодило в силочек.

Подарен был радости мне лишь короткий лоскут.
Опять я покоя лишен, обречен на тоску.

Я видел лишь милой глаза, не заметил других,
Которыми тайну мою подглядели враги.

Они осквернили ее, разнесли на весь свет.
Один я. Возлюбленной нежной со мной уже нет.

Задумали недруги нас навсегда разлучить,
Решили подругу мою от любви излечить.

И думали долго они, чем бы делу помочь,
Весь день они средство искали, искали всю ночь

И все ж догадались потом: «Чтоб от страсти спасти,
Немедля же надо красавицу прочь увезти!

Разлука целебной бывает для всяких сердец
Скорее подальше ее увезти, и конец!»

Когда беззащитная жертва узнала о том,
От горя вся сжалась она, как увядший бутон,

Поникла, как ива, она, стало белым, как мел,
Лицо, что я с розою даже сравнить бы не смел.

Потом застонала она, разрыдалась она,
Любой бы от жалости к ней, как она, застонал.

Увидев, как плачет она, зарыдал бы палач,
Далекий Кейван * в этот час услышал ее плач.

Все небо от жалости к ней вдруг окутала мгла,
Но тех, кто безжалостен,
                жалость смягчить не могла.

Напрасно твердила она им, что страсть не унять,
Что даже и дня не прожить ей вдали от меня.

Ее посадили в седло, и унес ее конь.
Слезамн она залила полыхавший огонь.

Лишь недруг видал в этот час ее горестный лик,
Лишь он услышал в тишине ее сдавленный крик.

Влюбленный узнает о происшедшем

Когда добралась до меня эта страшная весть,
Весь мир опустел для меня,
стал бессмысленным весь.

Внезапно в напиток сладчайший мне всыпали соль.
Все чувства исчезли во мне и осталась лишь боль.

От горя дышать было трудно, был в горле комок,
Хотел я забыться во сне, но уснуть я не мог.

Бродил я один, словно зверь, избегая людей,
И люди боялись меня, будто был я злодей.

Нетвердое счастье мое вдруг рассыпалось в прах,
Злой рок, в барабан колотя, показался в дверях.

Теперь нищета — мой удел, потерял я свой клад,
Надела печаль на меня свой дырявый халат.

От слез я ослепну совсем, поседеют виски
И высохнет тело мое от безмерной тоски.

Учитель, чей ум озарил нас, как солнечный свет,
Когда-то подáл мне, глупцу, драгоценный совет:

«Красавиц сторонись весеннею порой,
Завидя их вблизи, глаза свои закрой.

Сокровища души для них не расточай.
Беда, коль попадешь в их сети невзначай».

Но я не послушал, невежда, советов благих,
Но я позабыл эти строки, и вот я погиб.

Стою перед горем своим беззащитен и гол,
И небо творит надо мною свой злой произвол.

Доколь же нести, мусульмане, мне тягостный груз?
Неужто не кончит судьба эту злую игру?

Доколе же слезы еще будут жечь мне глаза?
Не вижу пути я теперь ни вперед ни назад.

Нет силы разлуку терпеть. Я измучен. Нет сил.
Остался один я теперь. Нет надежды. Нет сил.

Подобно Джейхуну *, обилён поток моих слез,
Недолгую радость мою далеко он унес.

Гляжу я на сердце свое — лишь тоска в глубине.
В душе только крови ручьи — ничего больше нет.

Корабль печали теперь мою душу везет,
Он к острову смерти плывет все вперед и вперед.

О горе, не мучай меня! Что ты хочешь, скажи?
Зачем ворвалось ты, о горе,
стремглав в мою жизнь?

**Когда же покой наконец снизойдет в мою грудь?
Открой же, о господи, мне к избавлению путь!**

Едва только память меня возвращает назад,
Уж катятся слезы из глаз, словно звезды Плеяд.

Едва лишь любимой лицо я представлю себе,
Как ветер от вздохов моих достигает небес.

Несчастное сердце мое умирает от ран,
Весь день мои слезы текут и всю ночь до утра.

За что же судьба мне дала
  столь жестокий урок?
От горя зубами скрипя, проклиная я рок.

Стеная от мук без конца, проклиная я день,
Когда я на свет появился, весь мир и людей.

Несчастней калек безобразных, слепых и глухих,
Твержу и твержу без конца я вот эти стихи:

Газель Хаммама *

Как сон была та встреча с ней,
как сон неповторимый.
Нас было четверо — весна, луна и мы с любимой.

В саду вдруг вырос кипарис, других куда стройнее,
 Был потрясен в тот миг ручей красой неотразимой.

Светилось дивное лицо, лужайку озаряя,
Навеки в памяти оно, как след неизгладимый.

А кудри были, как судьба, капризны, прихотливы,
Весенний ветер тронул их, когда летел он мимо.

Как ветер, улетело все, исчезло все навеки,
Исчезло счастье, что в саду тогда вдвоем нашли мы.

Создатель, чудо ниспосли тому, кто верит в чудо,
Чья вера в доброту твою всегда непоколебима.

Весна с луной опять в саду,
но нет в саду прекрасной.
Хаммам среди цветов один, угрюмый, нелюдимый.

Как жаль той блаженной поры, как мучительно жаль!
Как пусто и мрачно повсюду, какая печаль!

О, где ты сейчас, мое счастье, в какие края
Тебя увезли от меня, о отрада моя!

Влюбленный видит любимую во сне

Печальные мысли всю ночь мне заснуть не давали,
И только к утру был похищен я сном у печали.

Душа улетела куда-то в далекие страны,
И будто бы зажили сразу сердечные раны.

И там, далеко-далеко, я любимую встретил.
Ее исхудалые руки висели как плети.

Была она бледной, увял ее рот ярко-алый,
Казалась больною она или очень усталой.

«Как долго,— сказала она,— я тебя не видала!»
Я обнял за плечи ее, и она зарыдала.

Став жертвой врагов беспощадных,
коварных и низких,
Одна на чужбине далекой, лишенная близких,

Тоскуя по мне, моя радость томилась в неволе,
И нежное сердце ее изнывало от боли.

От рока я много терпел, но ему было мало —
Меня разбудил он внезапно, и милой не стало.

Опять она слезы лила в стороне своей дальней,
Опять я один горевал в опостылевшей спальне.

Душевные муки мои стали вдвое сильнее,
Несчастному сердцу теперь стало вдвое больнее.

Не все о страданиях своих я успел ей поведать,
Не все рассказать удалось мне о собственных бедах.

В пустыне печали своей не нашел я колодца,
И то сновиденье ко мне никогда не вернется.

Кто смог бы любимой моей отнести мое сердце?
Кто мог бы открыть для меня хоть ничтожную дверцу?

Один только ветер тогда понимал мои муки,
И только ему свое сердце я отдал бы в руки.

Лишь ветер вручил бы его моей дальней подруге,
И я, обратившись к нему, попросил об услуге.

Возлюбленный посылает весточку подруге

О ветер, ты мускусом пахнешь, ты скор и упруг!
Всех бедных влюбленных ты, ветер,
надежнейший друг!

Любовь беспощадна порою, порою хитра,
Один только ты избавляешь влюбленных от ран.

Любого от скорби всегда ты готов оградить,
Любой дуновение твоё ощущает в груди.

Несешь ты надежду тому, кто ее потерял.
Не раз я судьбу свою, ветер, тебе доверял.

О ты, письмоносец мой верный, отрада души!
С тобою беседую я в полуночной тиши.

Ты знаешь все тайны мои, и хранишь среди туч
Ты ключ от печали моей и от радости ключ.

Жестокую шутку со мною сыграла любовь,
И вот я о помощи, ветер, прошу тебя вновь.

Лети поскорее, мой ветер, лети в те места,
Где в тяжелой неволе томится ее красота,

Куда увезли от меня ее царственный стан,
И брови, и кудри ее, и рубины-уста.

Скорее лети, о мой ветер, в далекий тот край,
Который в мечтах моих стал лучезарней, чем рай.

О нем помышляю я всюду, и только о нем,
К нему мое сердце стремится и ночью и днем.

Когда прилетишь ты туда, перейди тот порог,
Который хранит, как святыню, следы ее ног,

Коснись покрывала ее и с лица отведи,
Склонись до земли перед ней, но в глаза не гляди,

Не то ослепит ее взор, словно солнечный свет,
И ты не сумеешь потом передать мой привет,

Привет удивительный мой, продлевающий день,
Привет ослепительный мой, изгоняющий тень,

Привет всем движениям ее, аромату волос,
Привет восхитительной той, что прекраснее роз,

Привет мой, как отзвук далекий тех сладостных встреч,
Привет мой — и шепот чуть слышный, и страстная речь,

Привет мой — и сердца биенье, и голос души.
Неси его, ветер весенний, не мешкай, спеши!

Снеси ради дружбы его, передай его той,
Что стала опять для меня недоступной мечтой.

Скажи, что зачах я совсем от печали и слез,
Скажи, что слова для нее от меня ты принес:

«Теряю я разум последний в разлуке с тобой.
Над горькой любовью моею смеется любой.

Ты стала душою моею, всей жизнью моею,
Неверие, вера моя — все во власти твоей.

Была наша близость с тобою как сладостный сон,
Твоею взаимностью был я от смерти спасен,

Дала ты мне радость тогда и лишила невзгод,
Но счастье продлилось мое всего-навсего год.

Не видел опасностей я и не слышал угроз,
Доверчивым сердцем к тебе я навеки прирос.

Едва я лишился тебя, как почудилось мне,
Что солнце за тучи зашло и весь мир потемнел.

От горя я каменным стал, и не мог я вздохнуть,
Как будто бы пламя внезапно прожгло мою грудь,

Давно уж вдали от тебя я влачу свои дни.
Остались мне вздохи одни, только вздохи одни.

Тебя лишь одну поджидая, тебя лишь одну,
У края дороги сижу, как печальный Меджнун *.

А бедное сердце мое полыхает во мне,
Горит не сгорая оно в этом жарком огне.

Быть может, забыла уже ты о нашей любви?
Быть может, послание это тебя удивит?

Быть может, с другим предаешься любовной игре?
А я ради встречи с тобою готов умереть.

Быть может, полна твоя жизнь всевозможных утех,
Быть может, смеешься ты там, но не слышу я смех?

Безмерной печалью объят, я гляжу тебе вслед,
Все жду я вестей от тебя, но все нет их и нет.

О, где же ты, юность моя, моя радость, мой рок?
Куда мне скакать за тобой, по какой из дорог?

В тебе лишь спасенье мое, ты мой лучший бальзам,
Услада души моей хворой, отрада глазам.

О, как ты любила меня, как была ты нежна!
О, если бы знала ты только, как ты мне нужна!

Ведь целая вечность прошла без тебя, кипарис!
Ты видишь, нет сил у меня, я над бездной повис.

Ужели забыла ты все и не вспомнишь хоть раз
О том, кто горюет все дни, кто не спит до утра?

Ужели ни разу теперь не вздохнешь ты о нем,
О том, кто любовью к тебе так коварно пленен?

Ужель от безумства его ты теперь не спасешь?
Ужели ты весть о себе никогда не пошлешь?

Ужели затем ты себя заставляешь любить,
Чтоб с легкой душою потом о любви позабыть?

Нельзя столь жестокою быть на дорогах любви,
Открой мне всю правду, молю, и душой не криви.

Как прежде, люблю я тебя, умираю любя,
К тебе я мечтою стремлюсь и живу для тебя.

Пока не умру, ты мне верь, я твой преданный друг,
Но жить мне недолго осталось — не вынесу мук.

О радость, о горе мое, о мой редкий цветок!
О дивная птица моя, о мой горный поток!

Всей радостью встреч наших прежних,
всей злобой стихий,
Юсуфа * прекрасным лицом и тоской Зелихи *,

Той песней, что утром весенним нам пел соловей,
Всей горечью слез бесконечных, всей болью моей —

Всем, всем заклипаю тебя: будь верна той весне!
Щади мое сердце чуть-чуть, приходи хоть во сне!

Хоть раз ты явись, солнцеликая, мне наяву,
Ты знаешь, как жду я тебя и как страстно зову.

Хоть раз бы увидеть тебя, на один только миг
Пускай промелькнет предо мною прекрасный твой лик!

Хоть раз погляди на меня, мое горе измерь,
Хоть раз отвори для меня эту тяжкую дверь!

О, дай хоть однажды ступить на заветный порог,
Коснуться руки твоей нежной позволь хоть разок!

Избавь от мучений меня на один только час,
Никто наше счастье, поверь, не отнимет у нас».

Все эти слова, о мой ветер, ты ей передай,
Потом на колени пади, умоляй и рыдай,—

Но должен ответ тебе дать этот сладостный лал,
Который так нежно когда-то меня целовал.

Потом возвращайся скорее с ответом сюда,
Пусть в русло души моей высохшей хлынет вода.

И снова, как прежде, поверь, буду жизни я рад.
Скорей донеси до меня ты ее аромат.

Спаси меня, ветер могучий, развей эту ночь,
Терзают сомненья меня — унеси же их прочь!

А я, поджидая тебя, буду к богу взывать
И буду стонать я все так же и горько вздыхать.

Все так же о ней буду думать, и только о ней,
И будет тоска меня грызть все сильнее и сильнее.

Ночная молитва

Едва ли бы дрогнул, создатель, твой облачный трон,
Едва ли понес бы ты, боже, хоть малый урон,

Когда бы я счастье свое наконец-то настиг,
Когда б мне покой наконец удалось обрести.

Взгляни на меня ты, всевышний, ведь мне нелегко.
Хотя я лишился ее и она далеко,

Хотя и не ведаю я, где ее мне найти,
Покорно разлуку сношу я, печален и тих.

Похитил блаженство мое мой коварнейший рок,
От бедной надежды моей он оставил лишь клочок.

Давно ли в глаза я ее с восхищеньем глядел,
Теперь в одиночестве я, лишь оно — мой удел.

Горит мое сердце теперь на ужасном костре,
От боли кричит мое сердце, и боль все острее.

Задумали звезды теперь наше счастье разбить,
Хотят они вынудить нас друг о друге забыть.

Разлука измучила нас, но любовь все жива,
Повсюду о верности нашей несется молва.

Иль будем мы счастьем своим упиваться вдвоем,
Иль, злую разлуку кляня, мы от горя умрем.

Не в силах противиться мы беспощадной судьбе.
Спасти нас от смерти, создатель, дано лишь тебе.

Никто не измерит, всевышний, твоей доброты,
Потерянный рай отыскать нам поможешь лишь ты.

К влюбленным сердцам, о творец,
ты не будешь жесток,
Блаженство влюбленных сердец —
твой небесный престол.

О, ради всех страждущих ныне в крошечной ночи,
Всех тех, кто взывает к тебе иль, вздыхая, молчит,

О, ради терпения тех, кто на трудном пути,
Кто бремя печалей своих должен вечно нести,

Кто истинно предан всегда, кто достоин уже
Стоять среди вернейших ее, неподкупных мужей,

Прости прегрешенья мои и меня не томи,
Вели, чтоб вернулся ко мне мой прекрасный кумир.

Избавь от тоски, о творец, мои ночи и дни,
От вздохов и стонов моих утомились они.

Угрозы судьбы от меня навсегда отврати,
Пусть радость обитель мою наконец осветит.

Из тьмы одиночества, боже, меня уведи,
Немало скитался уже по земле я один.

Вдохни ты мне силы, создатель, в усталую грудь,
К свиданию с милой моей укажи ты мне путь.

С печальми сердце мое навсегда разлучи,
Исполни желанья его и от ран излечи.

О, ради угодных тебе, ради праведных душ
Спаси всех несчастных, господь, их печали разрушь!

Всех тех, кто не рад, как и я, даже белому дню,
Всех тех, кто попался внезапно к любви в западню,

Всех тех, кто годами томится в любовном плену,
Всех тех, кого страсть заманила в чужую страну,

Всех тех, кто от страсти великой лишился ума,
Кого, как вино, опьяняет любовный дурман.

Пошли исцеление им, всемогущий господь!
Спаси ты их души, создатель, и грешную плоть!

О, ради всех душ непорочных, о, ради святых
Избавь всех влюбленных, всевышний, от их слепоты!

Заключение

Уж месяц раджаб * начинался, и день был второй,
И я находился в тот день под счастливой звездой,

Когда мне историю эту о муках души
И раненом сердце своем удалось завершить.

Семь сотен красавиц скрывались
в своих паланкинах *,
И всем до одной я велел паланкины покинуть,

И все ради той несравненной, все ради жестокой,
Все ради единственной той, ради той темноокой.

Быть может, прочтет она их в той чужой стороне,
Быть может, и вспомнит она наконец обо мне.

Быть может, добрее ко мне будет эта луна
И солнечным днем предо мной засияет она.

Надеюсь, мой стих неказистый простят знатоки,
Простят, что излишне порою в нем много тоски.

Да вряд ли и будут они эту повесть читать.
В ней нет ароматов особых, ей нечем блистать.

Не видно в ней замысла стройного, все в ней пестро,
Не встретишь в ней мысли отточенной, тонких острот.

Порою не смог я найти подходящего слова,
Но то, что хотел, я сказал, и поэма готова.

Всем тем, кто любовью сражен, да поможет Аллах!
Желаю удачи, читатель, в сердечных делах!

КНИГА О БОРОДЕ

лагодарность и хвала падишаху, который, словно рукою машатте * своего могущества, придал блеск красоте красавиц и красавцев рода человеческого, отражающейся в зеркале души служителей океана любви, тружеников моря страсти. И поток приветствий, стремящийся к пыли той обители, где находят успокоение чистые духом, то есть святейшей гробнице Пророка, — да пребудет в покое все семейство и потомки его.

Вчера вечером, когда зеркало озаряющего мир солнца
укрылось мраком ночи из-за стенаний влюбленных, когда
лик времени потемнел от горения сердец мучеников
любви, когда

Черные кудри ночи рассыпали по плечам,
Словно начертали языческие письмена,—

в келье моей явился мне призрак того красавца, страсть
к которому завладела моим рассудком и опалила душу. С

Возлюбленным, который стал основой жизни,
Душой моего сердца и молодостью души,

выпало мне свидание.

Такое свидание, которого
не было еще ни у одного смертного.

Счастливый встречей с образом любимого, я говорил:

Чтобы утолить свою жажду свидания,
Я рад провести время и с призраком.

И так я сидел, потрясенный, с сердцем, опутанным его
разметавшимися кудрями, с душой, прикованной к изгибу
его бровей, с разумом, опьяненным созерцанием его очей,
склонив охваченную страстью голову на руку. Я положил
всю свою жизнь к ногам этого стройного красавца, и дух
мой был в смятении, как его непокорные кудри, а настрое-
ние более мрачно, чем его черные родинки. Временами я
говорил, извиняясь:

Я стыжусь посещения твоего призрака потому,
Что мне нечем его встретить, кроме воды слез
и жаркого из сердца.

Порой же я в восторге повторял:

Ты ушел с сотнею стонов — я счастливей счастливого:
Сердце мое охватил жар, грудь моя в огне.

Тут от этих разговоров влюбленное сердце встрепелось и, так как у него не оставалось больше терпения, кинулось в ноги призраку, говоря:

«О свет очей влюбленных, владыка красавцев!

Ты мало слышал историй о влюбленных.
Послушай, послушай — это дивная история.

Вот уже много времени, как я попало в силки твоих кудрей и стало жертвой твоих кокетливых взглядов.

Я самое смятенное из всех —
из-за твоих непокорных кудрей,
Я самое разбитое — из-за твоих пьянящих взоров.

И все это время

И уголка твоих губ я не коснулось, зато,
Когда касаюсь твоих локонов, кланяюсь в пояс.

О желание души моей!

Разве не сердце за сердце?.. Будь справедлив!
Каково мне, когда я жажду встречи с тобой,
а ты равнодушен.

Никогда, никогда

Не скажешь ты: есть у меня бедняга,
Покинувший страну счастья.

Побойся бога:

Остановись, ведь влюбленные не вершат всего того,
что в их власти».

Или начинало оно говорить наставительно:

«Едва душа удалится от своего лица,
Как скроются от нее чудеса мира».

Когда эти речи и разговоры затянулись, я вскричал:
— О сердце!

Ты становишься наглым, приди в себя!

А бедное сердце на известном всем языке сказало: «Ах,
Обейд Закани!

У ног нет силы бежать прочь от возлюбленного,
А в душе нет сил надеяться.

Оставь меня с ним еще ненадолго.

Ведь здесь мой продавец вина — здесь и гибель моя.

И нет у меня ни сил сопротивляться —

Ведь я нищий из толпы, окружающей султана,—

ни сил бежать прочь —

Я пленник любви к возлюбленному.

* * *

Ни арбитру не пожалуешься на его неправоту,
Ни судьбе — на его тиранию».

От стонов бедного сердца зарыдали двери и стены.
И вдруг стены дома, опора жилища, треснули, и в щели
показался некто...

Тот, кого да не увидит никто во сне!..

* * *

Красный и белый, сизый, лиловый и алый.

* * *

Он высунул голову, и показалась борода...
Борода! О, что за борода, что за борода!..

«Салам алейкум» *,— сказал он, и меня бросило в дрожь от его жуткого вида. Я вскочил с места и прошептал:

Кто ты? Сатана, злой дух или оборотень?
Или ангел смерти, явившийся за моей душой?

Он громко захохотал в ответ:

— Ха-ха, да ты не узнал меня? Меня зовут Риш ад-Дин Абу-л-Махасин ¹. Я пришел успокоить твоё бедное сердце, страдающее от жестокости возлюбленного.

Я тихонько вздохнул:

Что до тех, кому ты — украшение,
Скажи, каково же для них тогда безобразие?..

Он произнес:

— Я тот, кого господь неоднократно поминает в Коране. В истории Адама говорится: «Борода и платье признаки доброго» *. А в истории Моисея сказано: «Не хватай меня за бороду и за голову» *. Пророк же почтил меня такими словами: «Милость это господня, что он украсил мужчин бородой, а женщин — косами». Происхождение свое я веду из рая. Арабские красноречивцы говорят, восхваляя меня: «Борода — это украшение». А некоторые называют меня крыльями архангела Гавриила и говорят:

Когда у возлюбленного пробивается борода,
красота его улетает.
Ибо борода — крылья, на которых летит красота.

Владыки милостей называют меня Хызром * и в качестве примера приводят такой стих:

Уста его — живая вода, и пьющий из них —
Хызр, который не подвергнется тяготам пути.

---

¹ Букв.: «Борода Веры, Отец Добрых Дел» — и одновременно: «Отец Бороды и Усов».

* * *

Юсуф * искал в ямочке подбородка место твоей красоте,
Хызр за твоим пушком пришел на берега источника
живой воды.

Некоторые люди сравнивают меня с гиацинтом, тем-
ным и кудрявым, и говорят:

Ты как гиацинт, высунувший голову
среди лепестков жасмина.
От тоски по тебе готов я лишиться жизни.

Еще более удивительно, что некоторые называют меня
«трепальщиком хлопка» и говорят обо мне якобы с моих
слов:

Я растреплю себя всего близ твоего квартала,
Чтобы ты знал, какой я трепальщик хлопка!

Другие сравнивают меня с зеленью и говорят:

Сад твоих щек — лучшее зрелище
для взирающего на него,
Словно роза — ведь и ее украшает зелень.

Я тот милосердный, чей благодетельный взгляд едва
лишь упадет на красавца — и тотчас скрижали ланит его
покроются письменами праха. Ведь говорят:

Я раб тех темных черточек, которые как будто
Оставлены на лепестках шиповника муравьем,
выпачкавшим лапки в мускусе.

Люди проникательные, взглядевшись в эти письмена его
фирмана *, говорят:

Предъяви его просителю, написано хорошо!

Я тот мститель, который одним гневным взглядом мо-
жет опозорить и обесславить в глазах людей того прекрас-
ного тирана, хоть он и суров в любви, хоть он мучитель

влюбленных, капризен, жесток. Каждые пять дней подведу я его под бритву, отдам его в руки бесчестных цирюльников, предам его беде, сорву рубашку его красоты, всевозрастающую прелесть его уничтожу всевозрастающей чернотой. Редкие обращения людей к нему будут отныне такими: «Плевал я тебе в бороду!» или «Заткни свою бороду себе в глотку!» Самым легким упреком ему будет такой бейт:

Если на неделю связать тебе руки за спиной,
Борода у тебя вырастет до пояса.

А ринды *, болтающиеся по улицам, говорят:

Мы знаем: у тебя отросла борода,
а ты ее выщипал —
Ведь коли не так, куда бы ей деваться?

Мужеложцы же во время трудов своих приговаривают:

У кого нет бороды — у того есть другое,
У кого есть борода — у того нет ничего.

На все, что он говорит людям, ему отвечают:

Посмотри-ка на эту бороду у господина!

И, показав ему все пути к городу белильщиков ткани, говорят:

Тебе дадут сто тысяч даров,
Если принесешь бороду в город белильщиков ткани!

Опохмелившиеся каландары * проходят мимо него и восклицают горестно: «Увы!

За твои притязания на красоту в прошлом
Справедливость воздала тебе бородой...»

А чистая душа шейха Саади * вещает:

Прошлый год ты скакал горным козлом,
А в этом году приходишь, как борзая.
Саади любит нежную поросль на щеках —
Ведь не всякая травка колется, как шило!

Поскольку речи Бороды затянулись, я сказал:
— Такое предисловие следует сократить. Скажи-ка
мне лучше, что собственно означает Риш ад-Дин Абу-л-
Махасин?

Ведь «борода» не кунья * твоя и не лакаб *.
Бородой назвали бороду, и ничего больше.

Еще ты сказал: «Ланиты луноликих я покрываю пыльными письменами», это тоже неверно. Просто всякий лик, где ты появляешься, из-за тебя собирается в морщинки. А еще ты сказал: «Господь говорит о моих достоинствах в Коране». Величие твое, видно, с изъясном, ибо ведь всякого, у кого длинная борода, называют ослиным хвостом. Еще говорил ты, род и происхождение свое ведешь из рая. Это тоже неверно. Теперь же в опровержение твоих доводов приведу несколько рассказов.

Рассказ 1

Одного из пророков рода Израилева спросили, почему у крестьян бороды большие, у монголов — поменьше, а у китайцев — и того меньше.

Он ответил:

— Поскольку аят *: «И над тобой мое проклятие до дня Суда» * — касался Иблиса *, вышло решение изгнать его из рая. Иблис попросил у владыки вечности разрешения еще разок обойти весь рай, а потом уже удалиться. Ему разрешили. Иблис, прогуливаясь, обходил все уголки рая, и тут на глаза ему попался Адам. Дьявол подумал: «Ведь это Адам — причина того, что я проклят! Надо бы сделать ему и его потомкам такую пакость, что хуже некуда... Лучше всего навязу-ка я им на шею проклятое

ярмо бороды!» И он увел Адама из рая. Когда потомки Адама повсюду распространились, Иблис явился в обли- чии шейха и сказал: «Я иду из рая». И вот он показал им то ярмо — то есть бороду — и сказал, что это, дескать, райский дар я вам принес. Крестьяне, охваченные жад- ностью и алчностью, кинулись в драку из-за сего достой- ного дара и растащили из него, сколько захотели. Монго- лам, которые пришли с просьбами позже, досталось не больше двух волосков. Когда же слух об этом дошел до китайцев, те тоже отправились на поклон к шейху и, уви- дев, что «дары» уже разграблены, подняли крик: «О шейх, пожалуй и нас шанкой из того же войлока!» Они так усердствовали, что жалкий дьявол не нашел ничего луч- шего, как вырвать несколько волосков со своего зада и прилепить им на подбородки.

* * *

Правдивость этой истории с течением времени стано- вится все очевиднее, и люди остроумные говорят по этому поводу:

Кабы не была борода безобразной — быть бы ей в раю.
Ведь и муравьев с саранчой ели бы,
если бы то были злаки.

А еще говорят:

Адам оставался в раю, пока был безбородым,—
А как выросла у него борода — его и прогнали.

Рассказ 2

Пока Адам был в раю, у него не было бороды и сами ангелы склонялись перед ним в поклонах. Когда же он завел себе бороду, ангелы, никогда прежде не выдавшие бороды, принялись смеяться над ним. Бедняга с досады выскочил прочь из рая, побежал по земной юдоли и попал в оковы труда.

Если бы борода считалась достоинством,
Господь наделил бы бородами всех жителей рая.

Рассказ 3

В прежние времена жил один прекрасный юноша. Сияющее утро принимало весть счастья от его лица, а благоухающий вечер черпал цвет и аромат у его кудрей. Будто именно о нем было сказано:

Утро взглянуло на его чистое лицо — и просветлело,
Вечер задумался о его темных кудрях — и помрачнел.

Каждый зрячий, что хоть раз взглянул на него, становился жертвой его красоты и кокетства, и его рубашка была приютом душ влюбленных.

Везде может быть душа, но обиталище ее — сердце.

Утреннему ветерку трудно было пробираться по закоулкам его квартала из-за скопления влюбленных. Он же, ослепленный своей непрочной красотой и непостоянной прелестью, ни на что не обращал внимания. Где бы он ни проходил, пораженные люди смотрели на него и повторяли:

Он шествует, как султан, и сто тысяч сердец
Идут за ним, как войско за султаном.

Влюбленные сидели в пыли его дорог, а он утвердился на престоле пренебрежения. Некоторое время спустя, когда рука бедствий судьбы и коловращение дня и ночи с помощью дыма бороды выставили его прочь из династии красавцев и язык времени прочел над его красотой аят: «А потом вернем его в низжайшее из низких состояний» *, всех, кого сердце привело к нему, процветание бороды сдуло, словно ветер. Бедняга был удивлен и удручен, уязвлен и растерян.

Появившаяся борода заставила его нищенствовать в городе.

Однажды, повторяя аят: «И возвеличиваешь, кого желаешь, и унижаешь, кого желаешь» *, он бродил по городу. Ему повстречался один из преданных друзей и

истинно влюбленных. Однако и тот побежал от него. Бедняга бросился за ним, умолая:

— Ради бога, открой мне, что случилось, и посоветуй, как мне быть. Что произошло? Ведь прежде всякий, кто взглянет на меня, готов был расстаться с сердцем и верой. Горожане восхищались мной, селяне сходили с ума по мне. А сейчас ни одно живое существо не обращает на меня внимания. Разъясни мне причину прежнего счастья и теперешних бед!

Тот влюбленный прежде видел от него немало обид и мучений, он счел момент удачным и с сердцем сказал:

— О друг, причина отвращения народа и удовлетворения врагов эти два-три волоска, которые у тебя на подбородке, — и совершенно напрасно!

Рассказ 4

Однажды один возлюбленный, впавший в несчастье, то есть обросший бородой, проходил мимо какого-то сада. Там он увидел садовника, который устанавливал вокруг сада колючую изгородь.

— Для чего ты ставишь эту изгородь? — спросил он.

— Чтобы никто не подходил, — ответил садовник.

— Зачем так утруждать себя? Выставь лучше клочок бороды — и ни одна божья тварь не покажется в окрестностях.

Рассказ 5

Один аскет добирался в Хиджаз *. Дорогой он пришел к какому-то монастырю и остался там почевать. А прислуживал в том монастыре один христианский отрок. Речь его, как дыхание Исы *, оживляла мертвых, а ланиты его, как чудо Мусы *, исцеляли страждущих. За один взгляд на него можно было отдать сердце и веру.

Мой христианский возлюбленный — Кааба * моей души.

Он — и Кааба и христианский храм, при чем

же здесь мусульманство!

Аскет подумал: «Без сомнения, все здесь собравшиеся — жители ада. Дивлюсь я великодушию и безграничной милости господи: такой совершенный облик и приятную наружность он дал тому, кто осужден на адские муки!»

Утром, когда наступило время отъезда, аскету попове пришлось присоединиться к каравану, и он отправился в путь, говоря:

Я ухожу и в тоске смотрю назад,
Не вижу я, куда тем временем ступают мои ноги.

Прибыв в Мекку, он на некоторое время задержался в тех краях. За время его пребывания в Мекке борода изменила лик христианского отрока:

Его восходящая луна зашла,
Борода, которой не было, отросла.

Аскет, возвращаясь, снова попал в тот же монастырь и увидел какого-то христианина: с растрепанной бородой, подпоясанный зуннаром *, в войлочной шапке и в грубой шерстяной одежде тот пас свиней. Он почтительно приветствовал аскета. Тот удивился: «Я тебя не знаю». Христианин сказал:

— Я тот юноша, что в прошлый раз прислуживал тебе.

Отшельник был поражен. Тут тайный голос сказал: «Да, сначала я сделаю такими вот черными их лица, а потом отправлю их в ад. В расцвете красоты они — райские птицы, а в конце жизни — адские псы».

* * *

— Итак, существование твое мерзко, а твой вид вызывает отвращение.

Я говорил все это, а Борода от стыда то краснел, то бледнел. Наконец, разозлившись, он воскликнул:

— Ты бы разок постыдился собственной рожи!

Ведь и у тебя шапка из того же войлока.

— Не видишь разве, что именно из-за того, что и у тебя есть кое-что мое, возлюбленный не глядит в твою сторону и в соответствии с изречением: «Единообразие — причина связи» постоянно стремится к тем, кому наша беседа бесполезна. Но по велению бога, который передал ниспровержение красоты кумиров в мои руки, я не успокоюсь и не останавлиюсь, пока не воздам каждому по заслугам. И пусть мне тысячу раз отсекут голову — я не стану обращать на это внимания и буду поступать по изречению:

И если ты будешь свечой на этом пути
и подрежут твой фитилек —
Ради этого счастья вырежь из плеч другую голову.

— И хотя бы меня тысячу раз вырывали с корнем — в конце концов я их самих искореню.

Он проговорил это, и от ярости лицо его все сморщилось.

О господи! Удали бедствие бороды от всех людей.

Вот, милый друг, если борода действительно такова, какой я ее видел, и горе от нее таково, каким я его созерцал, пусть никогда не коснется пыли твоей несравненной красоты пыль страха, ибо никогда ты не спасешься от этого зла.

То несчастье, которое называют бородой,—
Да не наступит день, когда оно постигнет тебя!

Но поскольку я видел, что Борода в ярости, конечно, он не станет миловать, и с минуты на минуту, в любой час совершит он свой внезапный набег. Следовательно, на те несколько дней, пока он еще в пути, пока он собирает разбежавшееся войско, надо смотреть как на удачный случай и помнить завет мудрецов:

Порой разрушай жилища душ кокетством,
Порой поддерживай сердца друзей поцелуями.
Если можешь, верни жизнь мне, бедному,
Так как кроме твоей милости нет у меня защитника.

А что касается покорности друзьям и внимания к любящим, то

Не будь беспечен — не время для игры!

А теперь следующее:

Не осыпай пылью ничьего сердца,
Помни, что исчезнет лик красоты.

Вот и весь разговор.

Цель моя была наставление, и я сказал его.
Мы поручили все богу и ушли.

ВЕСЕЛАЯ КНИГА

АРАБСКИЕ РАССКАЗЫ

Одному арабу сказали:

— Ты уже состарился, а жизнь твоя была грешной. Покайся и отправляйся в хадж *.

— У меня нет денег на дорогу,— возразил тот.

— Продай дом и поезжай на вырученные деньги,— посоветовали ему.

— А где же я буду жить, когда вернусь?! — воскликнул араб.— Ведь если я не вернусь и останусь жить при Каабе *, разве господь не скажет мне: «Зачем ты продал свой дом и избрал пристанищем мой?..»

2. Сказали одному человеку:

— Твой сын не похож на тебя!

— Если соседки будут оставлять мне свободное время, и мои дети будут походить на меня.

3. Один человек увидел плачущего ребенка. Как мать ни успокаивала малыша, тот не замолкал. Человек сказал:

— Замолчи, а не то я сделаю дело с твоей матерью!

— Это дитя, пока само не увидит, не верит ни одному слову, — захихикала мать.

4. Какого-то солдата спросили:

— Почему ты не участвуешь в сражении?

Он ответил:

— Бог свидетель, что я не знаю никого из неприятелей и ни один из них не знает меня. Какая же между нами может быть вражда?

5. Однажды Джуха* шел на базар купить осла. Какой-то человек попался ему навстречу и спросил:

— Куда идешь?

— На базар, осла купить.

— Скажи: «Если будет милость божья!», — заметил тот.

Джуха сказал:

— При чем тут милость божья, когда осел — на базаре, а деньги — в моем кошельке.

Когда он пришел на базар, кошелек у него срезали, а когда он возвращался, вновь повстречал того же человека, который спросил:

— Откуда идешь?

— Милостью божьей — с базара. Милостью божьей, деньги мои украли, милостью божьей, осла я не купил, и потерпел только убыток, и бедняком возвращаюсь домой — милостью божьей!

6. Муавия* был известен кротким характером, и никто не мог рассердить его. Один человек поклялся, что выведет его из себя. Он явился к Муавии и сказал:

— Я хочу, чтобы ты отдал мне в жены свою мать — очень у нее толстая задница!

Муавия ответил:

— И отец мой любил ее за это!..

7. Один человек увидел другого, сидевшего на тихоходном осле, и спросил его:

— Куда направляешься?

— На пятничную молитву.

— Горе тебе, ведь сегодня вторник!

— Если этот осел довезет меня до мечети к субботе, я и то буду доволен!

8. Лису спросили:

— Сколько хитростей ты знаешь, чтобы удрать от собаки?

Она сказала:

— Больше ста, а самая лучшая — это чтобы нам с ней не встречаться!

9. Шейх Бадр ад-Дин Сахиб увидел какого-то человека в обществе двух красавцев.

— Как твое имя? спросил он его.

— Абд ал-Вахид (Раб Единого), — отвечал тот.

— Тогда ступай прочь, ибо я — раб обоих сразу, — сказал шейх.

10. Одного человека укусила лисица. К нему привели лекаря, и тот спросил:

— Кто укусил тебя?

— Собака, — сказал пострадавший, стыдясь признаться, что это лиса.

Когда лекарь принялся готовить снадобье, больной сказал:

— Знаешь, добавь туда что-нибудь и от лисьих укусов!

11. Один человек заглянул в хум* и увидел там собственное отражение. Он позвал мать и сказал:

— В хуме спрятался вор!

Мать прибежала, посмотрела в хум и воскликнула:

— О, да с ним еще и шлюха!

12. Во время скачек одна лошадь вырвалась вперед. Какой-то человек от радости завопил и начал бахвалиться. Его сосед спросил:

- Да разве это твоя лошадь?
- Нет, но уздечка на ней — моя!

13. Один человек за столом орудовал всей пятерней. Его упрекнули:

- Что же это ты ешь пятью пальцами?
- Что делать, когда у меня только пять и есть?!

14. Один человек попросил что-то у другого. Тот его обругал. Первый сказал:

- Ты мне отказываешь, да еще и награждаешь ругательствами?..
- Мне не хотелось отпускать тебя ни с чем, — ответил обидчик.

15. Одна женщина заболела и сказала мужу:

- Горе тебе, что ты будешь делать, если я умру?..
- Что я буду делать, если ты не умрешь?! — возразил муж.

16. Один араб отправился путешествовать и, много повидав, вернулся. Его спросили:

- Что хорошего случилось с тобой в странствованиях?
- Ничего, кроме удовольствия от несоблюдения намаза *, — ответил путешественник.

17. Абу Хариса спросили:

- Может ли восьмидесятилетний старец иметь детей?
- Да, — ответил тот, — если у него есть двадцатилетний сосед.

18. Один человек пришел к Абу-л-Эйна с жалобой на жену. Абу-л-Эйна сказал:

- Ты хотел бы, чтобы твоя жена умерла?
- Нет, — ответил тот, — клянусь богом, нет.

— Горе тебе, разве ты не огорчен ее существованием?

Да,— сказал муж,— но радость от ее смерти будет так велика, что я боюсь сам помереть.

19. Одного человека, который объявил себя пророком, привели к халифу Мутасиму *. Мутасим сказал:

— Мне известно, что ты — пророк дураков.

Тот ответил:

— Конечно, раз я проповедую таким людям, как вы.

20. Один человек сказал Хаджаджу *:

— Вчера я видел тебя во сне — будто бы ты в раю.

— Эх, если бы твой сон оказался правдой!..

21. Один человек украл халат и понес его на базар продавать. Халат у него стащили. Его спросили:

— За сколько же ты продал халат?

— За настоящую цену,— ответил он.

22. Одному суфию сказали:

— Продай свою джуббу *.

— Если охотник продаст свой силок, чем он будет ловить дичь? — ответил он.

23. В доме Исхака Мосульского был гулям *, который носил воду. Однажды хозяин спросил, как ему живется. Тот сказал:

— О хозяин, в этом доме нет людей несчастнее тебя и меня.

— Почему это? — спросил Исхак.

— Потому что ты даешь всем хлеб, а я — воду.

24. Один урод, глядя в зеркало на свое безобразие, приговаривал:

— Благодарю тебя, боже, что ты одарил меня таким красивым лицом!

Его слуга стоял тут же и слышал эти слова. Когда он вышел, какой-то посетитель спросил его, что делает хозяин.

— Сидит дома и врет господу богу,— ответил тот.

25. Один человек сказал зеленщику:

— Дай мне луку, я хочу, чтобы у меня изо рта хорошо пахло.

— Ты, видно, уже ел лук — уж очень хорошо пахнет у тебя изо рта! — ответил зеленщик.

ПЕРСИДСКИЕ РАССКАЗЫ

1. Султан Махмуд* присутствовал на молитвенном собрании. Туда же за ним следом пришел Талхак*. Проповедник как раз говорил:

— На шею каждого, кто согрешил с мальчиком, в день Страшного суда посадят того мальчика, чтобы мужеложец нес его через Сират*.

Султан Махмуд заплакал. Талхак сказал:

— О султан, утри слезы и возрадуйся: ведь и ты в тот день не останешься пешим!

2. Один человек продал в Кашане* зайца. Тамгачи* хотел написать бумагу о сборе тамги. Посредник спросил у хозяина:

— Как тебя зовут?

— Абу Бекр*, — ответил тот.

— А отца твоего?

— Омар*.

— А деда?

— Осман*.

Тамгачи спросил:

— Что же мне писать?

Посредник выругался и сказал:

— А пиши просто: хозяин серого зайца.

3. Один человек сказал толкователю снов:

— Я видел во сне, будто приготовил из верблюжьего помета бурани*. К чему бы это?

Толкователь ответил:

— Дай мне две таньги*, тогда разъясню тебе этот сон.

Тот человек воскликнул:

— Кабы у меня были две таньги, я бы отдал их за баклажаны и сделал бы настоящее бурани — зачем бы мне тогда готовить бурани из верблюжьего помета?!

4. Халиф Махди * как-то на охоте отстал от своей свиты. К вечеру он подъехал к дому какого-то бедуина. Тот подал что у него нашлось из еды и кувшин вина. Выпив чашу вина, Махди сказал:

— Я из слуг Махди.

Выпили по второй чаше, и он заявил:

— Я из эмиров Махди.

Осушили третью, и он воскликнул:

— Я сам Махди.

Бедуин убрал кувшин и сказал:

— После первой чаши ты притязал на положение слуги, после второй — на положение эмира, после третьей — на халифство. Если ты выпьешь еще, останется только притязать на господний престол!

На другой день, когда подъехала свита халифа, бедуин от страха убежал. Махди приказал привести его, одарил его золотом, и тогда бедуин сказал:

— Свидетельствую, что ты говорил правду, хоть ты и хотел выпить по четвертой...

5. Какой-то путник подъехал к мазару * и увидел могилу, необычайно длинную.

— Чья это могила? спросил он.

— Пророка Аламдара *, — ответили ему.

— Его, что же, вместе со знаменем положили в могилу? — удивился путник.

6. Один шиит * пришел в мечеть и увидел на стене имена четырех праведных халифов *. Хотел плюнуть на имена Абу Бекра и Омара, да попал на имя Али. Он страшно разозлился и сказал:

— Так тебе и надо — нечего торчать тут рядом с ними!

7. Какой-то человек объявил себя богом. Его привели к халифу. Халиф сказал ему:

— В прошлом году тут один выдавал себя за посланника бога — так его казнили.

— Правильно сделали, — заметил тот, — ведь я его не посылал!

8. У Талхака * было несколько ослов. Однажды султан Махмуд приказал, чтобы его ослов забрали на гужевую повинность, — посмотреть, что будет делать Талхак? Ослов забрали. Талхак здорово разозлился и отправился к султану жаловаться. Султан приказал не пускать его. Тогда Талхак отправился под окно, у которого сидел султан, и поднял крик.

— Скажите ему, — велел султан, — что сегодня приема нет.

Сказали. Талхак воскликнул:

— Проклятье! Коли нет приема — куда же вы уволокли ослов?..

9. Хаджи * в юности некоторое время служил у портного. Однажды хозяин принес в лавку чашку меда и, собираясь идти по делу, сказал Хаджи:

— В этой чашке — яд. Смотри не тронь его, а не то погибнешь!

— Какое мне до него дело! — ответил Хаджи.

Когда хозяин ушел, Хаджи выменял у перекупщика раскроенную одежду на большущий кусок хлеба и уплет с ним весь мед. Хозяин вернулся и спросил, где крой.

— Бить не будешь — тогда скажу правду, — объявил Хаджи. — Дело было так: я зазевался, и какой-то мошенник украл крой... Я испугался, что ты придешь и изобьешь меня. Тогда я сказал себе: проглочу яд, чтобы к приходу хозяина мне умереть! Съел весь тот яд, который был в чашке, но я все еще жив! Вот так...

10. Отец Хаджи дал ему две большие рыбыны на продажу. Тот пошел бродить с ними по улицам и оказался у дверей одного дома. Красивая хозяйка увидела его и сказала:

— Дай мне одну рыбу — а я за это тебе отдамся!

Хаджи отдал рыбу и получил обещанное, и так это ему понравилось, что он отдал и вторую рыбу, чтобы по-

лучить еще... Потом он присел у дверей дома и попросил воды. Женщина подала ему глиняный кувшин. Он отпил немного, бросил кувшин на землю и разбил его. Тут он увидел вдалеке мужа той женщины и ударился в слезы. Муж подошел и спросил:

— О чем ты плачешь?

— Я захотел пить,— сказал Хаджи,— и попросил здесь воды. Кувшин выскользнул у меня из рук и разбился, а хатун* забрала у меня взамен две рыбины, и вот теперь я из страха перед отцом не решаюсь идти домой.

Мужчина стал упрекать жену:

— Ну, что стоит кувшин?..

Взял у нее рыбу и отдал Хаджи: «Иди, мол, своей дорогой!»

11. Одного прихлебателя спросили:

— Есть ли у тебя аппетит?

— Только-то и товару у меня, бедолаги, в этом мире,— ответил тот.

12. Один старик пришел к лекарю с жалобой:

— У меня три жены, с которыми я живу постоянно, а у меня все время то поясница болит, то в паху... Что мне проглотить, чтобы боли прошли?

— Лучшее средство — три развода,— ответил лекарь.

13. В Куме* толпа колотила человека по имени Омаран. Кто-то сказал:

— Ведь это не Омар*, за что же вы бьете его?

— Омар,— отвечали ему,— а «ан» есть и у Османа!*

14. Султан Махмуд увидал дряхлого старика, тащившего вязанку хворосту. Он пожалел бедняка и сказал:

— Эй, старик, что тебе пожаловать: два-три динара, осла, несколько овец или сад? Выбирай любое.

— Давай золото, я завяжу его в пояс, сяду на осла, овец погоню впереди, поеду в сад и буду твоей милостью там спокойно жить остаток жизни!

Султану ответ понравился, и он приказал, чтобы так и сделали.

15. У маулана * Азод ад-Дина был один помощник. Однажды они вместе страпствовали и в пути помощник все останавливался подкрепляться малой толикой вина. Маулана несколько раз посылал за ним. Наконец тот прибежал совсем пьяный и явился к маулана. Маулана понял, что помощник пьян, и сказал:

— Ала ад-Дин, я хотел, чтобы ты был при мне, но сейчас я вижу: ты даже не в себе!

16. В Хорасане был один хаким * по имени Халаф. Ему как-то сказали, что один человек удивительно похож на него. Хаким велел привести того и спросил:

— А что твоя мать — не водила ли шашни, не ходила ли по домам знатных?

— Моя мать, — ответил тот, — была женщина бедная, никогда не выходила из дому. А вот отец мой работал в садах богачей, водоносом был.

17. Несколько казвинцев * отправились на войну с еретиками. Возвращаясь, каждый из них нес голову убитого еретика, надетую на палку. А один нацепил на палку ногу. Его спросили:

— А этого кто убил?

— Я, — ответил он.

— А почему же ты не принес его голову?

— Да пока я до него добежал, голову уже стащили.

18. Кто-то спросил у маулана Азод ад-Дина:

— Отчего это во времена халифата люди выдавали себя то за бога, то за пророка, а сейчас нет?

— Люди в наше время до того измучены гнетом и голодом, что им нет дела ни до бога, ни до пророка, — отвечал тот.

19. Один казвинец поставил в стремя правую ногу и, когда вскочил в седло, оказался лицом к хвосту лошади.

— Ты сел задом наперед! — закричали ему.

— Это не я сел задом наперед, а лошадь — левша, — отвечал тот.

20. Отец Хаджи принес домой три жареные рыбы. А Хаджи не было дома. Мать сказала:

— Давай съедем их, пока Хаджи не пришел.

Накрыли на стол, а Хаджи уж стучится в дверь. Мать спрятала двух рыбок побольше под стол, а ту, что поменьше, оставила. Но Хаджи видел все это в щелку. Когда они сели за стол, отец спросил Хаджи:

— Слышал ли ты историю пророка Юнуса? *

— Спросим-ка у этой рыбы! — отвечал тот.

Он нагнулся к рыбе, приложил ухо к ее рту и сказал:

— Эта рыба говорит: «Я в то время была еще маленькой, а вот две другие рыбы, которые под столом, постарше меня — спроси-ка у них, небось скажут!»

21. Какого-то араба-шнита * посадили па вола и, провозя по городу, секли плетью. Кто-то спросил:

— В чем он провинился?

— Он поносил Абу Бекра и Омара, — отвечали ему.

Мужичонка-араб услышал это, разозлился и заорал:

— Неправда, там был еще и Осман!

22. Один цыган упрекал сына:

— Ты ничего не делаешь, целыми днями бездельничаешь! Сколько раз я говорил тебе: «Научись кувыряться, показывать собак, прыгающих через обруч, ходить по канату, чтобы жить в благоденствии». Если ты не будешь слушаться, клянусь богом, я тебя упеку в медресе *, чтобы тебя научили их никчемным наукам, и ты станешь ученым, и, пока жив, будешь пребывать в унижениях, бедствиях и несчастьях, и не сможешь добыть нигде ни крошки.

23. Маджд ад-Дин бранился со своей женой. А жена его была на редкость стара и безобразна. Она говорила:

— Ходжа *, глава семьи так не поступает, «а ведь и до нас с тобой были дни и ночи»...

— Не беспокойся, хатун, — отвечал Маджд ад-Дин, — до меня-то они были, а вот до тебя — едва ли!

24. Атабек Сулгур-шах подарил Маджд ад-Дину кусок египетского муслина, на котором в разных местах было выткано: «Нет бога кроме Аллаха» *. Однако ткань была

уже не новая. Маджд ад-Дину это не понравилось. Кто-то из присутствующих спросил:

— Отчего это не выткали и «Мухаммад посланник Аллаха»?

— Да оттого, что ее ткали еще до появления Мухаммада, посланника Аллаха, — ответил Маджд ад-Дин.

25. Шейх Шараф ад-Дин решил поддеть маулану Азод ад-Дина и спросил его:

— Где всевышний господь поминает в Коране шейхов?

— Рядом с учеными, — ответил тот, — там, где сказано: «Скажи, разве ученые равны неучам?»

26. У одного казвинца потерялся осел. Хозяин бродил по городу и благодарил бога.

— За что же благодаришь? — спросили его.

— Да за то, что я не сидел на осле. А не то был бы уже четвертый день, как я потерялся!

27. Хаджи пришел в какую-то деревню, а он был голоден. Слышит, в одном доме поминки. Он отправился туда и заявил:

— Давайте шакаране *, тогда я верну этого мертвеца к жизни.

Родственники покойного выполнили его требование, он наелся, а потом сказал:

— Ведите меня к покойнику.

Когда он увидел труп, то спросил:

— А что делал покойный?

— Он ткачом был, — отвечали ему.

Хаджи прикусил палец:

— Как жаль! Любого другого мертвеца можно оживить, но бедняга ткач раз помер, так уж помер!

28. Шиит * спросил одного человека:

— Как тебя зовут?

— Абу Бекр ибн Осман, — отвечал тот.

— А имя твоего рогоносца-отца кто спрашивал? — проворчал шиит.

29. Какой-то шираец * варил банг * в мечети. Служитель мечети застал его за этим занятием и впал в ярость. Шираец поглядел на него — а служитель был сухорукый, плешивый, кривой и шепелявый — и сказал:

— Эй, парень! Не больно много у тебя даров божьих, чтобы ты так пекся о его доме!

30. Один человек попросил пива. Ему подали кислого и вонючего. Он выпил и положил перед пивоваром десять динаров *.

Пивовар сказал:

— Мое пиво не стоит столько.

— А я не за пиво плачу, — возразил покупатель, — а за твое искусство: из такого толстого зада пацедить в такой узкий кувшин!

31. Один хорасанец отправился с приставной лестницей в чужой сад воровать фрукты. Владелец сада застал его:

— Что ты делаешь в моем саду?

Продаю лестницу, — ответил хорасанец.

— Ты продаешь лестницу в моем саду?!

— Лестница-то моя — где хочу, там и продаю!

32. У одного казвинца был топор. Каждый вечер он убирал его в сундук, а крышку запирал. Жена спросила его:

— Зачем это ты прячешь топор в сундук?

— Чтобы кошка не утащила, — отвечал муж.

— А что кошке делать с топором?

— Совсем дура баба! Скобленку, которой грош цена, кошка тащит, а топор, который я купил за десять динаров, оставит?!

33. Один хорасанец пришел к лекарю и сказал:

— Моя жена больна, что делать?

— Принеси завтра ее мочу, я посмотрю и скажу, — ответил лекарь.

Случилось так, что в тот же день хорасанец и сам занемог. Наутро он принес лекарю сосуд с мочой, обвязанный посредине веревочкой.

— Зачем ты привязал веревку? — спросил лекарь.

— Я тоже заболел, — отвечал хорасанец. — Верхняя часть мочи моя, а нижняя — жены.

На другой день лекарь рассказал этот случай в одной компании. А там был какой-то казвинец.

Он сказал:

— Не вините, маулана, этих хорасанцев, они ведь неумыны! А что, веревка была привязана изнутри или снаружи склянки?

34. Осел одного хорасанца потерялся в караване. Он взял чужого осла и начал навьючивать его. Хозяин осла стал отнимать скотину, говоря: «это мое», — словом, разгорелся спор.

У хорасанца спросили:

— У тебя был осел или ослица?

— Осел, — ответил он.

— Ну так это-то ослица!

— Мой тоже был не такой уж жеребец...

35. Один муэzzин * перед рассветом поднялся на минарет, и вдруг у него схватило живот. Он нашел какой-то черепок, сходил в него и бросил черепок вниз, а сам возгласил: «О, первое из первых!» * Черепок упал на голову прохожему, и тот завопил:

— Эй, парень! Если у тебя такое «первое из первых», какое же будет «последнее из последних»?..

36. Какой-то человек хотел совершить намаз * в доме казвинца.

— В какой стороне кыбла? * — обратился он к хозяину.

— Я здесь живу всего два года — откуда мне знать, где кыбла, — ответил тот.

37. У одного казвинца болел зуб. Он пришел к хирургу. Хирург сказал:

— Давай два акче * — я тебе его вырву.

— Больше одного акче не дам, — не согласился казвинец.

Но когда зуб начал сильно беспокоить его, он поне-

воле отдал два акче, подставил челюсть и показал на здоровый зуб. Хирург вырвал его. Казвинец сказал:

— Я ошибся,— и показал хирургу больной зуб. Хирург и его вырвал. Казвинец сказал:

— Ты хотел ввести меня в расход, вытянуть у меня два акче! Ну, я-то похитрей тебя: я тебя одурачил и сделал так, что каждый зуб обошелся мне по одному акче.

38. Один человек объявил себя пророком. Его доставили к халифу, и тот спросил:

— Каким чудом ты владеешь?

— Чудо мое такое: я вижу все, что у человека на душе. Вот, например, сейчас вы все в душе считаете, что я лгу.

39. Какой-то лур * присутствовал на молитвенном собрании. Проповедник говорил:

— Сират * тоньше волоса и острее меча. В День Воскресения все должны будут пройти по нему.

Лур поднялся и спросил:

— Маулана, а нет ли там веревочных перил или еще чего-нибудь, чтобы держаться.

Нет.

— Здорово ты нас дурачишь! — воскликнул лур. — Клянусь богом, ведь там и птица не сможет пройти!

40. У одного судьи случились сильные колики. Лекарь приказал сделать ему винную клизму. В беднягу изрядно влили вина, он захмелел и поколотил своих домочадцев, а те подняли крик. У сына судьи спросили:

— Что там делает твой отец?!

— Пьянствует с другой стороны,— ответил мальчишка.

41. Хатиба * спросили:

Что такое мусульманство?

Он ответил:

— Я возглашаю хутбу,— какое мне дело до мусульманства?

42. Казвинец приехал летом из Багдада. Его спросили:

— Что ты там делал?

— Пот,— отвечал тот.

43. Какой-то вор забрался ночью в дом бедняка. Тот проснулся и сказал:

— Эй, парень, то, чего ты ищешь в темноте, мы ищем среди бела дня — и ничего не находим!

44. Один остряк увидел на столе у скряги жареную птицу, которую подавали уже третий день и убирали нетронутой.

— Эта жареная птица живет после смерти дольше, чем до нее! — воскликнул он.

45. Талхак * рассказывал:

— Видел я сон — наполовину правда, наполовину ложь.

— Как это? — спросили его.

— Да вот, снилось мне, что взвалил я на плечо мешок с золотом, такой тяжелый, что я ненароком угрешился. Проснулся, гляжу — ночная одежда вся запачкана, а от золота нет и следа...

46. В одной деревне староста и хатиб враждовали. Староста умер. Когда его стали хоронить, обратились к хатибу, чтобы он прочел заупокойную молитву.

— Найдите для этого дела кого-нибудь другого,— отвечал тот.— Мои слова ему будут неприятны.

47. Одного мудреца спросили:

— Почему жители пустыни не нуждаются в лекарях?

— Онаграм не надобен ветеринар,— отвечал тот.

48. Один казвинец причитал:

— Украли мою гирию в сто дирхемов * весом.

— Да ты посмотри хорошенько — может, она на весах? — сказали ему.

— С весами вместе ведь украли...

49. У одного хорасанца была очень тощая лошадь. Ему сказали:

— Почему ты не дашь ей ячменя?

— Она съедает десять манов* ячменя каждый вечер! — отвечал тот.

— Отчего же она такая худая?

— Да я задолжал ей месячную долю...

50. Один портной кроил платье какому-то тюрку. Тюрк наблюдал за ним так внимательно, что портной не мог украсть ни куска ткани. Внезапно он издал неприличный звук. Тюрка разобрал такой смех, что он даже опрокинулся навзничь, а портной тем временем сделал свое дело. Тюрк поднялся и сказал:

— О мастер, сделай эту штуку еще разок!

— Никак невозможно, — отвечал портной, — тогда платье будет узким.

51. Султан Махмуд* суровой зимой сказал Талхаку*:

Как ты выносишь этот холод в одном только платье, когда я во всех своих одеяниях дрожу?

— О падишах, — ответил Талхак, — сделай, как я, и ты не будешь дрожать.

— Да что же ты сделал?

— Надел на себя все, что у меня есть.

52. Шамс ад-Дин Музаффар однажды говорил своим ученикам:

— Приобретать знания надо в детстве. То, что вы запомните в детстве, никогда не забудется. Вот уж пятьдесят лет прошло с тех пор, как я выучил фатиху*. И хотя я ни разу не читал ее — до сих пор помню!

53. Какой-то человек пустил стрелу в птицу, но промахнулся. Его приятель воскликнул: «Молодец!» Стрелок разобиделся:

— Ты издеваешься надо мной!

— Нет, — ответил друг, — я сказал «молодец» птице.

54. Туфли Талхака стащили в мечети и подбросили на паперть церкви. Талхак воскликнул:

— Слава Аллаху! Сам я мусульманин, а туфли мои — христиане!..

55. Один человек снял дом. Потолочные балки в нем очень сильно скрипели. Съемщик обратился к хозяину дома насчет ремонта. Тот ответил:

— Балки поминают господа!

— Это хорошо, — ответил наниматель, — но я боюсь, что во время этих поминаний они вздумают упасть ниц.

56. Один проповедник вещал с кафедры:

— Каждый раб божий, который умрет пьяным, пьяным будет похоронен и пьяным восстанет из могилы в день Страшного суда.

Какой-то хорасанец стоял у кафедры, он воскликнул:

— Ей-богу, за бутылку такого винца не жалко и ста динаров!

57. Какой-то казвинец на смертном одре завещал:

— Отыщите в городе кусок старого, ветхого холста и сделайте мне саван из него.

— Какой в этом смысл? — спросили его.

— А чтобы Накир и Мункар*, когда они придут, подумали, что я старый мертвец, и не тронули бы меня.

58. Какой-то хатиб взошел на кафедру с тростью вместо меча*. Его спросили:

— Что же ты не взял меч?

Он ответил:

— На таком сборище — к чему мне меч? Да я этой тростью вышибу из них мозги при любом их прегрешении.

59. Купец пригласил в гости шейха и усадил его на ложе. А под матрасом лежало несколько динаров. Шейх пащупал их и стащил. Купец полез за золотом, а его нет. Шейх сказал:

— Скажи, кого из присутствующих ты подозреваешь, и мы потребуем с него.

Купец ответил:

— О шейх, присутствующих-то я только подозреваю, а вот насчет тебя — уверен!

60. Один мудрец говаривал: «Трезвый среди пьяных все равно что живой среди мертвых: он лакомится их сластями и посмеивается над их мудрствованиями».

61. Харун ар-Рашид * спросил Бохлула *:

— Кого ты больше всего любишь?

— Того, кто наполняет мое брюхо, — ответил Бохлул.

— А если я наполню, ты будешь меня любить?

— Любви в кредит не бывает, — отвечал Бохлул.

62. Третий муж женщины, которая уже загнала в могилу двух мужей, смертельно заболел. Жена принялась плакать и причитать:

— Господин мой, куда же ты уходишь, на кого же ты меня оставляешь?..

— На четвертого рогоносца, — ответил тот.

63. Аба Машид Ширази зажарил барана, да, видно, тот был очень уж тощий — никто не захотел покупать. Мясо протухло. Тогда хозяин придумал, что делать. Он отправился к обмывателю покойников и сказал:

— Я боюсь, что меня постигнет внезапная кончина и никто обо мне не позаботится... У меня есть в лавке мясо — возьми его и, когда придет время, обмой меня, как положено.

Обмыватель обрадовался, решил, что такая сделка — большая удача, забрал мясо и съел со своим семейством.

Через неделю Аба Машид явился к обмывателю:

— Я уезжаю в Дамаск, собирайся со мной!

— Это еще что? — удивился тот.

— Для того я тебя и нанял, — отвечал хитрец, — чтобы не нуждаться в услугах других.

Бедняга-обмыватель после долгих упрашиваний отдал ему деньги за мясо и так отделался от него.

64. Один проповедник вещал с кафедры, и вдруг кто-то из присутствующих громко разрыдался. Проповедник воскликнул:

— О братья! Учитесь искренности у этого человека, который так рыдает от волнения.

Тот мужчина поднялся и сказал:

— Маулана *, я, конечно, не знаю, о чем ты говоришь, но у меня был рыжий козлик, и борода его была очень похожа на твою. И вот на днях он издох!.. Каждый раз, как ты тряхнешь бородой, я вспоминаю о своем козлике и не могу сдержать слез...

65. Какой-то проповедник говорил:

— Кто напишет имена Адама и Евы и повесит их в доме — в жилище того человека не войдет шайтан.

Талхак поднялся с подножья кафедры и спросил:

— Маулана, ведь шайтан в раю, в обители бога, пробрался к ним и обманул их — как же может случиться, что в наших домах он испугается их имен?

66. Шайтана спросили:

— Кого ты любишь больше всех?

Он отвечал:

— Барышников.

— А отчего?

— Да оттого, что меня радовали их лживые слова, а они еще увеличивают эту радость своими лживыми клятвами.

67. Один человек попросил у приятеля на время коня.

Тот ответил:

— Конь-то у меня есть, да только он вороной...

— А разве на вороной лошади нельзя ездить? — удивился первый.

— Коли не хочу давать и этот предлог сойдет! — воскликнул второй.

68. У отца Хаджи была невольница, с которой он по временам забавлялся. Однажды ночью Хаджи напялил на себя ночную одежду отца и пробрался в постель невольницы.

— Кто ты? — спросила девушка.

— Я — мой отец, — отвечал Хаджи.

69. У одного падишаха было три жены: одна — из гебров *, другая — из арабов, третья — из коптов. Однажды он спал с первой из них и спросил ее, какой теперь час. Женщина ответила:

— Уже утро.

Откуда ты знаешь? — спросил падишах.

— Потому что доносится запах роз и базиликов и запели птицы, — отвечала жена.

Следующую ночь падишах провел у арабки и задал ей тот же вопрос. Она в ответ сказала:

— Уже утро, потому что раковины моего ожерелья хололят мне грудь.

На третью ночь падишах был у коптской жены и спросил то же у нее. Коптка в ответ сказала:

— Настало утро, потому что у меня схватило живот — так на двор хочется.

70. Один казвинец пришел к лекарю и сказал:

— У меня болят волосы бороды.

— А что ты ел? — спросил тот.

— Хлеб со льдом.

— Иди помирай, — сказал лекарь. — Ни болезнь твоя не похожа на людскую, ни еда...

71. Ходжа Шамс ад-Дин Сахиб-диван посылал Пехлеван Аваза в Лурестан и наказал ему:

— Прихвати оттуда несколько борзых собак.

Пехлеван поехал и совсем забыл про собак. Вернувшись в Тебриз, он вспомнил про них, велел, чтоб на базаре поймали несколько псов, и привел их с собой к ходже.

— Я ведь просил борзых собак! — сказал ходжа.

— А какие это борзые?

— У борзых уши длинные, хвост тонкий, а живот поджарый.

— В ушах и хвостах я не разбираюсь, — ответил Пехлеван, — а что до животов — так эти собаки проживут в доме ходжи дней пять, и у них от голода животы так подведет, что они в перстень пролезут!

72. Сахиб-диван сказал Пехлеван Авазу:

— Мне нужен человек с головой на плечах, чтобы послать его по одному делу.

— О господин. — отвечал тот, — да ведь все, у кого есть голова на плечах, давно ушли прочь из этого дома.

73. Одному больному прописали семилетний уксус. Он попросил его у своего друга. Тот сказал:

— Уксус-то у меня есть, да я не дам.

— Почему?..

— А потому, что если бы я кому-нибудь его давал, то он бы кончился уже на первый год и к седьмому году ничего не осталось бы!

74. Это случилось в то время, когда Абу Али Сина * бежал от Ала ад-Даула * из Хамадана и направился в Багдад. Прибыв туда, он увидел на берегу реки человечка, который, собрав вокруг себя толпу, торговал разными снадобьями, выдавая себя за лекаря. Абу Али решил постоять там для развлечения. Вдруг подошла женщина и поднесла лекарю сосуд с мочой какого-то больного. Лекарь бросил на него взгляд и заявил:

— Этот больной — еврей.

Взглянул еще раз и добавил:

— Ты — его служанка.

— Ага, — ответила женщина.

Лекарь посмотрел еще и сказал:

— Дом больного расположен на восточной стороне.

— Так, — сказала женщина.

— Вчера больной ел кислое молоко, — продолжал лекарь.

— Ага, — сказала женщина.

Люди пришли в удивление от его искусства, а Абу Али изумился и стал ждать, пока тот не освободился. Тогда он подошел к нему и спросил:

— Откуда тебе стало известно все это?

— Оттуда же, откуда я знаю тебя, — отвечал тот. — Ты — Абу Али.

— Это еще сложнее! — воскликнул Абу Али. Так как он продолжал свои расспросы, лекарь ответил:

— Когда та женщина поднесла мне сосуд с мочой, я заметил на ее рукаве грязь и догадался, что она еврейка. Платье на ней было старое, и я понял, что она чья-то служанка. Но поскольку евреи не служат у мусульман, я заключил, что хозяин ее тоже еврей. На одежде ее я увидал каплю кислого молока и узнал, что она ела кислое молоко и кормила им больного. Дома евреев, как мне известно,

расположены на восточной стороне. Я решил, что и дом того человека находится там же.

Абу Али сказал:

— Ну, это ясно. А как ты узнал меня?

— Сегодня пришло известие, — отвечал лекарь, — что Абу Али Сина бежал от Ала ад-Даула, я догадался, что он здесь, и понял, что, кроме него, никто не разобрался бы в моей игре.

75. Одного ученика богослова во время рамазана * поймали пьяным и приволокли к шихие *. Шихие спросил:

— Эй, ты, чего ради пил?

— Да ведь сыт-то я был по горло... — отвечал пьяный.

76. У одного крестьянина была корова с телянком и ослица с осленком. Ослица подохла, корова стала кормить и телянка и осленка, и молока больше не оставалось *. Крестьянин огорчился и сказал:

— Господи, пошли смерть этому осленку, чтобы мое семейство могло попить молока!..

На другой день он пришел в хлев, видит, корова лежит мертвая. Крестьянин рассвирепел и закричал:

— Эй, господи, я ведь говорил «осел»! Что же ты, не можешь отличить осла от коровы?..

77. Какой-то учитель хотел жениться на женщине, сын которой учился у него в школе. Но женщина отказала ему. Учитель сильно поколотил мальчишку, приговаривая:

— Ты зачем сказал матери, что мужское естество учителя столь больших размеров?

Мальчик пожаловался матери, мать же на основании этих жалоб передумала и согласилась выйти замуж.

78. Один каландар * попросил лекаря прощупать ему пульс и определить его болезнь. Лекарь сказал:

— Твоя болезнь называется голод, — и пригласил его из жалости в гости.

Когда каландар насытился, он сказал:

— В нашей обители еще десять дружков страдают той же болезнью...

79. Какой-то дервиш вошел в деревню и увидел деревенских хозяев, собравшихся в кружок. Он подошел к ним и сказал:

— Дайте мне что-нибудь, а не то, ей-богу, я в этой деревне поступлю так же, как в той!

Те испугались и стали говорить друг другу: «А вдруг он колдун или святой, и от него наша деревня пострадает...» И они дали ему все, чего он желал, а потом спросили:

— А что ты сделал в той деревне?..

Дервиш ответил:

— Там я тоже попросил милостыню, а они ничего не дали, тогда я ушел и прибыл сюда. Если бы и вы ничего не дали, я покинул бы и эту деревню и пошел бы в следующую.

80. Один человек сказал приятелю:

— У меня болит глаз, что делать?

— Прошлый год болел у меня зуб, так я его вырвал, — ответил тот.

81. Один казвинец потерял дома перстень, но искал его на улице — в доме-то было темно.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЭТИКА АРИСТОКРАТИИ

К стр. 15.

М у х а м м а д И з б р а н н и к — основатель мусульманской религии Мухаммад. «Избранник» (Мустафа) — один из постоянных его эпитетов в мусульманских странах.

К стр. 18.

Х и д ж р а — мусульманское летосчисление, которое ведется с 622 г. н. э. — года бегства (*хиджры*) пророка Мухаммада, основателя мусульманской религии, из Мекки в Медину. 740 г. хиджры соответствует 1339—40 г. н. э.

К стр. 19.

Коран, XIII, 28.

Ср. Коран, II, 28: «И вот, сказал Господь твой ангелам: „Я устанавливаю на земле наместника“».

Коран, II, 277.

К стр. 20.

«...результат [взаимодействия] четырех и семи». — Имеются в виду семь планет («семь небесных отцов») и четыре элемента, четыре первостихии («четыре небесные матери»). По средневековым представлениям, движение планет (тогдашние астрономы насчитывали их семь) оказывало влияние на ход жизни на земле; четыре элемента же считались основой всех земных тел.

Р у б а н — распространенная в персидской литературе и фольклоре поэтическая форма, представляющая собой четверостишие, написанное особым метром; строки четверостишия рифмуются по схеме *ааба* или *аааа*.

К стр. 23.

Х о р а с а н — средневековое название восточных земель Ирана. Часть их находится сейчас в пределах современного Ирана, часть — в Афганистане, часть — в советской Средней Азии. С Хорасаном связан ряд преданий, легших в основу национального персидского эпоса «Шах-наме». Насмешливое отношение Закани к хорасанцам связано с распространенным в средние века соперничеством различных областей.

И с ф а г а н — город в центральном Иране, особенно рас-

цвета достигший в X—XI вв. и позднее, в XVI в., когда он становится столицей сефевидского Ирана.

К стр. 24.

Хасан ибн Али — старший сын четвертого «праведного» халифа Али; в 661 г. был провозглашен халифом и вскоре отрекся от власти в пользу Муавии. Хасан считается героем-мучеником у мусульман шиитского толка.

Мансур Халладж — Хусейн ибн Мансур ал-Бейдави (858—922) по прозвищу Халладж («Трепальщик хлопка») — представитель и идеолог раннего суфизма (мистико-пантеистического направления в исламе). Казнен по обвинению в ереси.

Коран, LVII, 19.

К стр. 25.

Аят — стих Корана, священной книги мусульман. Коран включает в себя 114 сур (глав), а каждая сура состоит из отдельных аятов (стихов).

Коран, XXIV, 117.

К стр. 26.

Рустам сын Заля — герой персидского национального эпоса «Шах-наме», прославленный богатырь. Разумеется, ничего подобного хронистам о нем не говорят, нелепая характеристика Рустама — выдумка Закани.

К стр. 27.

Коран, XVI, 92.

К стр. 28.

Заххак-арабский и Йездигерд-грешник — персонажи персидского национального эпоса «Шах-наме», «неправедные» цари-тираны.

Хосров Ануширван (531—579) — царь из династии Сасанидов, прозванный «Справедливым» (совершенно незаслуженно: на самом деле он правил весьма тиранически) и выступающий в персидской литературе и фольклоре олицетворением правосудия и справедливости.

«...своды его дворца обрушились, и храмы огня... погасли». — По преданию, эти знамения предшествовали рождению Мухаммада и последовавшему в результате арабского завоевания падению династии Сасанидов. При Сасанидах в Иране господствовала зороастрийская религия, одним из элементов которой был культ огня.

Омар ибн Хаттаб (634—644) — второй из четырех «праведных» халифов, возглавлявших мусульманскую общину после смерти пророка Мухаммада.

Ман — персидская мера веса, просуществовавшая до последнего времени. В разных областях Ирана величина мана колебалась от 2,9 до 13,8 кг.

Муавия (661—680) — халиф, основатель Омейядской династии.

Али (656—661) — четвертый «праведный» халиф, особо почитаемый шиитами.

Хулагу-хан (1217—1265) — один из монгольских завоевателей Ирана, внук Чингиз-хана, получивший в 1258 г. ярлык на управление землями «западнее Аму-Дарьи», в том числе и Ираном, где он положил начало династии Хулагидов.

К стр. 29.

Джизья — подушная подать, которую в арабском халифате платили иноверцы, немусульмане.

Суфий — представитель суфизма, мистико-пантеистического направления в исламе.

Каландар — член суфийского ордена, нищенствующий монах.

Абу Саид (1316—1335) — последний правитель из монгольской династии Ильханов. После его смерти государство Ильханов распалось на ряд мелких княжеств, но, разумеется, не по причине «излишней справедливости» Абу Саида, а вследствие роста феодальной раздробленности, по экономическим причинам.

К стр. 30.

Коран, VI, 161.

Коран, VII, 29.

Коран, VI, 142.

К стр. 31.

Фельс — арабская мелкая монета, в средние века имевшая хождение в Иране.

Карун — библейский Корей, легенда о котором широко известна на Востоке, человек баснословно богатый, но скупой и жестокий. По преданию, земля разверзлась и поглотила Каруна со всем его добром.

К стр. 32.

Див — в персидском фольклоре и литературе — фантастическое существо, дух, чаще злой, но иногда и добрый. Внешний облик дива страшен: он черен, космат, с рогами и с когтями не только на пальцах, но и на коленях и пятках.

К стр. 33.

Хирка — грубая шерстяная одежда, род рубища или власницы, которую носили в средние века на Востоке странствующие монахи, аскеты и пр.

К стр. 36.

Хадис — предание о словах или деяниях пророка Мухаммада, записанное со слов очевидцев с обязательным *иснадом*, т. е. перечислением передатчиков; свод *хадисов* составляет мусульманское «священное предание» — *сунну*.

К стр. 37.

Аят — см. прим. к стр. 25.

Коран, XIX, 73.

Сират — по мусульманскому поверью, мост тоньше волоса над адской пропастью, через который должны пройти души

умерших по пути в рай. Праведники перейдут через Сират, грешники свалятся в адское пламя.

К стр. 40.

Фархад — по преданию, скульптор и каменотес, полюбивший красавицу Ширин, жену царя Хосрова. Чтобы заслужить любовь Ширин, Хосров берется прорубить канал через гору Бисутун (Бехистун). Однако, когда работа уже близится к концу, коварный Хосров посылает Фархаду ложное известие о смерти Ширин, и тот в отчаянии умирает.

Меджнун из племени амер — герой известного арабского предания, юноша по имени Кайс, безумно влюбившийся в девушку Лейлу. Любовь Кайса была так велика, что он почти потерял рассудок, отчего его и прозвали *Меджнун*, т. е. «Безумный».

К стр. 41.

Клятва «тройного развода». — По мусульманским обычаям мужу, чтобы развестись с женой, достаточно произнести формулу развода (*талак*). Однако, будучи произнесена трижды, эта формула приобретает силу необратимого закона, и муж уже не может вернуть к себе разведенную жену. Таким образом, формула «тройного развода» приравнивалась к страшной клятве.

Юсуф Египетский — библейский Иосиф Прекрасный, легенда о котором вошла в Коран и пользуется на Востоке широкой известностью. По преданию, Юсуф был продан купцами в Египет, откуда и происходит его прозвище. Юсуф считается на Востоке олицетворением красоты.

Хатем Тайи — арабский князь и поэт, прославившийся своей щедростью и благородством.

«Направленная на благо ложь...» — цитата из книги Саади (XIII в.) «Голестан» (см. Са'ди, *Гулистан*, М., 1959, стр. 67).

К стр. 42.

Эфлатун — арабизованная форма имени Платона, труды которого в арабских переводах были известны на средневековом Востоке. Само имя Платона стало олицетворением мудрости.

Коран, XXXVI, 47.

МЫШИ И КОТ

К стр. 44.

Керман — город и провинция в центральном Иране.

К стр. 46.

Ильхан (букв. «повелитель народа») — монгольский титул, еще в XIII в. обозначавший начальника крупного военного соединения. В 1263 г. этим титулом был награжден Хулагу-хан (см. прим. к стр. 29) в знак подчинения его центральной власти монгольской империи. Ильханами называют также основан-

ную Хулагу династию, которая очень быстро стала совершенно независимой (к концу XIII в. Газан-хан, один из представителей этой династии, стал уже называть себя не ильханом, а султаном). Закани употребляет здесь слово *ильхан* в значении «знатный», «аристократ».

К стр. 47.

Решт, Гилян — области на севере Ирана.

Хорасап — см. прим. к стр. 23.

К стр. 48.

Исфаган — см. прим. к стр. 23.

Йезд — город и провинция в центральном Иране.

Керман — см. прим. к стр. 44.

Фарс — юго-западная область Ирана, расположенная по берегу Персидского залива. Отсюда вышли основатели древней персидской империи (VI в. до н. э.). От названия этой области произошло и европейское название страны — Персия.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

К стр. 51.

Дервиш — странствующий нищий, мусульманский монах; часто просто бедняк.

Мударрис — преподаватель мусульманской духовной школы (*медресе*).

Факих — знаток мусульманского права (*фикха*), законовед.

Медресе — мусульманское духовное училище, где наряду с духовными преподавали и светские науки.

Вакуфное имущество — имущество, принадлежавшее мусульманской религиозной общине. Доходы от него отводились на содержание мечетей, духовных школ, помощь сиротам и вдовам и пр.

Берат — во времена монгольского господства в Иране грамота о пожаловании, о предоставлении тех или иных преимуществ или полномочий.

Хаким — мудрец, ученый муж; здесь: главный судья округа.

Воины-тюрки. — Здесь и далее речь идет о монгольских завоевателях, на которых было перенесено название «тюрок» — кочевых племен, издавна враждовавших с Ираном.

Яджудж и Маджудж — библейские Гог и Магог, мифические племена, полулюди-полузвери, населяющие, по преданию, окраины мира.

К стр. 52.

Накир и Мункар — в мусульманской мифологии — два грозных ангела, которые в смертный час являются к человеку за его душой.

Амил — чиновник высокого ранга, ведающий сбором налогов с целой провинции.

Шихне — начальник городской стражи.

И л ь ч и — гонец, курьер установленной монгольскими завоевателями почтовой службы. Содержание этой службы целиком ложилось на плечи местного населения, чем и вызвана нелестная характеристика Закани.

Т а м г а — установленный монгольскими завоевателями сбор с ремесел и торговли, который по шариату считался недозволенным (*харам*).

М у ш р и ф — средней руки чиновник финансового ведомства (ср. *мустауфи*).

М у с т а у ф и — в средневековом Иране высокого ранга чиновник финансового ведомства.

М у х т а с и б — в средние века в Иране должностное лицо, наблюдавшее за соблюдением норм шариата в повседневной жизни; представитель своего рода «полиции нравов».

В а к и л — стряпчий, поверенный в делах; в средневековом Иране — доверенное лицо правителя.

Р а з р е ш е н н а я з а к о н о м е д а — то, что по *шариату* (совокупности мусульманских правовых и религиозных норм) допускается употреблять в пищу правоверному мусульманину. На некоторые пищевые продукты (например, на свинину), напротив, наложен запрет.

К стр. 53.

Х а т и б — чтец молитв в мечети, провозглашающий по пятницам *хутбу* — особую молитву с упоминанием имени правящего государя.

И а д и м — приближенный правителя или вельможи, который развлекает его беседами и помогает коротать время.

С у ф и й — см. прим. к стр. 29.

Х а д ж и — человек, совершивший *хадж*, т. е. паломничество в Мекку.

К а а б а — храм в Мекке, крупнейшая святыня мусульман (главным образом суннитов), цель паломничества многочисленных верующих. Отсюда переносное значение этого слова: «предмет стремлений», «средоточие желаний», часто встречающееся в персидском фольклоре и литературе.

Х а д ж и д в у х с в я щ е н н ы х г о р о д о в — паломник, побывавший в Мекке и Медине, городах, в которых жил пророк Мухаммад, основатель мусульманской религии; эти города считаются священными.

А н к а — мифическая волшебная птица, которую никогда не удастся увидеть простому смертному. В переносном значении Анка — символ редкого, недостижимого. Под Западом Закани имеет в виду западные области Ирана, в которых прошла его жизнь.

К стр. 54.

И м а м — «предстоятель» на молитве, духовное лицо, руководящее молитвами мусульман в мечети.

К а з в и н е ц — житель города Казвина, расположенного на юго-западе Ирана. В персидском фольклоре и литературе каз-

вишцы, наподобие немецких шильдбюргеров, выступают как чудачки и недотепы.

Хейдарит — последователь учения *хейдари*, одной из разновидностей секты *алидов* в шиизме (шиизм — один из двух крупнейших толков в исламе; в настоящее время шиизм — государственная религия Ирана).

Гуль — оборотень, злой дух пустыни, принимающий любой облик. Гули обитают в пустынных и заброшенных местах, они заманивают к себе людей и пожирают их.

Чанг — струнный музыкальный инструмент, род арфы.

Уд — струнный музыкальный инструмент.

Шурба (шурпа) — род мясной похлебки.

Кебаб — жаренное на вертеле мясо, род шашлыка.

Черный камень — мусульманская (а прежде языческая) святыня, камень метеоритного происхождения, находящийся в мусульманском храме Кааба в Мекке.

К стр. 55.

Сатурн и Марс по представлениям средневековых астрологов приносили несчастье.

Рамазан — девятый месяц мусульманского лунного календаря. По шариа́ту (совокупности мусульманских правовых и религиозных норм) рамазан — месяц поста, в течение которого разрешается есть только ночью, днем же — от рассвета до заката — надлежит поститься.

Ночь определений — по преданию, ночь, когда пророку Мухаммаду в божественном откровении был ниспослан Коран.

Банг — наркотик, приготовляемый из листьев индийской конопли и белены. На самом деле суфиев должны были приводить в экстаз не банг, а мысли о боге.

Тар — струнный музыкальный инструмент, напоминающий гитару.

Хариса — род густой похлебки или каши из пшеницы.

Гуль — см. прим. к стр. 54.

Двурогий (*Зу-л-карнейн*) — принятый на Востоке эпитет Александра Македонского, основанный на том, что на шлеме завоевателя якобы было два выступа, напоминавших рога.

К стр. 56.

«Висн Рамин» — романтическая поэма Горгани (XII в.), повествующая о любви красавицы Вис к ее деверю Рамину.

Радость после печали. — Кроме буквального смысла эти слова, видимо, содержат намек на широко известный в средневековом Иране сборник притч с тем же названием (*Ал-фарадж ба'д аш-шадда*). Сочинение это было написано ат-Танухи (X в.) по-арабски и переведено на персидский язык в XII в.

Бесповоротный развод — имеется в виду *талак* — клятва «тройного развода». См. прим. к стр. 41.

Гора Оход — гора близ Медины, на которую, по преданию, поднимался пророк Мухаммад, когда ему являлся Аллах.

Ш а р и а т — совокупность мусульманских религиозно-правовых норм.

К стр. 57.

С а к у н к у р — один из видов ящериц, обитающих в Иране. Из этих ящериц изготавливают возбуждающее снадобье.

СТО СОВЕТОВ

К стр. 58.

Г о д ы х и д ж р ы — т. е. годы мусульманского летосчисления (см. прим. к стр. 18). 750 г. хиджры приходится на 1349—50 г. н. э.

Э ф л а т у н — Платон. См. прим. к стр. 42.

А р а с т у — арабское произношение имени Аристотель, которого мусульманская традиция превратила в ученика Платона.

Н а с и р а д - Д и н Т у с и — выдающийся персидский ученый, философ и филолог (ум. 1274).

К стр. 59.

С п р а в е д л и в ы й ш а х А н у ш и р в а н — царь Хосров Ануширван (531—579). См. прим. к стр. 28.

К а л а н д а р с т в о — образ жизни *каландаров* — членов мусульманского ордена бродячих монахов-аскетов.

К стр. 60.

Р и н д — букв. «беспутный гуляка». В средние века в Иране это слово обозначало суфия-аскета, предающегося духовным «пирам» и «кутежам» в общении с богом.

М у э з з и н — человек, провозглашающий с минарета мечети *азан* — призыв к молитве. Строго говоря, муэззином мог быть любой мусульманин, так как это не было ни должностью, ни званием, но практически эти обязанности исполнял какой-нибудь определенный человек, обычно обладающий хорошим сильным голосом.

Х а т и б — см. прим. к стр. 53. Закани намекает здесь, что хатиб ревет, как осел.

К стр. 61.

«В и с и Р а м и н» — см. прим. к стр. 56 и 83.

Б а н г — см. прим. к стр. 55.

Х а д ж и б — придворный, ведавший приемом посетителей у правителя или наместника.

К стр. 62.

Т р о й н о й р а з в о д — см. прим. к стр. 41.

Ш а р и а т — см. прим. к стр. 56.

К стр. 63.

Х а у з — водоем, обычно искусственный бассейн.

К и н г и р — двухструнный щипковый музыкальный инструмент.

«Берегитесь... коварства монголов». — Закани имеет здесь в виду военную аристократию завоевателей-монго-

лов, которая в то время еще не ассимилировалась с местным населением и выступала олицетворением всех зол и пороков.

М и н б а р — род кафедры, с которой проповедник обращается к своим слушателям.

Х а д ж — паломничество к святым местам, в священные города Мекку и Медину, считавшееся религиозной обязанностью мусульманина.

К стр. 64.

Р а м а з а н — см. прим. к стр. 55.

«...хотя бы они стояли на высокой горе». — В рамазан (см. прим. к стр. 55) мусульмане не должны есть весь день, «от звезды до звезды». Появления вечерней звезды ждутся, конечно, с нетерпением, пускаясь, чтобы раньше увидеть ее, на различные маленькие хитрости, в частности наблюдая за небом с высокой точки. Сленой, разумеется, не разглядит звезды даже с самой высокой горы.

Д ж и з ь я — см. прим. к стр. 29.

КНИГА ВЛЮБЛЕННЫХ

К стр. 66.

А й в а н — род террасы, крытая галерея, опирающаяся на колонны. В царских дворцах айваном называли и тронный зал.

К стр. 67.

Ч е т ы р е с т и х и и — по средневековым представлениям, четыре основных жизненных начала: земля, воздух, огонь и вода, из которых создано все существующее в мире.

А б у И с х а к (ум. 1352) — правитель Фарса, бывшего во время Закани самостоятельным княжеством.

Д ж а м ш и д — легендарный царь древнего Ирана, один из персонажей «Шах-наме», символ справедливости и могущества.

С е м ь о с ч а с т л и в л е н н ы х с т р а н — по-видимому, не какие-либо определенные державы, а обычный поэтический образ.

К стр. 68.

Ф а р и д у н — легендарный царь древнего Ирана, один из персонажей национального персидского эпоса «Шах-наме», олицетворяющий собой мудрого и справедливого государя.

К ы б л а — направление на Мекку, куда мусульманам надлежит обращаться во время молитвы.

К а а б а — см. прим. к стр. 53.

К стр. 71.

«...рот ее... меньше всего на свете». — По средневековым канонам красоты, чем меньше рот — тем красивее лицо.

К стр. 73.

М и х р а б — ниша в мечети, показывающая направление на Мекку, т. е. сторону, куда мусульманам надлежит обращаться во время молитвы.

З у н н а р — особый кушак, которым должны были опоясываться в мусульманских странах иноверцы.

К стр. 74.

Т а в в а ф — один из обрядов, совершаемый паломниками, прибывшими в Мекку. Он заключается в ритуальном хождении вокруг священного Черного камня в Каабе (см. прим. к стр. 53 и 54), чтении положенных молитв и т. д. Здесь автор хочет сказать, что будет ходить вокруг дома любимой, как паломники вокруг святыни.

К стр. 78.

Х а м м а м — Хаммам ад-Дин Табризи (ум. 1315), поэт, живший на территории современного Азербайджана. Произведения его почти не сохранились. Отрывки, приводимые Закани, написаны на диалекте и перевод их условен.

К стр. 79.

П е р ь — в персидской литературе и фольклоре дух, которого часто представляют в образе прекрасной женщины.

Д и в — см. прим. к стр. 32.

К стр. 82.

М е д ж н у н и Л е й л и — легендарная пара влюбленных. См. прим. к стр. 40.

И с к а н д е р — Александр Македонский. По мусульманскому преданию, завоевав Иран, Александр отправился в Страну мрака разыскивать источник живой воды, чтобы обрести бессмертие. Однако завоеватель не нашел источника, заблудился и погиб в страшной пустыне.

П е р и р у и Г о л ь ш а д — легендарная пара влюбленных.

Ф а р х а д и Ш и р и н — см. прим. к стр. 40.

К стр. 83.

Я к у б — библейский Иаков, лишившийся любимого сына Иосифа (Юсуфа в мусульманском варианте предания, см. прим. к стр. 41) и ослепший с горя.

В и с и Р а м и н — герои одноименной поэмы Горгани (XII в.). Красавица Вис полюбила своего деверя Рамина. Старый муж пытается разлучить влюбленных, но они вновь и вновь ищут пути к свиданию.

В а м и к и А з р а — легендарная пара влюбленных. Азра была заточена в башне на недоступной скале над морем, и Вamik, чтобы попасть к ней на свидание, переплывал залив. Однажды в бурную ночь Вamik не справился с волнами и утонул.

Г о л ь ч а х р е и А у р а н г — легендарная пара влюбленных.

К стр. 85.

«Ж е м ч у г н и з а в ш и й» — Низами, великий азербайджанский и персидский поэт XII в. Литературное имя Низами образовано от арабского корня *н^а, з^а, н^а*, который означает «нанизывать жемчуг» и вместе с тем «слагать стихи».

К стр. 94.

А й в а н — см. прим. к стр. 66.

К стр. 95.

К а у с а р — по мусульманским преданиям, райский источник с благоуханной и сладостной водой.

К стр. 97.

З у х р а — арабское название планеты Венеры. По мусульманскому преданию, Зухра была прекрасной женщиной, соблазнившей ангелов Харута и Марута и обманом выведавшей у них тайное имя бога. Произнеся это волшебное имя, Зухра вознеслась на небо и превратилась в планету. Среди других планет она исполняет роль музыканта, аккомпанируя хору небесных светил.

К стр. 100.

А я т — см. прим. к стр. 25.

К стр. 103.

Р и н д — см. прим. к стр. 60.

К стр. 104.

Г у л ь — см. прим. к стр. 54.

К стр. 106.

Д ж а м ш и д и Х о с р о в — легендарные цари Ирана (см. также прим. к стр. 67 и 28).

К стр. 107.

М о б е д — жрец древней религии Ирана зороастризма. В средние века, когда в Иране распространился ислам, древняя религия была почти совсем забыта, однако в народной традиции долго еще сохранялось уважение к ее хранителям, которые выступают в литературе и фольклоре как мудрецы, посвященные в тайны бытия.

К стр. 109.

К е й в а н — планета Сатурн, находящаяся, по представлениям средневековых астрологов, на седьмом небе, т. е. очень далеко от Земли.

К стр. 110.

Д ж е й х у н — арабское название реки Аму-Дарья.

К стр. 111.

Х а м м а м — см. прим. к стр. 78.

К стр. 116.

М е д ж н у н — см. прим. к стр. 40.

К стр. 117.

З е л и х а — в мусульманском варианте библейской легенды об Иосифе Прекрасном (Юсуфе) — имя жены египетского вельможи Пентефрия (Потифара), которому был продан Иосиф. Зелиха безумно влюбилась в Юсуфа, однако он отверг ее.

К стр. 121.

Р а д ж а б — название седьмого месяца мусульманского лунного календаря.

«Семь сотен красавиц...» — т. е. семьсот бейтов, двустиший, из которых состоит поэма Закани.

КНИГА О БОРОДЕ

К стр. 122.

М а ш а т т е — женщина, наряжающая и украшающая невесту в день свадьбы.

К стр. 126.

С а л а м а л е й к у м — букв. «мир вам» — арабское приветствие, распространенное на мусульманском Востоке.

«Борода и платье — признаки доброго». — В оригинале приведена цитата из Корана (VII, 25), вырванная из контекста и нарочито перетолкованная Бородой.

Коран, XX, 95.

Х ы з р — по преданию, один из пророков, нашедший источник живой воды и достигший таким образом бессмертия. Хызр считается покровителем заблудившихся путников.

К стр. 127.

Ю с у ф — см. прим. к стр. 41 и 118.

Ф и р м а н — шахский указ, рескрипт.

К стр. 128.

Р и н д — см. прим. к стр. 60.

К а л а н д а р — см. прим. к стр. 29.

К стр. 129.

С а а д и — знаменитый персидский поэт и прозаик XIII в., автор книг «Бустан» и «Голестан» и сборников стихов.

К у н ь я — форма имени, образованная сочетанием слова «отец» (*абу*), «мать» (*умм*) или «сын» (*ибн*) и следующего за ним имени собственного (например, Абу Саид — «отец Саида» или Ибн Саид — «сын Саида»). Такие имена очень распространены на мусульманском Востоке. В средние века получил широкое распространение и другой тип имени л а к а б, присоединявшийся к кунье или к личному имени. Лакаб был чем-то вроде титула (например Роки ад-Дин — «Столп Веры»).

А я т — см. прим. к стр. 25.

Коран, XXXVIII, 79.

И б л и с — имя сатаны в Коране.

К стр. 131.

Коран, XCV, 5.

Коран, III, 25.

К стр. 132.

Х и д ж а з — область на Аравийском полуострове по побережью Красного моря.

Д ы х а н и е И с ы. — По преданию, дыхание Исы (Иисуса) обладало свойством оживлять мертвых и исцелять больных.

Ч у д о М у с ы. — Имеются в виду чудеса, которые, по кораническому преданию, являл Муса (Моисей) перед фараоном.

К а а б а — см. прим. к стр. 53.

К стр. 133.

З у н н а р — см. прим. к стр. 73.

ВЕСЕЛАЯ КНИГА

К стр. 136.

Х а д ж — см. прим. к стр. 63.

К а а б а — см. прим. к стр. 53.

К стр. 137.

Д ж у х а — популярный персонаж персидского и арабского фольклора, шут и остряк.

М у а в и я (661—680) — см. прим. к стр. 28.

К стр. 138.

Х у м — большой глиняный сосуд с двумя ручками, который употреблялся для хранения жидкостей, зерна и пр.

К стр. 139.

И а м а з — совокупность обрядов и молитв, предваряемых ритуальным омовением, которые верующие мусульмане должны совершать пять раз в день; исключение из этого правила допускается в частности для путников.

К стр. 140.

М у т а с и м (833—842) — халиф из династии Аббасидов.

Х а д ж а д ж и б и Ю с у ф (661—714) — государственный деятель в Омеядском халифате, правитель Ирака, а позднее — Хорасана. В персидском фольклоре и литературе он часто олицетворяет тиранию и произвол.

Д ж у б б а — длинная мужская верхняя одежда.

Г у л я м. — В первые века ислама гулямами называли представителей особой дворцовой гвардии, которая формировалась из обращенных в рабство пленных. Захваченных в военных походах детей отдавали в специальные школы, где их готовили к будущей службе. Прошедшие специальную выучку гулямы «без роду и племени» должны были служить опорой трону, помогать усмирять местных феодалов. Однако, как известно из истории, из послушного орудия царя гулямы часто превращались в узурпаторов власти. Позднее значение гулямской гвардии падает и за самим словом прочно закрепляется значение «раб», «слуга», — как в данном тексте.

К стр. 141.

С у л т а н М а х м у д (997—1030) — могущественный правитель из династии Газневидов, завоевавший обширные земли в Иране, Афганистане, Средней Азии и Индии. Тиранин и деспот, султан Махмуд иногда выступает в персидском фольклоре и литературе как отрицательный персонаж.

Часто подчеркивается, что он был «сыном тюркского раба». Действительно, династия Газневидов была основана отцом Махмуда Сабуктегином, вольноотпущенником и зятем Алитегина — бывшего гуляма Саманидов, отложившегося от них в 962 г.

Т а л х а к — шут султана Махмуда, популярный герой фольклора, балагур и весельчак.

С и р а т — см. прим. к стр. 37.

К а ш а н — город в центральном Иране.

Т а м г а ч и — сборщик тамги, подати, введенной монгольскими завоевателями.

А б у Б е к р, О м а р, О с м а н — имена «праведных» халифов, стоявших во главе мусульманской общины непосредственно вслед за пророком Мухаммадом.

Б у р а н и — род острой овощной закуски.

Т а н ь г а — среднеазиатская монета, после монгольского завоевания получившая некоторое распространение в Иране.

К стр. 142.

М а х д и — халиф Убейдуллах Махди (909—934) основатель династии Фатимидов (909—1171). Слово *махди* означает «мессия», «спаситель». Учение о махди, распространенное в мусульманских странах, у шиитов (см. ниже) стало одним из основных религиозных догматов, а у суннитов превратилось в учение об идеальном государе, реформаторе существующего общественного порядка. Убейдуллах был одним из государственных деятелей, которые сумели использовать это учение в своей борьбе за власть. В приведенном анекдоте Закани устами бедуина высмеивает притязания халифа на «мессианство».

М а з а р — мавзолей над могилой мусульманского святого.

А л а м д а р — букв. «знаменосец». Следующее замечание построено, таким образом, на игре слов.

Ш и и т — (от арабск. *ши'ун* — «сторонник») представитель шиизма. Шиизм возник на арабской почве в I в. хиджры (см. прим. к стр. 18), первоначально как политическое течение. Сторонники халифа Али (см. прим. к стр. 28), утверждая его преимущественные права на наследование Мухаммаду, считали незаконным правление трех других «праведных» халифов (см. ниже). Очень быстро шиизм начинает приобретать черты религиозного учения и в дальнейшем становится одним из двух крупнейших толков в исламе, отличаясь от суннизма — мусульманской ортодоксии — рядом догматических положений. Такие элементы шиизма, как учение о махди (см. выше) и учение о двенадцати имамах, прямых наследниках Али, нашли благодатную почву в Иране, где в древних, еще доисламских, верованиях всегда подчеркивалась идея наследственности духовной и светской власти. С XVI в. шиизм становится государственной религией Ирана. В рассказах Закани пашла отражение вражда между шиитами и суннитами, которую он показывает, однако, в комическом плане.

Ч е т ы р е п р а в е д н ы х х а л и ф а — халифы Абу Бекр, Омар, Осман и Али, правившие мусульманской общиной после смерти Мухаммада. Представители двух крупнейших толков ислама — шииты и сунниты — по-разному относятся к четырем халифам: сунниты почитают Абу Бекра, Омара и Османа, а шииты — Али, которого они считают своим духовным главой.

К стр. 143.

Т а л х а к — см. прим. к стр. 141.

Х а д ж и — букв. «совершивший хадж», т. е. паломничество к святым местам (см. прим. к стр. 63). Это слово добавляется к имени в качестве почетного прозвания. Существует, однако, обычай называть именем «Хаджи» младенцев. Герой персидского фольклора, шутник и хитрец, известен под этим именем.

К стр. 144.

Х а т у н — госпожа; почтительное обращение к замужней женщине.

К у м — город в западном Иране, один из священных городов шиитов (см. прим. к стр. 142).

О м а р и О с м а н — см. прим. к стр. 142.

К стр. 145.

М а у л а н а — почтительное прозвание шейха суфийского ордена. См. прим. к стр. 53 («суфий»).

Х а к и м — см. прим. к стр. 51.

К а з в и н ц ы — жители Казвина, города, расположенного между Тегераном и Рештом. См. также прим. к стр. 54.

К стр. 146.

Ю н у с — библейский Иона, предание о котором вошло в Коран. По Корану, Юнус был проглочен огромной рыбой.

Ш и и т — см. прим. к стр. 142.

М е д р е с е — см. прим. к стр. 51.

Х о д ж а — почтительное обращение к мужчине.

«Нет бога кроме Аллаха» — первая часть мусульманского символа веры: «Нет бога кроме Аллаха, Мухаммад — посланник Аллаха». Соль анекдота в последней фразе, равносильной европейскому выражению «до рождества Христова».

К стр. 147.

Ш а к а р а н е — блюдо из вареного риса с сахаром и маслом.

Ш и и т — см. прим. к стр. 142.

К стр. 148.

Ш и р а з е ц — житель Шираза, главного города провинции Фарс (см. прим. к стр. 48).

Б а н г — см. прим. к стр. 55.

Д и н а р — старинная золотая монета.

К стр. 149.

М у э з з и н — см. прим. к стр. 60.

«Первое из первых» — начало одной из молитв.

Н а м а з — см. прим. к стр. 140.

К ы б л а — см. прим. к стр. 68.

А к ч е — мелкая монета.

К стр. 150.

Л у р ы — одно из племен западного Ирана.

С и р а т — см. прим. к стр. 37.

Х а т и б — см. прим. к стр. 53.

К стр. 151.

Т а л х а к — см. прим. к стр. 142.

Д и р х е м — старинная серебряная монета ($\approx 2,97$ г).

К стр. 152.

М а н — см. прим. к стр. 28.

С у л т а н М а х м у д — см. прим. к стр. 141.

Т а л х а к — см. прим. к стр. 141.

Ф а т и х а — первая, «Открывающая» сура (глава) Корана, с которой начинается изучение этой книги. Фатиху благочестивые мусульмане произносят перед началом каждого серьезного дела. Загани здесь издевается над почтенным шейхом, который признается, что ни разу в жизни не читал фатихи.

К стр. 153.

Н а к и р и М у н к а р — см. прим. к стр. 52.

«...с тростью вместо меча». — По мусульманскому обычаю, хатиб (см. прим. к стр. 53) поднимался на кафедру для чтения хутбы опоясанный мечом.

К стр. 154.

Х а р у н а р - Р а ш и д (786—809) — халиф из династии Аббасидов, герой многочисленных преданий и сказок, часть из которых вошла в «1001 ночь».

Б о х л у л — шут и юродивый, современник Харуна ар-Рашида, вокруг его имени также было создано много легенд.

К стр. 155.

М а у л а н а — см. прим. к стр. 145.

Г е б р ы — приверженцы зороастризма, древней религии Ирана. Во время арабского завоевания население Ирана почти полностью было обращено в ислам, однако кое-где (например, в Йезде, см. прим. к стр. 48) все же остались зороастрийские общины, сохранившиеся и до наших дней.

К стр. 157.

А б у А л и С и н а (980—1037) — Авиценна, знаменитый средневековый ученый, врач и философ.

А л а а д - Д а у л а — владетельный князь, правивший в Исфагане (см. прим. к стр. 23) в 1007—1041 гг. При его дворе прошли последние годы жизни Авиценны. В Хамадане в то время правил Сама ад-Даула (1021—1032). Авиценна действительно бежал однажды, спасаясь от гнева Ала ад-Даула, но не в Хамадан, а в Рей. Таким образом, в тексте рассказа сразу две исторические ошибки.

К стр. 158.

Р а м а з а н — см. прим. к стр. 55. Вино вообще запрещено мусульманской религией.

Ш и х н е — см. прим. к стр. 52.

«...молока больше не оставалось». — На Востоке корову часто доят, не отлучая теленка.

К а л а н д а р — см. прим. к стр. 29.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
Этика аристократии	15
Мыши и кот	44
Определения	50
Сто советов	58
Книга влюбленных	66
Книга о бороде	123
Веселая книга	137
Примечания	161

Обейд Закани

ВЕСЕЛАЯ КНИГА

*Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РНCO
Академии наук СССР*

*

Редактор *С. С. Цельникер*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Л. Т. Михлина*
Корректоры *Д. Я. Броун и Л. И. Романова*

<p>Сдано в набор 14/І 1965 г. Формат 84 X 108¹/₃₂. Печ. л. 5,5. Усл. п. л. 9,02. Уч.-изд. л. 7,65. Тираж 70 000 экз. Изд. № 1286. Зак. № 2826. Тем. план 1964 г. № 126.</p>	<p>Подписано к печати 6/V 1965 г. Цена 40 коп.</p>
---	--

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».
Москва, Центр, Армянский пер., 2.

Типография «Красный пролетарий» Политиздата.
Москва, Краснопролетарская, 16.

200

Цена 40 коп.

